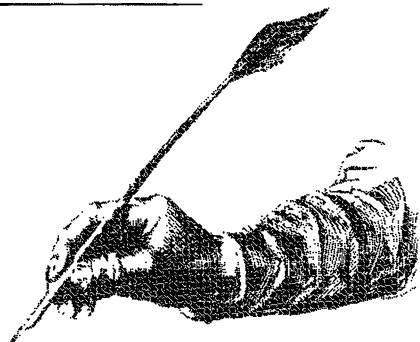

Альманах XXXXII
библиофила

Альманах АБ библиотека

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск 42

МОСКВА 2019

УДК 002(47+57)(082)

ББК 76.106(100)

А 70

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.В.Шустрова

РЕДАКЦИОННЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Быков И.В., Дегтярев А.Я., Енишерлов В.П.,

Ласунский О.Г., Петрицкий В.А., Покатов В.В.

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск сорок второй

30 нумерованных экземпляров в суперобложке

Экземпляр № _____

Точка зрения авторов альманаха
может не совпадать с позицией редакции

ISBN 978-5-93863-035-2

©Международный союз общественных организаций книголюбов, 2019

К ЧИТАТЕЛЯМ И АВТОРАМ «АБ»

Дорогие друзья!

В этом году у нас снова юбилей — Международному союзу книголюбов (МСК) — правопреемнику легендарного Всесоюзного общества книголюбов (ВОК) — исполнилось 45 лет! Когда-то многомиллионная организация пережила развал Советского Союза, устояла в «лихие» 90-е и стабилизировала свою деятельность в последние десятилетия. Она, конечно, не всеобъемлющая, но достаточно разноплановая: пропаганда книги и чтения, просветительская, выставочная, международная, издательская работа. Благодаря последней, вот уже более 40 лет продолжается выход нашего «Альманаха библиофила».

Издание имеет свой круг не только постоянных читателей, но и постоянных авторов, который постепенно расширяется, продолжая развивать заданную его первым главным редактором Е.И. Осетровым тематику, совершенствуясь в полиграфическом и оформительском плане. Основные рубрики «Альманаха библиофила» — «Библиотеки и библиофилы», «Книга и жизнь», «Наши публикации» — оказались в этом номере особенно насыщенными. Двенадцать авторов из различных регионов России, а также из Кыргызстана и Грузии, прислали материалы об интересных книжных собраниях, о замечательных подвижниках книги (Морковина А.Ю. «Хранитель времени» об Александре Папшеве» из Саратова, Семибратов В.К. «Имя П.М. Дульского на страницах журнала...» из Кирова, Чачуа М.М. «Глеб Коренецкий...» из Тбилиси и др.).

«Книжные памятники» вместили, на первый взгляд, достаточно узкоспециализированный материал Р.А. Лизогубова о «... Перечне изданий XVII в. Московского печатного двора по списку 1777 г.». Однако надеемся, что он будет полезен не только специалистам в области истории книги и собирателям старопечатных изданий, но и послужит отправной точкой для дальнейших исследований сотрудников отделов редкой книги российских библиотек.

Украсила номер рубрика «Резцом и кистью», увеличенная в объёме и представившая на суд читателей материалы о художнике Епифанове Г.Д. и пушкиниану В.В. Покатова в цветной вкладке, отметив таким образом юбилей нашего великого поэта — 220 лет со дня рождения.

На страницах альманаха мы попрощались («In memoriam») с известными издателями, замечательными книжниками В.И. Десятериком, О.М. Виноградовой, М.Б. Леонтьевой и С.Н. Никольской. Светлая им память!

Но жизнь продолжается! «Альманах библиофила» выходит накануне юбилея нашего замечательного книжного сообщества. Я поздравляю всех, причастных к Книге, работающих Во имя и во славу Книги, с этим особенным праздником и желаю здоровья, мира и процветания!

*Главный редактор «АБ»,
Председатель Совета МСК
Людмила Шустрова*

СНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Перечень изданий XVII в. московского Печатного двора по списку 1777 г.

Лизогузов Р.А. (Саратов)

Полного сводного каталога книг кирилловской печати XVII века, к сожалению, не существует до сих пор. После выхода в свет в 1958 г. фундаментального каталога А.С. Зерновой, все последующие работы редко обобщались в виде каких-либо списков, обычно вновь обнаруживаемым изданиям посвящались отдельные публикации. Исключением стал подготовленный А.А. Гусевой «Список разыскиваемых изданий XVII в., не вошедших в сводный каталог А.С. Зерновой «Книги кирилловской печати, издаваемые в Москве в XVI–XVII веках»», опубликованный в 1990 г., благодаря которому в научный оборот был введен целый ряд не известных ранее изданий. Однако и этот перечень далеко не полон.

Вводить в научный оборот ранее не известные старопечатные издания позволяют архивные материалы. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) мне удалось поработать со списком изданий XVII—XVIII вв., подготовленным в 1777 г. и озаглавленным «Ведомость какого звания книги в московской типографии с начала учреждения ее до ныне печатаемы были и по сколько экземпляров о том показано ниже сего» (Фонд 796, опись 58, дело 43).

Этот список позволяет уточнить данные о тиражах множества изданий XVII—XVIII вв., в нем обнаруживаются в том числе издания, экземпляры которых в настоящее время неизвестны. К сожалению, нельзя отрицать того факта, что при составлении такого списка в конце XVIII в. в него могли закрасться ошибки, поэтому информацию из списка следует перепроверять. Это возможно благодаря сохранившимся документам московского Печатного двора, хранящимся ныне в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Начиная публикацию указанного выше списка, я решил для начала ограничиться той его частью, в которой перечислены издания XVII в. Хочется верить, что эта публикация будет полезна не только собирателям старопечатных изданий, библиофилам, но и всем специалистам в области истории книги, а также библиотечным работникам.

Для удобства информация представлена в виде таблицы, где в первом столбце указывается название книги, во втором — количество отпечатанных экземпляров. При перепечатке я постарался максимально сохранить орфографию оригинала, часто в ущерб современным правилам русского языка. Следует отметить, что годы издания книг приводятся в списке от сотворения мира, как это было принято в колофонах самих книг (в тексте архивного документа пропускалась цифра 7000: например, год 129-й следует читать как 7129-й, т.е. 1621 г., а Апостол 129 г.— это Апостол 25.V.1621 г.).

Важно также отметить, что перечень этот далеко не полон, в нем отсутствуют многие издания, в реальности напечатанные на московском Печатном дворе, однако по какой-то причине пропущенные составителями.

Ведомость какого звания книги в московской типографии с начала учреждения ее до ныне печатаемы были и по скольку экземпляров о том показано ниже сего.

А именно

Число книг сколько печатано было	
Лист 1	
Во 129-м году	
Апостолов	1039
Триодей цветных	1074
А 130, 131, 132 и 133 годов ни каковых книг в типографской архиве не имеется.	
Во 134-м году	
Служеб ризы господня	3170

Псалтирей следованных	1082
Миней общих	1068
Псалтирей учебных	1020
Во 135-м	
Часословов	1002
Шестодневцов	1020
Миней месячных мая	955
Евангелиев напрестольных	1003
Часословов	1083

Лист 1 об.	
Во 136-м	
Службников	1020
Часословов	1078
Псалтирей следованных	1090
Минея месяца июня	1099
Евангелиев напрестольных	1127
Часословов	1105
А 137, 138, 139, 140, 141, 142 годов нововыходным из печати книгам дел и приходных книг не имеется	
Во 143-м	
Псалтирей следованных	1145
В четверть Часословов с кафизмами и с каноном ангела хранителя	2300
Службников	1150
В десь шестодневов	1150
В десь миней общих	1150
В десь апостолов	1150
Во 144-м	
В четверть часословов	2300
Триодей постных	1150
Миней месячных декабря	1150
В полдсть псалтирей учебных	2300
Лист 2	
В 145-м	
В десь потребников	1150
В десь псалтирей следованных	1150
В десь евангелиев напрестольных	1150
В десь трефологиев сентября месяца	1150
В четверть часословов без киновари	2300
Во 146-м	

Трифологиев июня, июля и августа месяцев	1150
Миней общих	1150
Во 147-м Нововыходным книгам дел и приходных книг не имеется	
Во 148-м	
В десь евангелиев напрестольных	1150
Триодей цветных	1150
В полдсть службников	1150
В полдсть часословов большою евангельскою печатю с кафизмами и с полуношницами и службою воскресною стихер и службою вседневною стихеры исвят[нрзб] с лушником и строчным каноном	1200
Во 149	
В полдсть николина жития и чудес	1200
Уставов	1200
Николина жития со всею службою	1200
Лист 2 об.	
Во 150-м	
Прологов с сентября по март	1200
В десь маргаритов	1200
В полдсть псалтирей учебных	1200
В четверть Часословов	1200
Псалтирей следованных	1200
Трефологиев месяца сентября	900
Прологов первой половины с сентября по март	1200
Многосложный свиток	1200
Во 151-м году	
В десь триодей постных	1200
В полдсть псалтирей учебных	1200

В четверть часовников	2400
Николина жития	2400
Патриарше поучение	1200
Апостолов	1200
Во 152-м	
Кирилла иерусалимского	1200
В четверть часословов учебных	1200
В десь евангелиев напрестольных	1200
Миней месячных января	1200
Миней месячных сентября	1200
Лист 3	
Во 153-м	
В десь миней общих	1200
В четверть часословов	1200
Миней месячных марта	1200
декабря	1200
октября	1200
ноября	1200
Во 154-м	
В полдсть псалтирей учебных	1200
Миней месячных апреля	1200
В полдсть псалтирей учебных	1200
Миней месячных февраля	1200
мая	1200
июня	1200
июля	1200
августа	1200
В четверть часословов	2400
Во 155-м	
В четверть канонников	1200
В полдсть служебников	1200
В четверть часословов	2400
В десь Сергия и Никона чудотворцов праздниства и жития и чудесы	1200

В подеть святец с тропари и кондаки и летописью	1200
Лист 3 об.	
Преподобного Ефрема Сирина	1200
В полдсть потребников	1200
Канонов Алексию митрополиту	1200
Канонов Николаю чудотворцу	1200
Азбук	2400
Иоанна лествешника	1200
В десь сборников	1200
Книг ратному делу строя	1200
Ефрема сирина	1200
Во 156-м	
В четверть часословов	2400
Канонников	1200
Вечерен	3600
Канонов Алексию митрополиту	1200
Листов о поклонех	2400
В полдсть псалтирей учебных	1200
Символов рекше исповедание о вере	1200
В полдсть евангелиев напрестольных	1200
В полдсть грамотики	1200
В полдсть псалтирей учебных	1200
В десь триодей цветных	1200
Лист 4	
Книг о вере единой истинной православной	1200
В полдсть псалтирей учебных	1200
В десь апостолов	1200
Во 157-м	
В десь апостолов	1200
В осьмуху святец	2400
Октаев первого и пятого гласов	1200 гнезд

В четверть акастиги...[нрзб]	1200
Азбук	6000
В десь Евангелиев толковых	1200
В десь уложений	1200
В полдесть псалтирей учебных	1200
Часословов	2400
В четверть часословов	2400
Во 158-м	
Псалтирей следованных	1200
Жития чудотворца Саввы	1200
В десь Жития Саввы чудотворца	1200
Уложения судных дел	1200
В десь Миней общих	1200
Во 159-м	
В полдесть псалтирей учебных	1200
В четверть Часословов с киноварей	1200
Лист 4 об.	
В десь триодей постных	1200
В полдесть псалтирей учебных	1200
В десь шестоднегов	1200
В десь евангелиев напрестольных	1200
В четверть часословов никитинской азбуки	1200
В четверть часословов осиповскою азбукою	1200
В четверть канонников правилных	1200
В полдесть служебников	1200
Азбук	2400
Во 160-м	
В четверть часословов	1200
В десь требников	1200
В десь псалтирей со возледованием	1200

В полдесть псалтирей учебных с киноварей	1200
Книги Ефрема Сирина со аввою дорофеем	1200
Часословов с киноварем	1200
Часословов же с киноварем	1200
Евангелиев учительных толковых	1200
В полдесть псалтирей учебных	1200
Во 161-м	
В десь часословов с киноварем	1200
Часословов	1200
Ефрема Сирина со аввою дорофеем	1200
Азбук	2400
Лист 5	
Вечерен	1200
вечерен	1200
Служебников	1200
В четверть канонников	1200
Триодей цветных	1200
Псалтирей наложных в десь евангельскою азбукою	1200
Апостолов тетр	1200
Книги Правила святых апостолов и святых отец	1200
Во 162-м	
Евангелиев напрестольных	1200
В четверть часословов	1200
Миней общих	1200
Чиновников како подобает принимать и Уверять обещавацаго служить государю царю всею правдой	1200
Во 163-м	
Азбук	2400
Лествиц	2400

В десть апостолов	1200
Во 164-м	
В полдесть служебников	1200
В четверть Часословов	1200
Чиновников освящения воде в навечерие святых богоявлений в полдесть	2400
Лист 5 об.	
В десть триодей постных	1200
Книг литургии Иоанна Златоустого по седми тайнах церковных в тому и афанасия александрийского ответы о всяких вещах и о божественнокрестном знамени	1200
Во 165-м	
В полдесть ирмосов	1200
Азбук с прибавкою	1200
Листов о поклонах	2400
Азбук с прибавкою	1200
Во 166-м	
Евангелиев напрестольных	1200
В десть псалтирей следованных	1200
В полдесть псалтирей	1200
В полдесть служебников среднюю печатью	1200
В полдесть служебников шестого выходу среднюю печатью	1200
Листов исповедания православной веры верую во единого бога с греческого перевода	3600
Поповских ставленных отпусковых грамот	1200
Диякопских ставленных грамот	2400
Азбук малых	4800

В полдесть служебников средней печати	1200
Лист 6	
Во 167-м	
В десть требников	1200
В десть прологов с сентября по март	1200
Во 168-м	
Миней общих	1200
Псалтирей следованных в малую четверть	2400
В десть прологов с марта по сентябрь	1200
В десть триодей цветных	1200
Во 169-м	
В десть шестоднегов	1200
В четверть часословов приделанными к ним тестаментами	1200
Книг цветословия	2400
В полдесть псалтирей учебных	2400
Во 170-м	
Прологов с марта по сентябрь месяц	1200
В четверть потреников мелкой азбуки	2400
Жития великого чудотворца Николы мелкой азбуки	2400
Евангелиев толковых недельных	1200
В полдесть псалтирей	1200
В четверть канопииков мелкой азбуки	2400
Во 171-м	
В полдесть миней общих	2400
В десть триодей постных	1200
В десть шестоднегов	1200

Лист 6 об.	
Евангелиев напрестольных	1200
Святец в малую четверть мелкой азбуки	2400
Во 172-м	
Библиев	2412
В десь апостолов тетр крупною азбукою	1200
В четверть часословцов крупною азбукою	2400
В полдесть псалтирей учебных	1200
Во 173-м	
Бесед евангельских на Иоанна богослова	1200
Во 175-м	
Азбук	3600
Во 176-м	
Букварей с арациями	1200
Службников средней азбуки	1200
Евангелиев напрестольных	1200
Святец в малую осьмуху	2400
Азбук	4800
В полдесть службников	2400
Во 177-м	
Азбук	4800
В четверть часословов средней азбуки	4800
В полдесть псалтирей учебных	2400
В четверть азбук	12000
Лист 7	
Чиновников Архиерейских освящение антиминсов	50
В полдесть псалтирей учебных	4800
Иерейских ставленых грамот	1000
В десь псалтирей следованных	1200
Во 178-м	

Азбук	12000
Букварей в арациями	12000
В четверть вечерни с павечерницами среднею азбукою	12000
В десь триодей цветных	2400
В четверть часословов с киноварем осиповскою азбукою	12000
Во 179-м	
В четверть службников осиповскою азбукою	4800
В четверть азбук	12000
В четверть псалтирей учебных с киноварем	4800
В десь псалтирей следованных	2400
Во 180-м	
В полдесть апостолов никитинской азбуки	2400
В четверть потребников осиповской азбуки	4800
Во 181-м	
В десь триодей постных	1200
В четверть псалтирей учебных с приделкою в ней правила дванадесять псалмов с тропари осиповскою азбукою	4800
Лист 7 об.	
В четверть канонников	4800
В полдесть ирмологиев святцами тропарями и кондаками	4800
Азбук	12000
Грамот поповских	1000
Дяконских грамот	500
Во 182-м	
В десь миней общих никитинскою азбукою	2400
Во 183-м	

В четверть азбук малых	12000
Поповских ставленых грамот	200
В полдесть поучении о благоговейном стоянии в церкви божи никитинскою азбукою	1200
В четверть хиротониев	2400
Прологов с сентября по март месяц	2400
В четверть часословов	12000
Поповских патрахе[вынос 1 буква нрзб]ных грамот	300
Во 184-м	
В полдесть служебников	2400
Во 185-м	
В полдесть служебников	2400
Жалованных грамот	1300
Протопопских ставленых грамот	100
Азбук малых	4800
Прологов мартовской половины	2400
Лист 8	
Азбук малых	9600
Чиновников архиерейских в десть печатанных свангельскою да никитинскою азбуками	80
Извещений о сложеннии триех первых перстов подревле преданному от отцов преданию	2400
Во 186-м	
В десть евангелиев напрестольных	2400
В полдесть требников печатанных воскресенскою да осиповскою азбуками	2400
В полдесть псалтирей учебных да в них же зделано дванадесять псалмов	2400
Разрешальных грамот	1000

В четверть часословов	4800
В полдесть псалтирей учебных	2400
В полдесть канонов молебного пения в нашествие варвар с поучением	100
Да одних поученнев	100
Во 187-м	
В десть триодей постных печатанных никитинскою азбукой	1200
В десть шестодневов осмогласных	2400
Хиротониев	2400
В четверть часословов с молитвами утренними и на сон грядущими	4800
Лист 8 об.	
Молитв утренних и вечерних	1200
Азбук	4800
В четверть канонников	2400
Азбук	1200
Ставленых иерейских грамот	200
Святец листовых	7200
В полдесть книг великого всятителя и чудотворца николая служеб и жития с чудесами	2400
В полдесть псалтирей учебных	2400
Книг вечерен с киноварем	4800
Азбук со арациями	4800
В осьмуху святец	7200
Во 188-м	
В четверть молитв на сон грядущий и утренним	2400
В четверть дванадесять псалмов	2400
В десть апостолов	1200
В десть триодей цветных	2400

В четверть часословов с молитвами утренними и вечерними	2400
Азбук малых	4800
В десь псалтирей следованных	1200
В десь трбников	1200
Лист 9	
Во 189-м	
Азбук малых	2400
В поддсть псалтирей учебных	2400
Канонов за упаковкой с помянником	1200
В десь евангелиев толковых	1200
В четверть трбников	2400
В четверть часословов	2400
Азбук малых	1200
В десь миней общих	1200
Во 190-м	
Евангелиев на престольных на александрийской бумаге	480
В десь псалтирей следованных	1200
В четверть часословов	2400
В поддсть псалтирей учебных	2400
Канонов святой пасхе	360
Азбук	7200
Хиротониев	2400
В поддсть поучений в две тетради	600
Их же в четыре тетради	600
Канонов заупокой с помянником	2400
Во 191-м	
В десь уставов	1200
Часословов	2400
В поддсть уветов духовных возгашения на раскольников	1200
Разрешительных грамот	4800

Лист 9 об.	
В десь триодей постных	1200
Заповедей Господних на двух листах	1200
Заповедей Господних на двух листах александрийской средней	2400
В четверть канонников	2400
Азбук	4800
В поддсть ирмологиев	1200
Во 192-м	
В десь осмогласников	1200
В десь миней общих	1200
В поддсть книг о благодарствии ко господу Богу за его к нам пренелькую милость	1200
Ставленных поповских грамот	600
В четверть часословов	4800
В десь триодей постных	1200
Азбук	4800
В поддсть псалтирей учебных	2400
Канонов Алексия митрополита на пренесение мощей	1200
Их же на обречение мощей	1200
Азбук малых	3500
В десь апостолов	1200
Азбук	2400
Азбук же	1200
В поддсть псалтирей учебных	2400
Жалованных вотчинных грамот	50
Лист 10	
Во 193-м	
В десь псалтырей следованных	1200
В четверть часословов	4800
Хиротониев	2400

Службников	1200
Азбук	6000
В десь миней обших	1200
Азбук	2400
В четверть часословов с кафизмами	2400
В полдесть евангелиев на престольных на александрийской бумаге	2000
Азбук	4800
В десь прологов с сентября полгода	1200
Во 194-м	
Азбук	2400
В полдесть псалтирей учебных	2400
Азбук	2400
Прологов с марта полгода	1200
Настольных архимандричьих грамот	40
Игуменских грамот	60
Ставленных грамот по которым святят и мирских людей в попы	1200
В десь триодей цветных	1200
Грамот ставленных поповских по которым святят из дяконов в попы	600
Канонов святой пасхе	4800
Азбук	2400
Лист 10 об.	
В десь псалтирей следованных	1200
Азбук	4800
Во 195-м	
В десь евангелиев толковых	1200
В четверть часословов	4800
Ставленных грамот по которым святят из мирских людей по дяконы	600

В полдесть псалтирей учебных	2400
Азбук	2400
В четверть канонников	4800
Кругов месячных коегождо месяца и в кий [какой? нрзб] день часы дневные и почные прибывают и узвают под ними [нрзб] рождения и ущербы Луны	4800
Хиротонии	9600
В четверть требников	4800
В четверть ектений о победе на безбожных агарян	480
В четверть ектений о победе на безбожных агарян же	1200
В десь миней обших	1200
Во 196-м	
Азбук	9600
В десь триодей постных	1200
В четверть псалтирей учебных	4800
В полдесть ирмологиев	1200
В четверть часословов	4800
В полдесть служеб и жития с чудесами великого святителя Николая чудотворца	1200
Лист 11	
В десь апостолов	1200
В десь часословов больших наложных	1200
Азбук	4800
Азбук	1200
В десь шестоднево осмогласных	1200
В полдесть псалтирей учебных	2400
В 197-м	
Азбук	2400
В десь евангелиев на престольных	1200

Службников	1200
В четверть требников	4800
Азбук	2400
В десь требников	1200
В четверть часословов	4800
Святец по размеру на листу по полторы тетради	7200
Во 198-м	
Евангелиев великих на целом александрийском листу на стороне по одной странице	150
Азбук	4800
В десь псалтирей следованных	1200
Канонов Алексея митрополита обонх творцов	1200
Канонов Сергия чудотворца обонх же творцов	1200
В полдесть псалтирей без киновари	1200
Азбук	2400
Лист 11 об.	
В четверть часословов	4800
Азбук	12000
Во 199-м	
Прологов во весь год	1200 годов
В полдесть псалтирей учебных с киноварем	1200
В полдесть псалтирей учебных без киновари	4800
Азбук	4800
Азбук	14400
В 200-м	
В десь миней дванадесятных	1200
В четверть часословов	7200
В десь триодей цветных	1200
В десь октоихов	1200

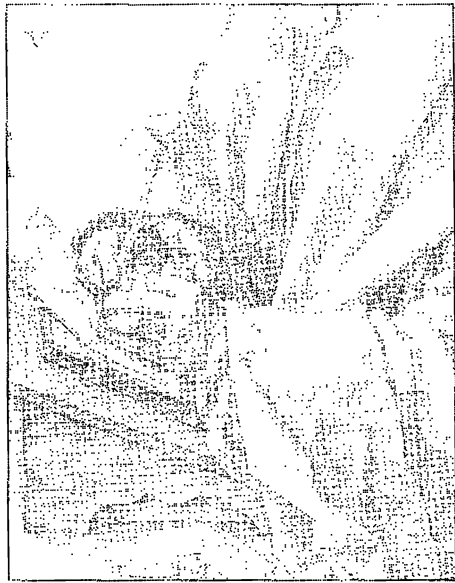
Азбук	9600
В 201-м	
Канонов Алексню митрополиту	2400
Канонов Сергию чудотворцу	2400
В полдесть службников	2400
Азбук	14400
Протопопских грамот	200
В 202-м	
Молить на сон грядущим утренних и вечерних	3600
Миней дванадесятных новоисправленных другого выходу	1200 годов
В полдесть псалтирей учебных	4800
В десь триодей постных	1200
Лист 12	
В десь псалтирей следованных	1200
В полдесть служб и жития Николаю чудотворцу	1200
В полдесть ирмологиев	1200
В четверть часословов	4800
В 203-м	
В десь евангелиев напрестольных	1200
В десь апостолов	1200
В четверть канонников	2400
Святец в шестерную тетрадь	7200
В десь шестолнегов	1200
В десь триодей цветных	1200
В десь уставов церковных	1200
В полдесть псалтирей учебных	2400
В десь псалтирей следованных	1200
В полдесть святого Иоанна воина и чудотворца служб с житиями	1200
В 204-м	
Азбук	12000

В десть миней общих	1200
В четверть часословов	7200
В десть катихисисов	1200
Прологов во весь год	1200 годов
В полдесть псалтирей учебных	4800
В 205-м	
В четверть псалтирей учебных	4800
В четверть часословов	2400
Лист 12 об.	
В десть апостолов	1200
В полдесть ирмологиев	1200
Требников	4800
Триодей постных	1200
Евангелиев толковых	1200
В 206-м	
В десть евангелиев на престольных	1200
Апифилогиев	1200
В десть псалтирей евангельской печати	1200
В десть требников	1200
В четверть часословов	4800

В десть псалтирей следованных	1200
В полдесть псалтирей учебных	2400
В четверть канонников	2400
В 207-м	
В полдесть служебников	2400
В полдесть жития Николая чудотворца	2400
Евангелиев на престольных на александрийской большей бумаге	600
Их же вседневных	1200
В десть октаев	1200
В десть триодей цветных	1200
Маргаритов	1200
В 208-м	
Азбук	36000
Апостолов	1200
Лист 13	
В 700-м	
В четверть часословов	4800
В десть сборников	1200
В десть уставов	1200
В четверть псалтирей	4800
Заповедей	2400

Далее список продолжается до 1777 года. В дальнейшем будет осуществлена последующая его публикация.

*Библиотеки
и библиофилы*

САРА САРТИВИТАС — МИЛЫЙ ПЛЕН:

*о книге и чтении по материалам
одной музейной экспозиции*

ОПРИТОВА Т. А. (ТАМБОВ)

*Читателям Плехановской
библиотеки посвящается...*

Книга обладает необъяснимой магической силой, способной перевернуть наше восприятие жизни. Кто-то очень любящий книгу назвал её удивительный мир «милым пленом». Действительно, необычайное наслаждение погружаться в интересную историю, иную реальность, переживать, радоваться и грустить, страдать и разочаровываться, ощущать какой-то особенный восторг от неожиданных сюжетных поворотов. И однажды мы осознаем, что чтение — великая сила для развития духа и сердца!

Захватывающими и волнующими читательскими историями поделились посетители библиотеки № 1 им. К.В. Плехановой — старейшей в городе Тамбове, отметившей в марте 2019 года своё 100-летие. Читатели здесь всегда были особенные: вдумчивые, требовательные, обладающие блестящей эрудицией. Это — своеобразная элита тамбовской читающей публики, к которой применимо определение Ивана Ильина «аристос», означающее по-гречески «лучший». Именно — «лучшие»: образованные, начитанные, владеющие высокой культурой чтения и пользования библиотекой. А как иначе можно объяснить факт сохранения до настоящего времени изданий XIX — начала XX веков, которые находились в обращении у читателей вплоть до 1990-х годов. На многих этих старинных книгах проставлены самые начальные инвентарные номера, относящиеся к периоду становления библиотеки.

Сюжеты о книжных увлечениях и пристрастиях нескольких поколений читателей легли в основу юбилейной экспози-

ции Музея книги и библиотечной культуры, существующего при Плехановской библиотеке уже пятнадцать лет. Экспозиция построилась необычная: рядом с дорогими читательскому сердцу книгами из домашних собраний расположились фотографии, документы, мемориальные предметы. Они рассказали семейные предания о чтении, любимых писателях и их героях. Когда начинали заниматься какой-либо читательской историей, старались увидеть в ней нечто большее, чем просто биографические факты, стремились, чтобы возник сплав судьбы человека и эпохи, в которой он жил.

«ЧИТАТЬ В СЕМЬЕ ЛЮБИЛИ ВСЕ...»

Внимательному читателю интересно всё: он отмечает в книге, помимо сюжета, исторические детали, незнакомые слова и неизвестные географические названия. Он размышляет о прочитанном, следит за каждой сюжетной линией и, несомненно, получает удовольствие от книги. Что уж говорить о восприятии произведений художественной литературы, когда происходит погружение в мир духовности и постижение особого смысла, оценка формы, содержания, авторского замысла, и восприятие книги в конкретном историческом и культурном контексте. Здесь мы уже говорим об особенном читателе, изысканном ценителе искусства слова и литературы.

На такие размышления наводит семейная сага, рассказанная Верой Дмитриевной Орловой, видным в Тамбове историком, знатоком русского быта XVIII — XX веков. Она — из династии педагогов. Её родители, Евдокия Георгиевна и Дмитрий Дмитриевич Орловы, не один десяток лет преподавали физику в Тамбовском государственном педагогическом институте на физико-математическом факультете. В семье любили читать и очень ценили книгу, можно даже сказать, что был её культ. Использовались любые источники пополнения домашней библиотеки: от подписки на журналы до реставрации книг любимых авторов, обнаруженных при сборе макулатуры.

Дмитрий Дмитриевич Орлов происходил из духовного сословия. Его отец Дмитрий Васильевич был сыном

протоиерея. По окончании семинарии служил псаломщиком в Казанском храме села Каменка Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Настоятелем в этом храме был отец Михаил Михайлович Молчанов. Сельский священник жил небогато, но всегда выписывал журналы «Прогрессивное садоводство и огородничество» и детский журнал «Светлячок». Большое место в домашней библиотеке занимал еженедельный иллюстрированный журнал «Нива» — один из самых популярных русских периодических изданий конца XIX века, выпускаемых А.Ф. Марксом в Петербурге. Журнал предназначался для семейного чтения и был рассчитан на широкий круг читателей. В «Ниве» публиковались стихи и проза, исторические, научно-популярные и юбилейные очерки по различным поводам, репродукции, а также гравюры картин русских художников. Публикации на политические темы преподносились в «благонамеренном» духе и обязательно сопровождались иллюстрациями и портретами. Начиная с 1891 года, как бесплатное приложение к журналу, стали выходить собрания сочинений русских и зарубежных авторов, журнал с выкройками «Парижские моды», олеографии (литографии с картин, писанных маслом), календари и художественные альбомы. Большие тиражи журнала «Нива» делали низкой цену на его подписку, что было немаловажно для семьи священника сельского храма. Так в библиотеке отца Михаила появились сочинения Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.С. Пушкина, других писателей. Любимыми книгами его дочерей были произведения Лидии Чарской, «Квартеронка» Майн Рида, «Маленькая хозяйка большого дома» Джека Лондона, «Хижина дяди Тома» Бичер Стоу. Матушка Евгения также выписывала из Ростова каталоги семян и саженцев, в которых содержались черно-белые рисунки. Впоследствии они становились раскрасками для детей. Со временем собралась небольшая домашняя библиотека: сундук беллетристики и этажерка с духовными книгами.

Казалось, ничто не может изменить течение жизни скромной семьи сельского священника: служение в храме, окорм-

*Протоиерей Михаил Молчанов
с супругой*

ление паствы, воспитание и обучение детей и внуков, труды в собственноручно выращенном саду и устроенной при нем пасеке. Так бы и шло всё своим чередом, если бы не случился Октябрьский переворот. Осознание необратимости перемен пришло позже. Возможно, ещё и потому, что глубоко верующие люди всегда с надеждой и уверенностью смотрят в будущее, упоывая на помощь Божию. В тревожный 1918 год отец Михаил выдал замуж свою младшую дочь Верочку. Её мужем стал уже известный нам псаломщик Дмитрий Васильевич Орлов. Свадьба была очень скромной: матушка Евгения подарила дочери сундук, одеяло, комплект серебряных чайных ложечек, полученных ею в награду за благотворительную деятельность. Фату невесте сшили из марли. Брат Миша преподнёс букет цветов из сада земского врача. Да и у Дмитрия Васильевича своего скарба было немного, но не это было главным в молодой семье Орловых: более всего ценилось духовное единение, взаимопонимание, уважение, доброе и сердечное отношение. А ещё в почете были книги. Их мудрость и знания позволяли

понять самое важное из недолгого пребывания человека на земле.

В 1920-е годы село Каменка стало центром Антоновского крестьянского восстания, охватившего не только Тамбовскую, но и части Воронежской, Саратовской, Пензенской губерний. Трагически сложилась судьба семьи священника Молчанова: протоиерей был убит красными, когда шел в храм на вечернюю службу. «После убийства отца Михаила красные ворвались в его дом, устроили обыск, расстреляли висевшие на стенах портреты родных в церковных облачениях, забрали на самокрутки многие книги из домашней библиотеки. Потом увели с собой младшего сына — восемнадцатилетнего Михаила», — вспоминала наша читательница Вера Дмитриевна Орлова. Её бабушке Вере Михайловне удалось сохранить родительские иконы, несколько богослужебных книг и священных текстов. Уже в годы Великой Отечественной войны, когда на Тамбовскую кафедру пришёл служить В.Ф. Войно-Ясенецкий, архиепископ Лука, она передала святыни в открывшийся после долгих лет запустения старейший Покровский храм города Тамбова.

Вера Михайловна и Дмитрий Васильевич обосновались в Тамбове. Обитали на съёмной квартире в здании бывшей частной женской гимназии Р.К. Ивановой на улице Интернациональной. В 1919 году родился их первенец, которого нарекли Дмитрием. Жили тихо и скромно, скрывая своё духовное происхождение. Глава семьи устроился работать бухгалтером, жена занималась воспитанием сына. Без чтения не проходило и дня: брали книги в городских библиотеках или у знакомых. Постепенно собиралась и своя книжная коллекция. Её основой стали тома приложений к журналу «Всемирный следопыт». Это был журнал о путешествиях и приключениях. Его Орловы выписывали много лет, выкраивая средства из скудного семейного бюджета. Так романы Ж. Верна, М. Рида, Ф. Купера, Дж. Лондона вошли в круг чтения семилетнего Митюшки. Мальчик рано научился читать, запоминал мельчайшие детали сюжета. Позже к списку прочитанных книг до-

Дмитрий Дмитриевич Орлов

бавились Р. Стивенсон, Р. Саббатини, А. Дюма, но Жюль Верн остался его любимым писателем на всю жизнь. Митя мечтал о морских путешествиях, занимался в судомодельном кружке, но понимал, что из-за плохого зрения ему не быть моряком. Его заветным желанием стала профессия кораблестроителя. И всё же судостроительный институт так и остался мечтой: дважды не проходил по конкурсу. Тогда окончил педагогический и

стал учителем физики в сельской школе.

Затем была Великая Отечественная война, которую Д.Д. Орлов прошёл артиллеристом от первого до последнего дня. Позже Дмитрий Дмитриевич вспоминал, что «жизнь на войне не могла состоять из одних служебных забот. Во время пребывания в резерве после ужина, когда было уже темно, можно было отдохнуть от напряженного дня: посидеть с товарищами у костерка, а зимой — у камелька. Пели, что-то рассказывали. Мне приходилось рассказывать историю артиллерии. Но большей популярностью пользовались рассказы приключенческой литературы. Например, «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетёра», произведения Джека Лондона». Когда многие сюжеты были поведаны не одни раз, он начинал объединять события разных приключенческих романов и повестей. Так перемешивались рассказы о подвесах королевы, пиратских кладах и золотоискателях. Дмитрий Орлов часто новествовал от автора, видел мир глазами вымышленных героев, передавал их мысли. Уставшие от войны бойцы проникались переживаниями и радостями другой жизни. От этого их личные тяготы, утраты, скорби казались чуть меньше, хотя бы на короткое время. Эти литературные рассказы помогали и рядовому, и офицеру видеть себя частью чего-то большего, давали надежду на скорую мирную жизнь. Д.Д. Орлов вспо-

минал, что скрасить фронтовые будни, поднять боевой дух помогала также «Книга про бойца» — поэма А. Твардовского «Василий Теркин». Брошюрки с главами поэмы зачитывали в окопах до дыр.

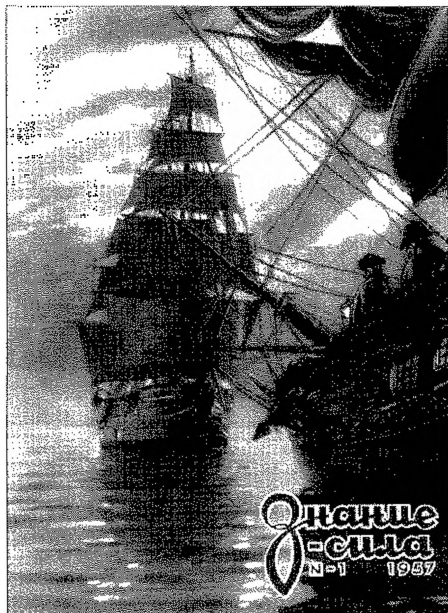
За время войны книг в домашней библиотеке Орловых стало намного меньше. А что оставалось делать: когда семье совсем приходилось туго, меняли любимые приключенческие тома на продукты. И это была примета времени — кому-то книги принесли радость.

«НЕЧТО ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЕ, БЕЗУМНО СЛОЖНОЕ И ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ...»

После Великой Отечественной войны семейную библиотеку восполняли при любом удобном случае: приобретали у букинистов и в книжных магазинах, выписывали «Роман-газету», «Знание — сила», «Науку и жизнь». Постепенно самодельный стеллаж заполнился от пола до потолка.

Однажды январским днём 1957 года был получен первый номер журнала «Знание — сила», на обложке которого изображались большие мачтовые корабли. Оказалось, что это иллюстрация к главе «Летучий голландец» историко-приключенческого романа Р.А. Штильмарка и В.П. Василевского «Наследник из Калькутты». Дмитрий Дмитриевич нашёл в этих историях очень многое из своих фронтовых импровизаций. Глава читалась на одном дыхании. Восприятию текста способствовали также замечательные иллюстрации известного книжного графика Аркадия Александровича Лурье, ученика Е.Е. Лансере и Н.Э. Радлова. Они отличались превосходным рисунком, эмоциональностью и точностью композиции. Каждый образ, созданный художником, имел свой неповторимый характер.

Действие приключенческого романа разворачивалось в конце XVIII века, когда крупнейшие державы Европы делили за океаном колонии, в Америке шла борьба за независимость, во Франции совершалась Великая революция и повсюду распространялись самые смелые гуманистические идеи. На этом

Обложка журнала «Знание – сила», 1957, № 1, в котором была напечатана глава из романа Р. Штильмарка «Наследник из Калькутты»

фоне читатель знакомился с увлекательной историей о противостоянии положительного героя и злодея. Благородный корсар Бернардито, создав мнимый парусник «Летучий голландец» с матросами-скелетами, которых изображали разрисованные светящейся краской негры, а на берегу — «деревню мертвецов» с расставленными в устрашающих позах останками надсмотрщиков над рабами, довёл отрицательного персонажа Джакомо Грелли до помешательства. Так Бернардито удалось разоблачить и вывести на чистую воду Грелли, расстроить планы его и работорговцев. Борьба с рабством отвечала советской идеологии периода распада колониальных империй.

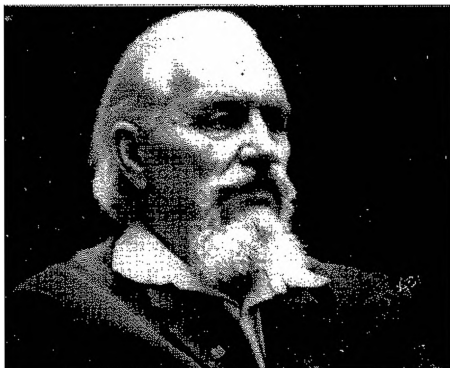
История о Летучем голландце стала одной из любимых в семье. Дмитрий Дмитриевич не устал пересказывать её, каждый раз добавляя что-нибудь от себя, своей дочери Верочке (названной так в честь бабушки Веры Михайловны Молчановой). Будучи уже ученицей четвёртого класса, Верочка прочитала журнальную публикацию и ещё больше увлеклась

описанными приключениями. Теперь уже девочка передавала своим друзьям сюжет главы из романа «Наследник из Калькутты». Дети даже играли в морские приключения. Всем очень хотелось знать, что же происходило дальше и чем закончился роман. Обретение книги оказалось неожиданным. В 1975 году ученики средней школы № 34, в которой училась Вера, собирали макулатуру. И вдруг среди горы грязных и порванных книжек она обнаружила уцелевший книжный блок. От прочтения первых страниц захватило дыхание. Это была долгожданная книга «Наследник из Калькутты»! Как же были рады этой находке все домашние. Её плачевный вид никого не смутил, поскольку Дмитрий Дмитриевич владел переплётным искусством.

Худож. А. А. Лурье. Иллюстрация к роману Р. Штильмарка «Наследник из Калькутты»

Переплётному делу Д. Д. Орлов научился ещё в юном возрасте. В 12 лет отец, не надеясь только на школьное образование, устроил его на обучение к хорошему переплётчику. До революции в Тамбове было много переплётных мастерских. Квалификация их владельцев, качество оборудования и, соответственно, оказываемых услуг были различными. В 1920-е годы все такие цеха и предприятия были национализированы. Оборудование одного из них передали в детский дом, где ребятам преподавал азы переплётного дела бывший владелец мастерской. Митя занимался больше года, постиг многие секреты переплётного ремесла: умел делать мраморную бумагу, золотой обрез, знал и другие профессиональные приёмы. В

*Роберт Александрович
Штильмарк*

летнее время бухгалтерия одного из тамбовских заводов занимала умелого подростка-переплётчика для брошюровки документации. Да и всю последующую жизнь Дмитрий Дмитриевич с любовью переплетал книги для друзей, знакомых, библиотек. Не стала исключением и реставрация «Наследника из Калькутты»: переплёт был выполнен искусно. Страницы книг укреплены папиросной бумагой, блок сшит на самодельном станке, тканью усилены углы крышек и их место крепления к блоку — было сделано всё для сохранности старенького тома. Обложку украсила цветная иллюстрация из журнала «Знание — сила». На пишущей машинке Дмитрий Дмитриевич напечатал предисловие, которое восстановил по журнальной публикации.

С приобретением книги всё стало на свои места: известные сюжетные коллизии, заветный том хранится в домашней библиотеке и в любое время можно перечитать интересные главы, сочинённые геологами в минуты отдыха у костра.

Оказалось, история имела своё продолжение. В 1989 году в газете «Комсомольская правда» была напечатана статья, в которой сообщалось, что авторы писали книгу вовсе не в геологических партиях, а в исправительно-трудовом лагере «Енисейстрой», и авторов у романа не двое, а один — Роберт Александрович Штильмарк. Эта публикация стала важным дополнением книги, поэтому её туда аккуратно вклеили. В статье рассказывалось о необычной и трудной судьбе Р.А. Штиль-

марка, происходившего из древнего скандинавского рода, чьи предки жили в России с XVII века. Знание шести иностранных языков, истории зарубежной и русской литературы, а также образование, полученное в Высшем литературно-художественном институте имени В.Я. Брюсова, позволили Роберту Штильмарку занимать должность редактора в журналах «Иностранная литература» и «Молодая гвардия», быть журналистом газеты «Известия», работать в ТАСС, выпустить книги своих стихов и очерков.

Широкая эрудиция, компетентность и профессионализм, высокая личная культура способствовали приглашению Р.А. Штильмарка на преподавательскую работу в Военную академию им. В. Куйбышева, а также для чтения лекций высшему командному составу НКВД. Во время Великой Отечественной войны он служил в разведоте на Ленинградском фронте, был ранен, после чего направлен сначала в Ташкент, затем в Москву преподавать иностранные языки и топографию. Но в 1945 году военная деятельность Роберта Штильмарка неожиданно закончилась. По ложному доносу он был осуждён за «антисоветскую агитацию» на десять лет лагерей. Р.А. Штильмарка этапировали в исправительно-трудовой лагерь. Его заключённые строили железную дорогу Салехард — Игарка, растянувшуюся на сотни километров вдоль Полярного круга. Здесь, в ГУЛАГе, в 1950–1951 гг. был задуман и написан роман «Наследник из Калькутты».

О литературных способностях и начитанности заключённого Роберта Штильмарка узнал лагерный авторитет Василий Василевский и заказал ему написать историко-приключенческий роман, надеясь послать его Сталину как автор, чтобы получить амнистию. В. Василевский создал сносные условия жизни для писателя, обеспечил чернилами и бумагой. По вечерам Роберт Александрович рассказывал уголовникам придуманные истории о романтических приключениях. Они так увлекали и заинтересовывали, что слушатели требовали немедленного продолжения. Так и писалась глава за главой. Роман увидел свет уже после освобождения и реабилитации

*Книжный так Веры
Дмитриевны Орловой*

Роберта Александровича Штильмарка в издательстве «Детгиз» в 1958 году в серии «Библиотека приключений и научной фантастики». В 1959 году Р.А. Штильмарку удалось доказать в суде своё авторство. Справедливость была восстановлена, и второе издание романа «Наследник из Калькутты» вышло уже под его фамилией. Наибольшая популярность книги пришлось на начало 1990-х годов, вместе с этим возрос интерес к личности, творчеству писателя и журналиста Роберта Александровича Штильмарка.

«ВОТ ОНО, ДЕТСКОЕ СЧАСТЬЕ...»

Чтение такой захватывающей художественной литературы позволяло родителям Евдокии Георгиевне и Дмитрию Дмитриевичу Орловым формировать с детства читательскую культуру дочери Веры. Они учили её понимать и принимать бесценный словесный дар писателя, читать неторопливо, размышлять над книгой. И девочка очень рано усвоила, что чтение — это труд ума и души. Уже в первом классе она прочитала детское издание «Робинзона Крузо» Д. Дефо: размеры тома, количество страниц её не пугали. Интерес к литературе поддерживали также школьные уроки, которые увлекательно проводила учительница-словесник Волкова Татьяна Васильевна. Она поощряла любое художественное творчество и всегда устраивала занятия по внеклассному чтению. Ребята должны были приходить на них с дневником читателя.

Сохранился такой дневник Веры Орловой за пятый и шестой классы. В нём — краткое описание прочитанных книжек, рисунки. По ним можно судить, как она осваивала своё «читательское пространство». Приключения, которыми распо-

лагала школьная библиотека, были прочитаны ещё в третьем классе. Следующие два года нужные книги Вера брала в областной детской библиотеке, но и она очень быстро перестала её устраивать — читателей было много, и на интересные тома выстаивалась большая очередь. Однако, именно здесь девочка освоила приёмы работы в читальном зале. Тогда Вере Орловой было десять лет. Стоял сильный мороз, уроки в школе отменили, и девочка пешком прошла несколько остановок к старому зданию бывшей приходской школы Варваринской церкви, где находилась детская библиотека. В читальном зале она получила желанную книгу «Армия Трясогузки снова в бою». Повесть была написана Александром Власовым и Аркадием Млодиком и воспроизводила события гражданской войны, когда три мальчика-беспризорника создали свою армию для освобождения города от белогвардейцев. Успех книги обеспечил фильм, который ребята смотрели в кинотеатре не один раз. Но читать оказалось ещё интересней, чем смотреть кино: в печке потрескивали дрова, окна заиндевели от мороза, а Вера оказалась единственным читателем в библиотеке в это утро. Какое же это было счастье!

Родители видели, что их дочь интересуется многим и читает всё, что попадает под руку, поэтому стали брать для неё книги в библиотеке пединститута. Так чтение Веры направлялось в нужное русло. Любимыми стали произведения Ф. Купера и Л. Кассиля. Она обожала «Четыре танкиста и собака» польского автора Януша Пшимановского. На всю жизнь полюбила «Два капитана» В. Каверина, «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Принца и нищего» М. Твена.

Вера долго не могла понять, отчего бабушка так любит «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина — там столько написано о восстании Пугачёва, а папа перечитывает Ж. Верна. Осознание пришло с годами: бабушка воспринимала пушкинскую повесть как историю о любви, а папа всю жизнь интересовался географией и техникой. Все искали и находили для себя смысл, силу и яркие краски бытия. Как тут не согласиться с философом И. А. Ильиным: «... каждый из нас есть то, что

Георгий Михайлович Тепляков за работой. Фото конца 1940-х гг.

он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтённого,— как бы букетом собранных нами в чтении цветов...». С годами меняются читательские интересы, в круг чтения входит профессиональная литература, но остаётся в памяти светлая радость от первой книги, подаренной мамой и папой, юношеских впечатлений от приключений книжных героев, на которых хотелось походить. Память эта сильная и на всю оставшуюся жизнь.

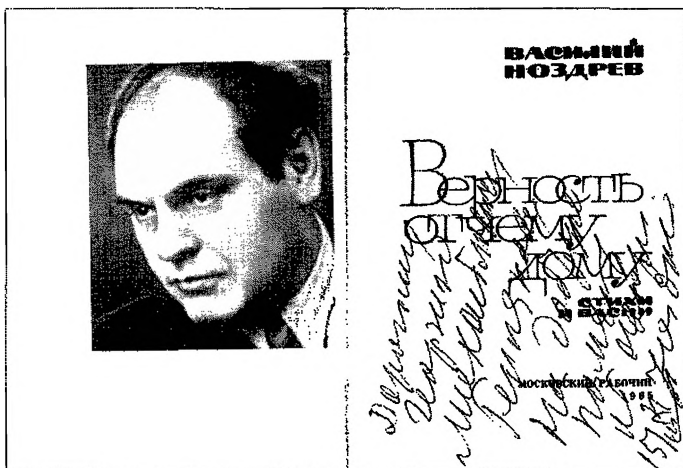
ФРОНТОВИК, УЧЁНЫЙ, КНИГОЧЕЙ

Книга вошла в судьбу Георгия Михайловича Теплякова однажды и навсегда. О глубокой, искренней привязанности к книге свидетельствуют тома большой семейной библиотеки. Они характеризуют владельца, отражают восприятие им окружающего мира. Здесь, шагая, как путник, от тома к тому, открываешь для себя манящую даль русских просторов, лесов и рек, проникаешься судьбами героев русской классики, их иллюзиями, радостями, разочарованиями, живёшь мудростью философов и историческим знанием. Так распахиваются новые горизонты и ещё неведомые острова науки.

Книги служили безусловным подспорьем в научной деятельности Георгия Михайловича Теплякова, кандидата физико-математических и философских наук. С именем этого человека связаны без малого три десятилетия в истории кафедры теоретической физики Тамбовского педагогического института (ныне государственный университет им. Г.Р. Державина). Кафедра была создана в 1948 году по инициативе известного в Советском Союзе историка физики П. С. Кудрявцева. Спустя два года её возглавил Г.М. Тепляков. Под руководством Георгия Михайловича, а это двадцать шесть лет деятельности учёного, была открыта аспирантура, «через которую прошли почти все преподаватели-физики и ещё два десятка студентов, появились новые аудитории со стандартной лабораторной мебелью, оптические и рентгеновские установки». В экспериментальном плане Г.М. Тепляков развивал изучение малых электрических токов и продолжал собирать обширный исторический материал для докторской диссертации о русском физике А.Г. Столетов. Это было продолжением его огромной предыдущей работы по исследованию Московской физической школы.

Свою кандидатскую диссертацию Г.М. Тепляков защитил в Москве под руководством Василия Федоровича Ноздрева, декана физико-математического факультета, профессора МГУ, впоследствии ректора Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Участник боев на Халхин-Голе, Василий Ноздрев в составе истребительного батальона НКВД прямо с парада 7 ноября 1941 года ушёл защищать столицу, был ранен, демобилизован и направлен на научно-исследовательскую работу в области теоретической физики. Фронтное прошлое связывало наставника и его ученика.

В.Ф. Ноздрев олицетворял удивительный сплав учёного и поэта-романтика. Об этом свидетельствует маленькая книжка его стихов и басен с дарственной надписью: «Дорогому Георгию Михайловичу Теплякову на добрую память от автора. В. Ноздрев. 15/III-66 г.»¹. В книге сохранилась закладка на

*Поэтический сборник
В.Ф. Ноздрева, подаренный
Г.М. Теплякову 15 марта 1966 г.*

странице со стихотворением «В костромском лесу». Георгию Михайловичу оно особенно было по сердцу.

Сам он — уроженец небольшого села Козиониха, что в Шарьинском районе Костромской области. Места там замечательные: село расположено на берегу одной из красивейших рек Русской равнины — Ветлуги, притока Волги. Почти на всём её протяжении вдоль высокого правого берега тянутся дремучие хвойные леса. По более пологому левому берегу они чередуются с заливными лугами, заводями, старицами — участками её прежнего русла и пойменными озерами. Жители села издавна занимались лесным промыслом, охотой и рыбалкой, метко стреляли и были отличными лыжниками. Ирина Теплякова, дочь Георгия Михайловича, вспоминает: «Он страшно гордился.. родом «тепляковским» — старинным, основательным и трудолюбивым. Папа не припимал уничижительного определения — «родом от сохи»; он говорил: «Все мы от Матери Земли Русской». Так и совмещались в нём любовь и настырность в постижении знаний, увлечённость охотой и рыбалкой, без чего трудно было представить жизнь в суровых костромских лесах, и спорт»². Ирина Георгиевна, член Союза журналистов, известный в Тамбове

автор публикаций патриотической и духовно-нравственной тематики, бережно хранит архив отца, дорогие вещи, напоминающие о близком и родном человеке, о его «рано поседевшем от войны сердце». Память эта неизбывна, наполнена светом и тихой грустью.

В первый же день Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 года — Георгий Тепляков и его братья Александр и Петр были призваны в ряды Красной Армии. Благодаря хорошей физической подготовке, умению метко стрелять и хорошему знанию немецкого языка, Георгия направили на краткосрочные курсы в Военно-морское училище, располагавшееся в городе Молотов (ныне Пермь), после чего он был приписан к 252-й, впоследствии получившей почетное наименование Харьковско-Братиславской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии и направлен в специализированную роту связи. Боевое крещение Георгий Тепляков получил под Сталинградом в составе Донского фронта 3 октября 1942 года.

Это объясняет, почему в библиотеке Георгия Михайловича всегда под рукой была книга «Наша 252-я. Ветераны дивизии вспоминают», выпущенная Пермским книжным издательством. В ней — правдивые истории о живых и павших за Родину героях, о потерях и горестной поре отступления 1941 года, тяжёлых боях и жарких сражениях под Сталинградом, Харьковом, об уничтожении Корсунь-Шевченковской группировки Вермахта, военной жизни и фронтовой дружбе. В книге есть глава «РСБ и «немка», в ней вспоминается и о Георгии Теплякове³. Дело в том, что служил он в подразделении, специализацией которого была радиоэлектронная борьба (РЭБ). Её история начинается с момента изобретения радио, но формы и методы борьбы на радиоволнах впервые масштабно использованы во время Великой Отечественной войны. Тогда и были созданы радиодивизионы, участвовавшие во всех крупных битвах 1941–1945 гг. и сохранившие жизни десяткам тысяч советских солдат. Радиоразведка добывала важную информацию о средствах, системах радиосвязи, районах

размещения штабов противника и дезинформировала его. Радиоблокада способствовала окружению армии Паулюса в Сталинграде, успеху в боях на Курской дуге, на Днестре и Дунае, в сражениях за Берлин.

Со времён войны в библиотеке Г.М. Теплякова сохранились редкие сегодня издания: «Как распознать вражеские самолёты» из серии «Смерть немецким оккупантам!» 1942 года и сборник «Песни боевые», выпущенный Детгизом в 1944 году⁴. Песенник — своеобразная антология произведений этого музыкального жанра. Он включает событийно-патриотические песни Великой Отечественной и гражданской войн, солдатские и пародные о славе и доблести. Нотные тексты даны с учётом голосовых и технических возможностей школьных хоров. Сборник песен в книжном собрании неслучаен: Георгий Михайлович отличался музыкальностью и любил петь.

Бои за Сталинград навсегда остались в памяти, как и боевые товарищи, с которыми довелось сражаться за этот многострадальный город. Однажды, в начале 1960-х годов, в букинистическом магазине Г.М. Тепляков приобрёл небольшую книжицу в мягком переплёте. Это были рассказы об участниках Сталинградской битвы, записанные Павлом Сергеевым⁵. Сегодня имя этого автора незаслуженно забыто, но в конце 1950-х годов его книги пользовались популярностью у земляков-сталинградцев. Рассказы имеют символические названия: «Тревожное лето», «Величие подвига», «Она управляла огнём» и др. Один из них — «Сын Испании» — посвящён Герою Советского Союза испанскому командиру пулеметной роты Рубену Ибаррури. Рассказанные истории захватывающие и читаются на одном дыхании.

Среди книг Георгия Михайловича есть и мемуары Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления», и роман Саввы Головановского «Тополь на том берегу», вторая часть которого называется «Корсунь»⁶. Она посвящена героям величайшей из битв Великой Отечественной войны — разгрому немецко-фашистских войск под Корсунь-Шевченковским. События тех дней навсегда оставили зарубки на сердце. Эпиграф к рома-

ну — высказывание Курцио Малапарте — итальянского писателя, журналиста и кинорежиссёра, объясняет многое: «Я не знал, что для того, кто воевал, война никогда не кончается». Действительно, о войне Г.М. Тепляков рассказывать не любил: пережитое отзывалось неистребимой болью, горестным воспоминанием. Дочь Ирина рассказывала, что на рабочем столе отца среди груды книг стоял ключ от рации. На нём он левой рукой выстукивал тексты своих статей или рабочих материалов к диссертации, которые в тот момент писал.

Тема человеческой судьбы, складывающаяся под влиянием различных исторических событий, всегда была одной из ведущих в русской литературе. Герои, их характеры, психология поступков, описанные писателем в различных жизненных ситуациях, как в военное, так и мирное время, изначально интересовали Георгия Михайловича. Поэтому в круг его чтения входили исторические романы, произведения отечественной и зарубежной классики. Любопытен том из серии «Библиотека советского романа» — книга А. Чапыгина «Разин Степан», 1950 года выпуска⁷. Алексей Чапыгин — один из основоположников советской исторической прозы, замечательный художник слова — сумел создать монументальное произведение, в котором ярко воспроизведён колорит эпохи, а предводитель крестьянской войны Степан Разин показан в героическом ракурсе. Советскому читателю импонировало, что многое в книге отобразено в романтическом ключе, а главным действующим лицом А. Чапыгин сделал русский бунт, разыгравшуюся народную стихию. Г.М. Тепляков любил перечитывать роман, к тому же книга была достойно издана: с портретом автора и иллюстрациями одного из крупнейших советских художников А.Н. Самохвалова.

Много аналогий с событиями войны 1941–1945 гг. Георгий Михайлович находил в романе С. Голубова «Багратион»⁸, посвящённого Отечественной войне 1812 года. Эти два значительных события в русской истории объединяло многое: армия и страна пережили отступление, сдачу врагу многих территорий, но, преодолев все трудности, охваченные патри-

отическими настроениями, смогли изгнать захватчиков с русской земли.

Нет сомнений, что Г.М. Тепляков, говоря словами известного московского исследователя старины и библиофила Евгения Осетрова, собирал в библиотеку «любимые издания по сердечной склонности»⁹. Именно так были приобретены в 1947 году избранные сочинения А.И. Куприна, а в 1956 — замечательный альбом «Пушкин в портретах и иллюстрациях»¹⁰. Георгий Михайлович стремился окружить себя томами, оформленными по всем правилам книжного и полиграфического искусства. Так, книга А.И. Куприна, хоть и не иллюстрирована, но имеет качественный переплёт, цветной верхний обрез, большие поля. Важно отметить, что тексты даны по полному собранию сочинений, изданных «Товариществом издательского и печатного дела А. Ф. Маркса» в 1912–1915 гг.

Альбом о А.С. Пушкине содержит на лицевой обложке барельеф и автограф поэта, вступительную статью известного советского пушкиниста и историка русской литературы Д.Д. Благого, 675 иллюстраций и портретов, сопровождающихся цитатами из пушкинских произведений и его писем, высказываниями современников. В основу положены материалы полного академического собрания сочинения А.С. Пушкина 1949 года.

Среди заветных книг было много о ловле рыбы, охоте. Несколько десятилетий Г.М. Тепляков выписывал журнал «Охота и охотничье хозяйство». Сохранились газетные и журнальные вырезки, фотографии животных и птиц, обитающих в русских лесах и степях. К слову сказать, Георгий Михайлович и сам мог бы написать увлекательнейшую книгу об охоте и рыбалке. Сохранились его дневниковые записи о днях, проведённых на реках и озерах Тамбовщины — Цне, Вороне, Лесном Воронеже, Челновой, Иловой. Сколько он исходил по степным дорогам, прищипывая сосновым борам, крутым берегам раздольных рек, пойменным дубравам и везде не уставал удивляться своеобразной красоте Тамбовского края. Календарь

природы — так можно назвать этот дневник. Он начат 15 мая 1955 года и закончен 15 ноября 1971 года. Записи содержат описание погоды и температурные показатели в конкретное время суток, определение границ лесных кордонов, а также точные характеристики рыбных трофеев: вес и длина. «Весна... Река вскрылась 28–29 марта. Небольшое половодье. Дальше лёд не унесло. После этого наступили холода и так почти до мая. По крайней мере, сегодня после вчерашнего приличного дождя луга не зеленеют, почки на деревьях не распустились. Из ранней весна стала поздней и холодной»¹, — это наблюдение Г.М. Тепляков оставил 26 апреля 1965 года. Спустя полвека дневник является важным источником сведений о состоянии в регионе экологической среды, он ещё ждет своего биолога-исследователя. С не меньшим энтузиазмом Георгий Михайлович предавался охоте и мог повторить за И.С. Тургеневым искренние слова: «В охоте я черпаю силы для души и для тела».

Природа затрагивала нежнейшие струны души, питала разум, побуждала к научному творчеству. Педагогическая и научная деятельность Г.М. Теплякова по-прежнему была связана с историей физики. Он продолжал работать над докторской диссертацией, посвящённой основателю первой отечественной физической школы А.Г. Столетову. С этой целью он посетил Болгарию, где сражались братья Александра Григорьевича — герои обороны Шипкинского перевала, командующий болгарским ополчением в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Николай и генерал-майор артиллерии Дмитрий Столетовы. Их имена принесли славу Отечеству: Николая и Дмитрия — на военном поприще, Александра — на ниве изучения квантовой и электронной теорий на основе фотоэффекта.

Материалов для диссертации было собрано столько, что хватило на книги: о А.Г. Столетове, выпущенной в 1966 году, а также его талантливым ученике В.А. Михельсоне — в 1977 году². Документы, многочисленные исторические источники во многом помогли созданию Дома-музея Столетовых на их родине. Георгию Михайловичу было направлено приглашение в качестве почётного гостя: «Уважаемый товарищ

Г.М. Тепляков! Государственный объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник приглашает Вас на открытие Дома-музея Столетовых во Владимире, которое состоится 28 мая 1976 года...»¹. Но приглашение опоздало: «рано поседевшее сердце» фронтовика остановилось на взлёте. Георгий Михайлович Тепляков не успел завершить диссертацию, реализовать свой огромный творческий и научный потенциал. И всё же жизнь не была напрасной. Остались ученики, получившие путёвку в науку и впоследствии ставшие преподавателями различных вузов страны. Юрий Костылев, говоря о своём научном наставнике, вспоминал слова Р. Кипплинга: «И память обо мне храня / один короткий миг, / расспрашивайте про меня / у учеников и книг».

Музей книги хранит ещё много увлекательных читательских историй, которые лишь подтверждают старую истину: не столько мы собираем книжные коллекции, сколько книги собирают нас. Великий мыслитель Николай Федоров, служивший библиотекарем Румянцевского музея, был убеждён, что книга, основанная на моральном чувстве и духовности, содержит истинное знание и всю думу рода человеческого. Она способна преобразить ум, душу, тело человека, настроить его призвание на высокую гармонию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ноздрев, В. Верность отчому дому / В. Ноздрев. – М.: Моск. рабочий, 1965. – 152 с.
- 2 Теплякова, И. Шагнувших в гламя, усмиривших гламя, да сбережёт людская память : [статья об участнике Великой Отечественной войны Г. М. Теплякове] / Ирина Теплякова // Город на Цне. - 2015. - 5 авг. - С. 3.
- 3 Наша 252-я : Ветераны дивизии вспоминают / Составители И.Г. Анисимов и др. – Пермь, 1983. – С. 169-172.
- 4 Цыгулев А.А. Смерть немецким оккупантам! М.: Воениздат НКО СССР, 1942. – 40 с., ил.; Песни боевые / [сост. М.В. Иорданский, М.И. Рудерман; обл. И. Брюлина; оформ. Б. Титова]. – М.: Детгиз, 1944. – 100 с.
- 5 Сергеев Павел Сергеевич родился в 1909 г. в селе Саламатино Камышинского района Сталинградской области в бедной крестьянской семье. В 1928 г. он окончил среднюю школу в г. Камышине, после чего работал в избе-читальне. Участвовал в работе по ликвидации безграмотности. Любовь к литературе отразилась

- на выборе профессии. С 1930 по 1933 гг. учился в Ростовском пединституте на литературном факультете. После окончания института работал преподавателем, завучем, директором средних школ. В начале Великой Отечественной войны был призван в армию. Будучи еще студентом, публиковался в периодической печати со статьями и рассказами. Первая книга рассказов вышла лишь в 1955 г. под названием «Гроза в степи». – Сергеев, П. С. Последнее донесение : рассказы об участниках Сталинградской битвы / П.С. Сергеев. – Сталинград : Сталинградское кн. изд-во, 1958. – 116 с.
- 6 Головановский, С.А. Тополь на том берегу: Роман в 2 кн. Кн. вторая : Корсунь / Савва Евсеевич Головановский ; авт. пер. с укр. В. Россельса ; худож. И.А. Гусева. – М. : Воениздат, 1974. – 416 с.
 - 7 Чапыгин, А.П. Разин Степан : роман / А.П. Чапыгин. – М. : Худож. лит., 1950. – 573 с. – (Б-ка сов. романа).
 - 8 Голубов, С. Багратион : роман / С. Голубов. – М. : Воениздат, 1960. – 342 с. – (Сов. военный роман).
 - 9 Осетров, Е. Золотой ключ : этюды о книгах и книжниках. – М. : Книга, 1977. – С. 8.
 - 10 Куприн, А. И. Избранные сочинения / вступ. Ст. А.С. Мясникова ; подгот. текста П.Л. Вячеславова. – М. : Худож. лит., 1947. – 342 с.; Пушкин в портретах и иллюстрациях: пособ. для учителей сред. шк. / сост. М.М. Калаушин; ред. Д.Д. Благого. – Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1956. – 373 с., ил.
 - 11 Тепляков, Г.М. [Дневник рыбалки и охоты. 15 мая 1955 г. – 15 нояб. 1971 г.] : [рукоп. текст] / Георгий Михайлович Тепляков // Архив И.Г. Тепляковой.
 - 12 Тепляков Г. М. Александр Григорьевич Столетов / Г.М. Тепляков, П.С. Кудрявцев. – М. : Просвещение, 1966. – 139 с. – (Люди науки); Тяпляков, Г.М. Владимир Александрович Михельсон / Г.М. Тепляков. – М. : Просвещение, 1971. – 88 с. : портр. – (Люди науки).
 - 13 Приглашение Государственного объединенного Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музея-заповедника на открытие Дома-музея Столетовых во Владимире, состоявшееся 28 мая 1976 г. // Архив И.Г. Тепляковой.

ИНТУИЦИЯ ПОМОГЛА

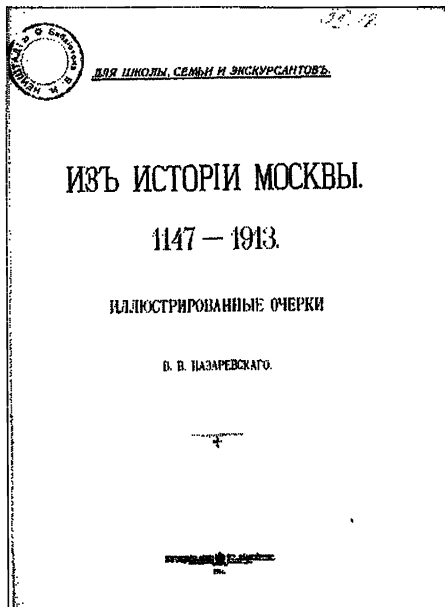
Злочевский Г. Д. (Москва)

*Странная всё-таки вещь – интуиция:
и отмахнуться от неё нельзя,
и объяснить невозможно.*

А. Кристи

В жизни библиофила бывают случаи, когда он отказывается от приобретения редкого издания из-за его неполноты, общего неудовлетворительного состояния, высокой цены. Но иногда происходит необъяснимое: и состояние книги хорошее, и цена приемлема, а собирателя что-то удерживает от её приобретения. Со мной подобное случалось. Так, в далёкие 1960-е годы я несколько раз встречал в букинистических магазинах книгу «Из истории Москвы. 1147–1703: Очерки» (М.: Т-во И.Д. Сытина, 1896. [2], II, 272, [4] с.: ил.), содержащую информацию от первого упоминания этого поселения в русской летописи до переноса столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Автор скрылся за псевдонимом В.Н.

В те годы я только начинал собирать книги, многого ещё не знал, но это издание почему-то не приобретал. Псевдонимом всё же заинтересовался. Выяснил, что принадлежал он историку Владимиру Владимировичу Назаревскому (1851–1919). Это был его единственный псевдоним, зафиксированный И.Ф. Масановым¹ (1874–1945). А однажды осенью 1966 года в букинистическом магазине № 28, что размещался на Столешниковом переулке в доме № 14, я впервые увидел книгу В.В. Назаревского «Из истории Москвы. 1147–1913: Иллюстрированные очерки» (М.: А.А. Левенсон, 1914. 373, [1] с.: ил.), подписанную полной фамилией автора. Она предназначалась «для школы, семьи и экскурсантов». Это было значительно дополненное издание 1896 года. Я понял, что в течение нескольких лет у меня срабатывала интуиция, удерживавшая от приобретения книги, подписанной псевдонимом. Допол-

Титульный лист

ненное издание пребывало в хорошем состоянии, и я купил его.

В предисловии автор отметил, что, работая над книгой, он отказался от предложений превратить её в исторический путеводитель по первопрестольной столице, который стал бы практическим руководством для экскурсантов, так как считал, что «до пользования таким справочным изданием необходимо пройти систематически, в главных чертах, всю историю Москвы. <...> Тогда только обозрение её вещественных памятников, столь важных для изучения нашей истории <...> даст всю свою пользу» (С. III).

Руководствуясь этой концепцией, Назаревский пересмотрел и существенно дополнил первое издание, придав ему характер книги для чтения в школе и дома, полезной особенно для изучающих в основных чертах курс российской истории и для подготовки к экскурсиям по Москве. Представляя книгу как научно-популярную, автор уделил большое внимание иллюстрациям, добытым из множества малодоступных изда-

Издатель А.А. Левенсон

ний. Их сотни (целый ряд на складных листах). На них изображены снимки, сделанные с памятников архитектурных, иконографических, нумизматических, палеографических, представлены планы, портреты, художественные рисунки. Иллюстрации расположены почти на каждой странице, что сделало текст очень удобным для освоения. При его подготовке Назаревский опирался на сведения, полученные из значительного количества научных источников, систематизировал их, осветил общий ход истории, эволюционные перемены в быту и развитие культуры. Он стремился представить Москву «во всех её самобытных особенностях, отпечатлел на ней своеобразный её тип, отличающий её от всех древних и новых русских городов <...> центра нашей жизни, с её национальной мыслью, с её народными чувствами и стремлениями, с особенностями русского быта» (С. IV).

Книга знакомит читателя с историей, археологией, историческими и архитектурными памятниками города, личностями, оставившими своей деятельностью след в его развитии. Автор отметил, что в Москве, «а не в другом месте,

бьётся сердце России» (С. V). Его книга — в числе наиболее достойных дореволюционных научно-популярных изданий по истории древней российской столицы. Выпустило её Товарищество скоропечатни А.А. Левенсона, владевшее одними из лучших типографий и издательств дореволюционной России (1881–1917). Книга имеет увеличенный формат (27, 8 x 20, 5 см), отпечатана хорошо читаемым шрифтом на плотной матовой бумаге, содержит изящные буквицы и заставки; обложка из плотной бумаги.

Сведения об авторе в справочной литературе довольно скромные. Назаревский из дворян. После окончания в 1872 году Московской духовной академии преподавал всеобщую и русскую историю в привилегированном Московском императорском лицее в память цесаревича Николая (1867–1917), основанном журналистом, публицистом М.Н. Катковым (1818–1887) и филологом, профессором Московского университета П.М. Леонтьевым (1822–1874). С 1881 года исполнял должность цензора Московского цензурного комитета, а в 1883-м утверждён в этой должности. С 1885 года — председатель Московского цензурного комитета. 19 января 1909 года уволен с этой должности по болезни². Был членом Комиссии по устройству чтений для фабрично-заводских рабочих Москвы, созданной в 1902 году. В столице сохранился доходный дом № 49 конца XIX века (архитектор И.П. Машков) на Капельском переулке, который принадлежал до революции Назаревскому.

Он — автор около 20 книг и брошюр, посвящённых российской истории: смутному времени 1612–1613 гг. и освобождению Москвы от поляков, Полтавской битве, Отечественной войне 1812 года, царствованию российских императоров — Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II, Александра III. Два издания выдержал его труд «Русская история» (Т. 1–6. 2-е изд. М., 1904–1910). Самой значительной стала книга «Из истории Москвы. 1147–1913». Она не утратила своего значения до наших дней и к 850-летию Москвы переиздана (М.: Сварог, 1996. 10 тыс. экз.). Несмотря на значительный по нынешним временам тираж, спрос, очевидно, превысил предло-

жение, и в следующем году книгу допечатали (М.: Сварог и К, 1997. 5 тыс. экз.). Под произвольно изменённым названием — «Москва — сердце России: восемь веков истории» (М.: АСТ: Астрель, 2008. 5 тыс. экз.) книга вновь издана на плохой бумаге, значительно уменьшен формат по сравнению с оригиналом. Из неё удалены заставки и буквицы, качество иллюстраций тоже пострадало. Оба переиздания не содержат никаких комментариев, в них нет сведений об авторе.

Поиски книжного знака Назаревского не увенчались успехом. Вероятно, у историка его не было. Мой экземпляр книги «Из истории Москвы. 1147–1913...» имеет только одну отметку букинистического магазина, в которой указан год, когда я приобрёл её. Но до меня она побывала не в одних руках. На титульном листе, сверху над заглавием, чернилами проставлена дата 3. II. 18. Очевидно, в тот день некто приобрёл это издание. А на форзаце — дарственная надпись: «Милой Циле от Н.М. Калашникова. 24 апреля 1924. Москва». Кем были адресат и даритель установить не удалось. Но среди владельцев книги оказался человек с интересной биографией.

В верхней части титульного листа, слева, оттиск его круглого штемпеля диаметром 32 мм. Внутри ободок диаметром 20 мм, по образующей которого снаружи надпись: «Библиотека В.И. Нейштадт». Старая орфография свидетельствует о том, что штемпель изготовлен не позднее 1918 года. Владимир Ильич Нейштадт (1898–1959), полиглот, переводчик с европейских языков, литературовед, поэт, журналист, историк шахмат. В конце 1920-х годов его библиотека состояла из 4000 томов по филологии, беллетристике, по русской археологии, русской истории и масонству. На неё была выдана охранный грамота³. И.Ф. Масанов зафиксировал два псевдонима Нейштадта — Гр. Шах и Григорий Шах⁴. Это основные. Но были и другие, например, Вяч. Рахманов, гротмейстер Савелий Ивановер, Вечный шах, которыми он подписывал репортажи, стихотворные опусы и «заметки на полях», посвящённые шахматам, в журнале «64» (с июля 1935 года — «64. Шахматно-шашечная газета»).

Родился Нейштадт в Ярославле. Вскоре семья переехала в Москву. Здесь Владимир окончил Московскую практическую академию коммерческих наук (имела статус реального училища). Очевидно, коммерческие науки не увлекли юношу, и для получения высшего образования он поступил на историко-филологический факультет Московского университета (1915–1919), где изучал французский, английский, греческий, румынский, чешский и другие языки. Был активным участником Московского лингвистического кружка (1915–1924), основанного по инициативе студентов-филологов университета. Кружок являлся научным обществом, ставившим своей задачей разработку вопросов языкознания, а также фольклора и этнографии, всестороннее исследование поэтики. Членами кружка были, в частности, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, О.Э. Мандельштам, Н.Н. Асеев.

Зарабатывать на жизнь Нейштадт начал с 1916 года, после смерти отца, в основном уроками. Летом работал поездным контролёром, плавал матросом на рыбацком судне по Чёрному морю, что позволило ему вылечить начавшийся туберкулёзный процесс. После революции 1917 года был разъездным эмиссаром Библиотечного отдела Народного комиссариата по просвещению. Призванный в ряды Красной армии, служил переводчиком, преподавал в Особой военной школе красных командиров в Петрограде, участвовал в подавлении мятежа матросов в Кронштадте в 1921 году.

После демобилизации вернулся в Москву и занялся профессиональной литературной работой: служил репортёром, фельетонистом, литературным редактором в газетах, занимался переводами. В 1931 году отправился в экспедицию на остров Шпицберген, где работал на угледобыче «в самых разных качествах». Позже ездил на Урал и там трудился в угольной шахте. Вспоминая об этом периоде жизни на закате своих дней, Нейштадт писал 7 сентября 1954 года в стихотворении «Пустыри»:

Я по Чёрному плавал, по Белому, Балтику знаю,
На Азовском, на Каспии был, Ледовитым ходил,

ПРИАЗОВСКИЕ СТЕНЫ ПРОМЕРИЛ ОТ КРАЯ ДО КРАЯ,
И В ПРИОКСКИХ ЛЕСАХ, И В ПРИКАМСКИХ ПОДОЛГУ БРОДИЛ.

Возможно, таким образом ему удалось избежать репрессий.

До начала Великой Отечественной войны он опубликовал около 150 статей, выпустил десять книг. Среди них сборник переводов «Чужая лира» (М.; Пб.: Круг, 1923), в который включены переводы произведений 11 современных немецких поэтов-экспрессионистов, заметки об экспрессионизме, биографические и библиографические примечания. Переводил Нейштадт произведения И.В. Гёте, Х.И.Г. Гейне, Ш.П. Бодлера, И.Р. Бехера, Р.М. Рильке, О.Б.Ф. Брехта, румынских, греческих, литовских, чешских, испанских поэтов, фольклор разных народов, делал переводы стихов с русского на немецкий язык. Опубликовал много статей о мировом значении русской литературы, об А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, И.С. Тургеневе, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове, М. Горьком, В.В. Маяковском, писал об истории балета и теории перевода, выпустил единственную книгу своих стихов «Пять шестых: стихи» ([М.]: Моск. Т-во писателей, 1934). Он писал стихи всю жизнь, но больше своих поэтических сборников не выпускал. Человек скромный, высокообразованный и интеллигентный, он вызывал неприязнь у выскочек, чиновников от литературы. В стихотворении «Послеюбилейное» Нейштадт сформулировал, за что эти люди не любят таких, как он:

За то, что к правам свиным
Не льнёт седая голова,
За вкус к пословицам латинским,
За «непонятные» слова.
За то, что Брюсова мы читали
И слушали с открытым ртом;
За то, что Блока мы любили,
Заворожённые стихом.
За то, что вместе с Маяковским
Мы с дураков снимали грим;
За то, что языком московским,

*В.И. Нейштадт.
Фотография. 1949 г.*

А не влатным мы говорим.
За то, что в дни эпохи славной
Близка нам Лермонтова грусть;
За то, что слезы Ярославны
Мы заучили наизусть.
29 апреля 1954 г.

Несомненной любовью Нейштадта были шахматы (в юности он даже выиграл партию в сеансе одновременной игры у А.А. Алёхина, чем гордился), историей и теорией которых он занимался, был мастером разработки шахматных композиций. По этой теме опубликовал свыше 70 работ. В 1927–1929 гг. являлся ответственным секретарём журнала «64», в 1924–1930 — редактором шахматного отдела газеты «Вечерняя Москва», составил «Шахматно-шашечный альманах» (М., 1931), перевёл на русский язык ряд книг выдающихся шахматистов: Х.Р. Капабланки, Эм. Ласкера и др⁵.

В начале Великой Отечественной войны Нейштадта мобилизовали, и он работал по разложению войск противника: готовил листовки для окопной и звуковой пропаганды, уча-

ствовал в допросах пленных, занимался их вербовкой и заброской в тыл противника; был награждён орденом «Красная Звезда».

Вернувшись к мирной жизни после окончания войны, продолжил заниматься переводами, в частности, стихов немецких поэтов; в 1950 году осуществил издание сочинений А. С. Пушкина на немецком языке. В разные годы подготовил три книги своих стихов, воспоминания без надежды на публикацию; состоял членом Союза писателей СССР. В 1920-х годах жил на Малом Знаменском переулке в доме № 3, потом — на Варварке в доме № 24. Его квартира, всегда радушно открытая для гостей, превратилась в своеобразный салон для столичных литераторов, артистов, музыкантов.

Человек с тонкой поэтической душой и аналитическим умом, Нейштадт сумел прожить нестандартную жизнь, в трагическое для страны время умело выходил из сложных ситуаций. Он любил Россию, великий русский язык. Признаваясь в этих чувствах в стихотворении «Родина», написанном в 1954 или 1955 году, поэт отметил, что питает светлые чувства к своей стране «не за славные дела», а

За то, что русский наш язык
Все может выразить: волненье,
Любовь и ласку, и кипенье,
И боль, и грусть, и гнев, и крик.
За то, что не прощает он
Ни ханжества, ни лицемерья, —
И тот, кто в их рядится перья,
Тот будет им разоблачен.
За то, что вдруг в сплетеньях строк
Коснеют лживые глаголы,
И сразу видят все, что голы
И лжепоэт, и лжепророк.

Прекрасные слова. И произнёс их именно тот человек, который любил и чувствовал прелесть русского языка, работая со словом всю сознательную жизнь. Как любая творческая личность, он мечтал о том, чтобы время сохранило лучшее из

того, что создано им, и сформулировал эти мысли в стихотворении «Терцины»⁶:

Я не хочу ни славы, ни величья,
Ни громких слов себе, и ни похвал.
И каменного не хочу обличья.
Хочу, чтоб просто кто-нибудь сказал
Лет через сто: «Вот жил Нейштадт Владимир
Сто лет назад и песни сочинял.
Когда седым он стал,
Слова седыми
Его не стали, чувства и мечты
До смерти сохранил он молодыми.
И он любил осенние цветы.
А в женщине изящество движений
И думой озарённые черты.
Его простых и грустных песнопений
Не много удалось нам сохранить;
Они нам говорят, что он не гений,
Но он любил, и он умел любить.

17 февраля 1954 г.

Нейштадт умер 16 апреля 1959 года. Похоронен на Введенском кладбище в Москве. А почти 50 лет спустя увидела свет его книга «Пейзаж с человеком: стихи и воспоминания» (М.: Водолей Publishers, 2008. 123 с. 100 экз.) благодаря филологу В.В. Калмыковой — составителью и автору предисловия. Из этой книги я взял приведённые поэтические фрагменты и некоторые биографические сведения об авторе. Книга вышла в серии «Малый Серебряный век», в которой публикуется поэзия малоизвестных или забытых авторов. К сожалению, это издание не прошло через Книжную палату и отсутствует во всех крупных библиотеках Москвы. Ничтожный тираж быстро сделал её раритетом.

Судьба личной библиотеки Нейштадта мне не известна. Поскольку я купил книгу Назаревского из собрания литератора в букинистическом магазине, то могу предположить, что библиотека после смерти владельца была распродана его до-

черью, И.В. Фальк (она умерла в 1988 году). Впрочем, редкое ныне издание могло храниться более 40 лет и у не известной мне Цили, получившей эту книгу в подарок в 1924 году. Вот такая оказалась неразгаданная до конца история.

ПРИМЕЧАНИЯ

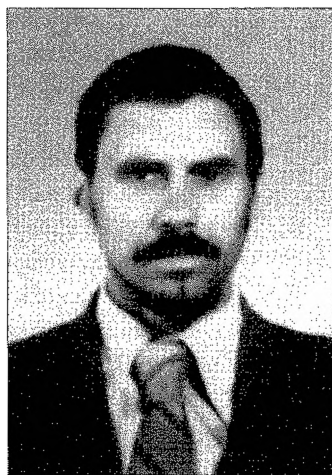
- ¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. В 4 т. Т. 4: Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов.—М.: Всесоюз. кн. палата, 1960.—С. 330.
- ² Цензоры Российской империи: конец XVIII—начало XX века: Библиографический справочник / РНБ; О.Ю. Абакумов, В.В. Антонов, Ф.А. Аракелян и др.—СПб., 2013.— С. 263.
- ³ Друганов И.А. Библиотеки ведомственные, общественные, частные и судьба их в советскую эпоху // «Той библиотеки уж нет...»: сборник материалов по истории библиотек в России в XVIII—начале XX века / Публ. А. Михайлова; сост. И. Гоголина, А. Михайлов, В. Подковырова.—СПб, 2006.— С. 368.
- ⁴ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов... Т. 4.—С. 333.
- ⁵ Шахматы: энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Е. Карпов.—М.: Совет. энцикл., 1990.— С. 268.
- ⁶ Терцина—стихотворная форма, состоящая из трёхстиший, построенных на рифмовке средней строки каждого трёхстишия с двумя крайними строками следующего; одна из поэтических форм итальянского происхождения. В русской поэзии встречается редко.

ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

(об Александре Сергеевиче Папшеве)

МОРКОВИНА А. Ю. (САРАТОВ)

Мне очень жаль, что судьба не свела меня с чудесным человеком, библиофилом и пушкинистом Александром Сергеевичем Папшевым (1938–2006) чуть раньше, при его жизни. Видела его и разговаривала с ним только однажды, в Доме кино, на премьере документального фильма. А через некоторое время мне пришлось выполнять грустную миссию — присутствовать на похоронах нашего краеведа на Новоелшанском кладбище. Но память о нём я берегу и постоянно рассказываю о его жизни и творчестве посетителям Пушкинской библиотеки, в которой работаю больше двадцати лет.

А.С.Папшев

Александр Сергеевич родился в Саратове, учился в школах № 27 и № 80 (ныне — гимназия № 2) с углубленным изучением французского языка, затем в Политехническом университете, получил специальность инженера-строителя. Потом работал в проектных институтах Тулы и Саратова, а с 1983 года преподавал на кафедре архитектуры в техническом университете (СГТУ) Саратова в должности доцента, с 2003 года был ведущим архитектором кафедры «Дизайн архитектурной среды», читал лекции на кафедре культурологии¹.

В биографическом словаре «Архитекторы Саратова» перечислены некоторые важные проекты А.С. Папшева: музейный центр в Ясной Поляне (1970-е гг.); план зон охраны Музея Льва Кассиля в Энгельсе; план зон охраны памятников истории и культуры Саратова и дру-

¹ Донецкий Б.Н., Максимов Е.К. Архитекторы Саратова: биографич. словарь. — Саратов: Бенефит, 2006. — С. 159.

Совместно с архитектором и краеведом Б.Н. Донецким Александр Сергеевич Папшев был инициатором возвращения исторических названий улицам и площадям Саратова (более 30 названий). В 90-е гг. в бывшем доме Селиванова они открыли уникальные настенные росписи времён революции. Сыграл Папшев решающую роль и в сохранении Дома художника П.В. Кузнецова, ныне — Дома-музея, филиала Радищевского художественного музея.

Впрочем, круг его интересов был гораздо шире; о нём вспоминают как о человеке энциклопедического склада ума. Так, в различных краеведческих сборниках Александр Сергеевич публиковал свои исследования по истории той местности, той земли, где возник когда-то наш город. Он исследовал происхождение названия «Саратов» и пришёл к выводу, что оно восходит не только к тюркскому словосочетанию «сары тау» — «Жёлтая гора», но и обозначению кочевого племени саратов (сараты), населявших некогда этот край на Волге. Коллеги-краеведы с уважением прислушивались к нему. Историк Л.В. Ко-

¹ Папшев А.С. Саратовская степь / Земля Саратов: ист.—краевед. изд-е / сост. Л.В. Кострюкова.— Саратов: Научная книга, 2006.— С. 19–50.

стриюкова в составленной ею книге «Земля Саратов» опубликовала исследование Папшева «Саратовская степь»¹ с иллюстрациями (схемами, рисунками, фотографиями), сделанными краеведом.

Чертил и рисовал Александр Сергеевич действительно замечательно — был графиком, разрабатывал и экслибрисы. Поэтому когда в феврале 1998 года в Областной библиотеке для детей и юношества имени А.С. Пушкина стало собираться Пушкинское общество (оно возникло 6 июня 1995 года) и открылся Пушкинский кабинет-музей в библиотеке, его активный участник Александр Папшев собственноручно изготовил большой альбом для стихов и отзывов посетителей и украсил каждую его страничку рисунками в подражание пушкинским беглым «арабескам»: профили женских и мужских голов, ножки в пуантах, персонажи разных произведений, пушкинские портреты... Через год, к 200-летию великого русского поэта, он разработал экслибрис кабинета-музея и подарил Пушкинской библиотеке

большую коллекцию редких книг, собранных им в разное время. Об этом написал известный саратовский краевед В.И. Вардугин в книге «Хранители времени»¹.

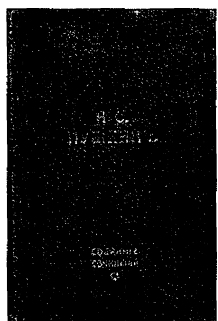
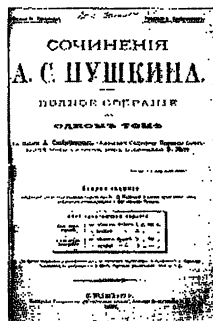
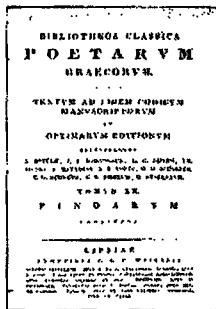
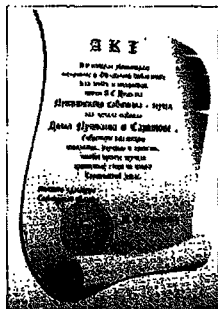
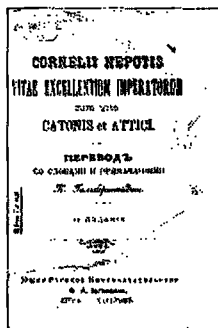
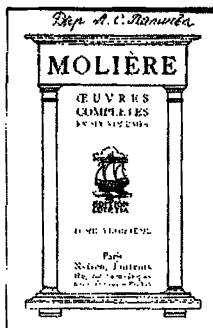
Позже Пушкинское общество стало собираться не в детско-юношеской библиотеке, а в музеях и на других площадках. Однако впечатляющая коллекция даров архитектора А.С. Папшева заставила руководителей библиотеки задуматься о её сохранности и увековечивании памяти о дарителе-библиофиле. Поэтому на все книги, переданные им в дар Пушкинской библиотеке, были наклеены специальные этикетки с надписью: «Дар А.С. Папшева», а библиограф Н.И. Алексеева составила каталог папшевской коллекции «Благородно то, что бескорыстно...»². В нём дано краткое библиографическое описание книг на русском и старославянском, а также на иностранных — французском, немецком, греческом, латинском и других — языках. Книги дореволюционных лет из коллекции А.С. Папшева вызывают огромный интерес у читателей разных возрастов во время экскурсий и библиотечных уроков.

Для своей личной библиотеки Александр Сергеевич собирал книги годами. Остаётся загадкой, где именно и когда они были им приобретены, но на многих форзацах и страницах можно увидеть подписи, штампы и пометы прежних владельцев; в некоторых изданиях приведены и адреса книжных магазинов (не только саратовских). В настоящее время эти книги сосредоточены в нескольких отделах Пушкинской библиотеки: в Пушкинском читальном зале, в отделе редкой книги и книгохранилище. Большинство из них ждёт исследователей, грамотных специалистов, владеющих иностранными языками.

Конечно, нельзя не сказать и о филологическом даре Александра Сергеевича Папшева. Он увлечённо занимался творчеством Пушкина в русле литературного краеведения и собирал доказательства того, что знаменитый поэт бывал

¹ Вардугин В.И. Хранители времени: Музеи Саратова и Саратовской области. — Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 2000. — С. 79–81.

² «Благородно то, что бескорыстно...»: список книг, переданных в дар А.С. Папшевым Саратовской областной библиотеке для детей и юношества им. А.С. Пушкина / сост. Н.И. Алексеева. — Саратов: РИО ОБДЮ им. А.С. Пушкина, 2007.

Книги, подаренные А. С. Папшевым Саратовской областной библиотеке для детей и юношества им. А. С. Пушкина в 1998–2000-х гг.

Штамп книжного магазина на одной из книг папшевской коллекции

в Саратовском крае. Специально в подтверждение своей версии Папшевым была составлена карта путешествия А. С. Пушкина, который в 1833 году путешествовал по Нижнему Поволжью, собирая материалы о пугачёвских временах; краевед написал и опубликовал статью «Маршрут загадочного путешествия», в которой дал положительный ответ на сакраментальный вопрос (ведь остались только косвенные доказательства пребывания поэта на саратовской земле).

Ещё одно любопытное предположение Папшева касается «сельских» глав романа «Евгений Онегин». В статье «Меж гор,

лежащих полукругом...» краевед убедительно доказывает, что многие стихотворные пейзажи Пушкин мог написать по впечатлениям от пребывания на саратовской земле.

Вполне правомерно исследование А.С. Папшева «Пушкин и Аполлон», в котором анализируются «аполлонические» мотивы юношеской лирики русского классика.

Блестяще владея французским языком (как и его тёзка из XIX века), Папшев перевёл ряд юношеских стихотворений Пушкина, написанных по-французски, на русский язык («Мой портрет», «Похититель» и другие). Все названные выше итоги пушкинских «штудий», а также несколько стихотворений, посвящённых любимому поэту, опубликованы в прижизненном сборнике А.С. Папшева «Пушкинская книга»¹. Через три года его не стало...

Воспоминания об Александре Папшове оставили многие члены саратовского пушкинского общества, краеведы В.М. Ганский², Л.В. Кострюкова³, А.В. Судьина⁴ и др. Есть и стихи, посвящённые этому незаурядному человеку, творческой личности, искренне и убеждённо боровшемуся за сохранение русской культуры, архитектуры, русского слова.

Он совершал настоящие поступки во имя своих идеалов, и хочется, чтобы память о нём жила подольше в наших сердцах.

¹ Папшев А.С. Пушкинская книга.— Саратов: Изд-во СГТУ, 2003. — 157 с.

² Ганский В.М. Наш Пушкин; Тёзка /Мой Саратовский причал.— Саратов, 2015.— С. 170–171.

³ Кострюкова Л.В. Резвый белокурый мальчик / Что в имени твоём.— Саратов, 2014.— С. 126–132.

⁴ Судьина А.В. Малоизвестный Пушкин / <https://www.stihi.ru/2010/08/31/1289> (01.02.2019)

Имя П. М. Дульского НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КАЗАНСКИЙ МУЗЕЙНЫЙ ВЕСТНИК»

СЕМИБРАТОВ В. К. (Киров)

4 апреля 2019 года исполнилось 140 лет со дня рождения П.М. Дульского (1879–1956). В указателе памятных дат, ежегодно издаваемых сотрудниками Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена, об известном искусствоведо и художнике дана такая справка:

«Родился в г. Одессе. Выпускник Казанской художественной школы. В 1904–1911 гг. преподавал рисование в Слободской женской гимназии. Участвовал в художественных выставках в г. Вятке, публиковал статьи по искусству в газетах «Вятская речь» и «Голос Вятки». В вятский период увлёкся историей книги и книжной графикой. Не терял связей с Вяткой и после отъезда в Казань, где стал одним из создателей «Казанского библиографического кружка друзей книги», редактором «Казанского музейного вестника» — первого в России журнала по музейному делу» [1].

Причастность П.М. Дульского к названному изданию впервые была обозначена в докладе, прозвучавшем в 1995 году на научно-практической конференции, посвящённой первому упоминанию г. Слободского Кировской области в исторических источниках [2].

В 2009 году на чтениях в честь 130-летия со дня рождения П.М. Дульского тему развила заместитель директора (главный хранитель фондов) Слободского музейно-выставочного центра Т.М. Долматова. Свой рассказ об изданиях музеев Вятской губернии 1920-х гг. она предварила информацией о «Казанском музейном вестнике», феномен которого «послужил толчком к активной издательской деятельности других провинциальных музеев» [3].

В опубликованном в сборнике «Музей и судьбы» тексте доклада охарактеризованы цели и задачи выходящего в свет в 1920–1924 гг. журнала, названы некоторые имена и география изъявивших желание сотрудничать с ним исследователей.

А как на страницах издания фигурирует сам П. М. Дульский? Судить об этом позволяют имеющиеся в нашем собрании четыре первых (сдвоенных) выпуска журнала.

Логично предположить, что Пётр Максимилианович имеет пря-

Пётр Максимилианович Дульский

мое отношение к открывающему 1–2 номер обращению «От редакции», основные положения которого процитированы в указанной выше публикации Т. М. Долматовой. Конечно, с равным правом на авторство этой коллективной статьи могут претендовать и входившие в редакционный совет известные учёные: Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942) [4] и Константин Васильевич Харлампович (1870–1932) [5]. Первый (этнограф и антрополог) был в то время директором Казанского губернского музея, председателем местного подотдела Всероссийской Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР (под эгидой этой организации журнал и начал выходить), второй (историк) занимал должность профессора Казанского университета.

П. М. Дульский представлен в дебютном выпуске большой обзорной статьёй о новых поступлениях в картинную галерею Казанского губернского музея. Разговор о них автор упрещает рассказом об огромном (свыше четырёхсот) собрании картин археолога и нумизмата Андрея Фёдоровича Лихачёва (1832–1890), лёгшем в основу галереи. При этом, будучи специалистом высокого класса, автор делится с читателями (разумея под таковыми, прежде всего, своих коллег) соображениями о лучшем устройстве экспозиций. Так, характеризуя «разно-

*Литература о П.М. Дульском
из собрания автора*

шёрстную» лихачёвскую коллекцию, он считает долгом указать на то, что «отдельные произведения разных школ живописи, выставленные в случайной массе второклассного материала, могут давать нам представление об отдельных моментах искусства и являются зачастую только оазисами на общем фоне галереи; прекрасные же оригиналы живописи, встречающиеся в подобных собраниях, освещают, как яркие зарницы, только отдель-

ные моменты искусства той или иной эпохи, что как раз очень показательно наблюдалось в коллекции картин А.Ф. Лихачёва.

В задачу же всякого музея должно войти пожелание представить свой материал в известной системе, последовательности и полноте, чтобы, осматривая его, легко было воспринимать эволюцию направлений искусства и свободно разбираться в взаимоотношениях отдельных мастеров» [6].

При характеристике лихачёвского собрания П.М. Дульский упоминает в числе прочих и картины уроженца г. Елабуги (в то время уездного центра Вятской губернии) Ивана Ивановича Шишкина (1832–1898), с которым коллекционер «был в близких отношениях... о чём сохранился след в музейных рукописных материалах (записках, рисунках, набросках» [7].

Поскольку с момента поступления в 1895 году в губернский музей галерея практически не пополнялась, автор радуется тому, что «в связи с революцией, свежая струя новой жизни Музея произвела полный переворот и разгром старых порядков, привычек и традиций, переиначив всё по-своему, всё по-новому» [8]. Выразилось это, в частности, в том, что в 1919 году художественному отделу музея, который ранее неудобно «размещался в одних и тех же залах с этнографией, историей, археологией» [9], было предоставлено отдельное помещение. Его П.М. Дульский вместе

со своими помощниками и начал оборудовать по последнему слову тогдашней науки, ликвидируя, в частности, возможные лакуты. Помогла этому «волна революционной жизни», что «заставила распахнуть двери Музея настезь». Вот в них и «ворвался целый поток пожертвований, приобретений и предметов» [10].

О наиболее интересных поступлениях художественного отдела, которые могли бы составить славу даже столичным хранилищам, и ведёт Пётр Максимилианович далее свою речь. К числу таковых он в первую очередь относит воспроизведённые на репродукциях к статье женские портреты кисти Ильи Репина, Бориса Кустодиева и менее знаменитого, но талантливого, Гавриила Торопова, от картины которого «так и веет мастерством Тропинина» [11].

Далее П.М. Дульским кратко охарактеризованы или просто названы холсты художников, имена которых говорят сами за себя: Константин Коровин, Николай Рерих, Александр Бенуа, Иван Билибина и др.

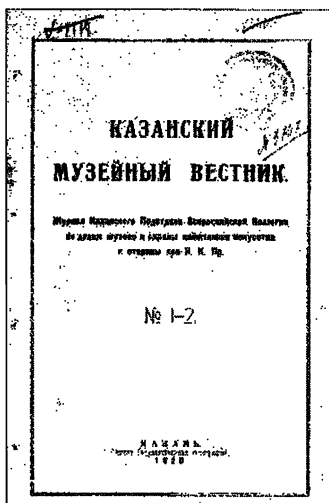
В заключительной части статьи уделено внимание первым шагам по созданию в картинной галерее «местного отдела казанских художников» [12]. Из них на первое место поставлен Николай Иванович Фешин (1881–1955), эмигрировавший в США в 1923 году. Картины этого «видного местного мастера» [13], приобретённые при непосредственном участии высоко ценившего его творчество П.М. Дульского [14], стали гордостью не только местного отдела, но и всей галереи.

В числе «современных казанцев» [15], чьи произведения пополнили музейные фонды, названа и ученица Н.И. Фешина А.Г. Платунова (1896–1966) — автор обложки журнала с изображением древнего города Болгары. Три её иллюстрации на ту же тему присутствуют и на странице первого выпуска. Александра Георгиевна — уроженка с. Мари-Турек Уржумского уезда Вятской губернии (ныне посёлок, центр Маритурекского района Республики Марий Эл).

Следующая статья П.М. Дульского опубликована в 3–4 номере журнала за 1920 год. Она посвящена занавесу, погибшему во время пожара Казанского городского театра в июне 1919 года.

Обложка журнала
«Казанский музейный вестник»
(1920, № 1-2)

Титульный лист 1-2 номера
журнала «Казанский музейный
вестник» за 1920 г.

Будучи «с художественной стороны... типичным образцом театральной живописи 70-х годов», в которой сочеталось «желание реально представить мотив грандиозного в природе» без разрыва «с заветами романтизма» [16], занавес представлял собой иллюстрацию к прологу пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» с дубом, русалками, Кошеем, Бабой Ягой и другими персонажами.

Утрату уникального произведения, фотография которого предшествует статье, П.М. Дульский считает «незаменимой не только для Казани, но и для всего русского искусства» [17]. Даёт он и творческий портрет декоратора императорских театров Михаила Ильича Бочарова (1831–1895).

В этом же выпуске журнала под инициалом Д. опубликована критическая рецензия на второе издание «Указателя книг и статей по вопросам искусства. Архитектура, скульптура, живопись» (М., 1919) Н. Лаврского (псевдоним искусствоведа и библиографа Николая Фёдоровича Барановского).

В «Хронике» 3–4 номера за 1920 год сообщается о том, что «П.М. Дульским ведутся работы по фотографированию и изучению предметов древнерусского прикладного искусства, хранящихся в ризнице кафедрального собора Казани и бывших до последнего времени совершенно недоступными для научных исследований». И далее: «Готовятся к печати в издании отдела изобразительного искусства две монографии П.М. Дульского, посвящённые произведениям художника Фешина и художественному творчеству ребёнка» [20].

В этой же подборке информации обращает на себя внимание следующая: «В 1918 году во время гражданской войны затерялась библиотека известного этнографа проф. Д.К. Зеленина, присланная последним в Казань из Петрограда. В течение долгого времени поиски не приводили ни к каким результатам. В ноябре истекшего [1919-го — В. С.] года П.М. Дульский был вызван в Рупвод [Районное управление водного транспорта. — В. С.] для осмотра книг, предназначенных к отправке в районные библиотеки волжских затонов. К удивлению П.М. Дульского, в числе предназначенных для рассылки по затонам книг оказалась библиотека проф. Д.К. Зеленина, обнаруженная в одном из товарных складов на пароходных пристанях. Немедленно были приняты меры к спасению библиотеки, и её удалось вывезти в надёжное место» [21].

«Хроника» 5–6 номера за 1920 год открывается пространной информацией о Первой государственной выставке искусства, к открытию которой был выпущен каталог со статьями ряда авторов (в т.ч. П.М. Дульского). Необычность издания состояла в том, что один из вариантов был напечатан с иллюстрациями, другой — без таковых, а третий — «на серой бумаге для бесплатной раздачи солдатам» [22].

В пространной статье об этой выставке искусствовед Бориса Петровича Денике (1885–1941), помещённой в том же выпуске журнала, наш герой фигурирует в числе художников, представивших на вернисаж «интересные и талантливые произведения» [23]. «Удачной» считает автор и казанскую выставку «Союза русских художников», одним из организаторов которой был П.М. Дульский [24].

Настоящий гимн Петру Максимилиановичу пропел в статье «К истории Казанского зодчества» в этом же выпуске журнала его друг и сотрудник, уроженец г. Малмыж Вятской губернии, известный историк и археолог Михаил Георгиевич Худяков (1894–1936) [25].

Вышедшую в свет в 1914 году книгу П.М. Дульского «Памятники казанской старины» он называет эпохой в изучении местной архитектуры, поскольку «впервые читатель увидел освещение привычных ему произведений древнего зодчества с точки зрения истории русского искусства, и несомненно, с этого момента у него открылись глаза на многое, чего он раньше не замечал и мимо чего проходил равнодушно. С выходом в свет книги П.М. Дульского в Казани связан тот поворот от безучастного равнодушия известного круга лиц к восторженному интересу и внимательному изучению памятников древнего зодчества, который был связан в других городах с появлением картин Н.К. Рериха, Г.К. Лукомского, М.В. Добужинского и прочих художников, показавших красоту старинной русской архитектуры. Книга П.М. Дульского затронула много вопросов, поставила на очередь важные проблемы из истории местного зодчества, а также наметила путь к их разрешению. С этого времени в Казани начинается непрерывная работа любителей и собирателей над выискиванием и изучением материалов. Более всех внёс в эту работу сам П.М. Дульский, кропотливо рывшийся в местных архивах, неутомимо фотографировавший, зарисовывавший, пламенно обсуждавший очередные вопросы» [26].

Приведённые выше сведения убедительно свидетельствуют о той важной роли, которую П.М. Дульский играл в культурной жизни Поволжья и страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Памятные даты по Кировской области на 2019 год: библиографический указатель / КОУНБ им. А.И. Герцена; сост. Г.А. Леванова. Киров, 2018. С. 39. Подробнее о журнале см.: Рамазанова Г.А. Из истории журнала «Казанский музейный вестник» // <https://www.ais-aica.ru/publikatsii/434-kazansbornik/3864-g-a-ramazanova-rossiya-tatarstan-kazan-iz-istorii-zhumala-kazanskij-muzejnyj-vestnik.html>

2. См.: Семибратов В.К. П.М. Дульский: штрихи к биографии // Сборник материалов научно-практической конференции, посвящённой 490-летию первого упоминания о городе Слободском в актовх источниках. Слободской, 1995. С. 41.
3. Долматова Т.М. «Казанский музейный вестник» П.М. Дульского и музейные издания 1920-х гг. // Музей и судьбы / МУК «Слободской музейно-выставочный центр». Слободской, 2011. С. 72.
4. Подробнее о Б.Ф. Адлере см.: Городцов В.А. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. Кн. 2: 1936–1944. Приложения / сост. И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М.: Триумф принт, 2015. Кн. 2. С. 591.
5. Подробнее о К.В. Харламповиче см.: Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. В 2 т. Т. 2 / авт.—сост. А.А. Чернобаев. Саратов: Саратовский гос. соц.—экономич. ун-т, 2005. С. 474–475.
6. Дульский П.М. Новые приобретения художественного отдела Казанского губернского музея // Казанский музейный вестник. Казань: Первая Государственная типография, 1920. С. 36.
7. Там же.
8. Там же. С. 38.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. С. 40.
12. Там же. С. 45.
13. Там же.
14. См.: Дульский П.М. Николай Иванович Фешин: очерк. Казань, Казанское отд-е Гос. изда-ва, 1921. 31 с.
15. Дульский П.М. Новые приобретения художественного отдела Казанского губернского музея. С. 45.
16. Дульский П.М. Сгоревший занавес Бочарова в Казанском городском театре // Казанский музейный вестник. 1920. № 3–4. С. 67.
17. Там же. С. 69.
18. См.: Х[удяков] М. Хроника // Там же. 1920. № 1–2. С. 52.
19. Там же. С. 52.
20. См.: Х[удяков] М. [Г.] Хроника // Там же. 1920. № 3–4. С. 74.
21. Там же.
22. См.: Х[удяков] М. [Г.] Хроника // Там же. 1920. № 5–6. С. 71.
23. Денике Б.П. Художественная выставка 1920 года в Казани // Там же. С. 59.
24. См.: Там же. С. 50.
25. См.: Семибратов В.К. Дружили два соратника // Кировская правда. Киров, 1991. 17 дек. (№ 251). С. 4.
26. Худяков М.Г. К истории Казанского зодчества // Казанский музейный вестник. 1920. № 5–6. С. 17–18.

СОКРОВИЩА НА ВЕКА:

*редкие издания и коллекции
в фонде Национальной библиотеки
им. А. С. Пушкина
Республики Мордовия*

ЗЕМКОВА Н. Н. (САРАНСК)

В 2019 году Национальная библиотека им. Александра Сергеевича Пушкина Республики Мордовия отмечает юбилей — своё 120-летие. Она берёт начало с 1899 года, когда по решению Саранской городской Думы в г. Саранске была основана первая бесплатная народная библиотека-читальня имени А. С. Пушкина. Для первых читателей она распахнула свои двери 14 сентября 1899 года.

Предмет особой гордости библиотеки — отдел редких книг и работы с книжными памятниками, который берёт свое начало с 1985 года и сегодня функционирует как самостоятельное структурное подразделение. Перелистывая старинные издания, мы погружаемся в удивительный мир прошлого, ведь каждая книга несёт в себе приметы того времени, когда она создавалась, и имеет свою судьбу.

В отделе хранится удивительно интересный и разнообразный фонд. Объём его относительно невелик: 14 тысяч экземпляров отечественных, иностранных книжных и периодических изданий. Но ценность его измеряется не величиной, а уникальностью [1].

Первоначальную основу фонда редких книг составили книги Саранской городской народной бесплатной библиотеки-читальни, которых до настоящего времени сохранилось чуть более ста экземпляров. В основном это литература по общественно-политическим, социальным, историческим, естественным и медицинским наукам, а также художественная литература, в том числе академические и научные дешёвые и популярные издания для народа, книги по литературове-

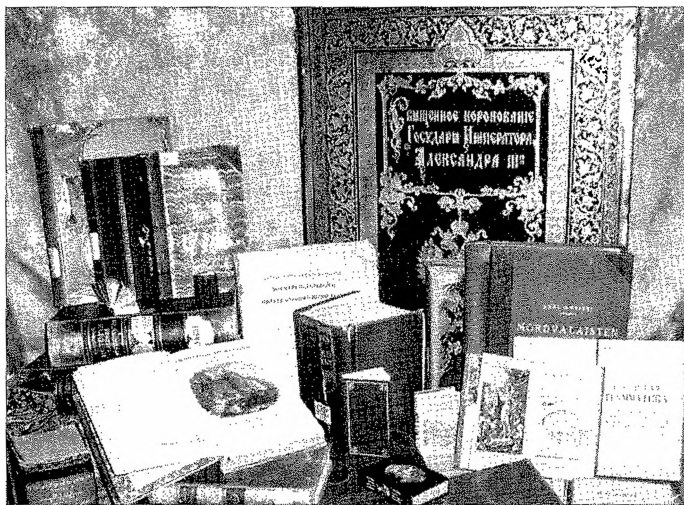

Фото изданий из фонда Отдела редких книг

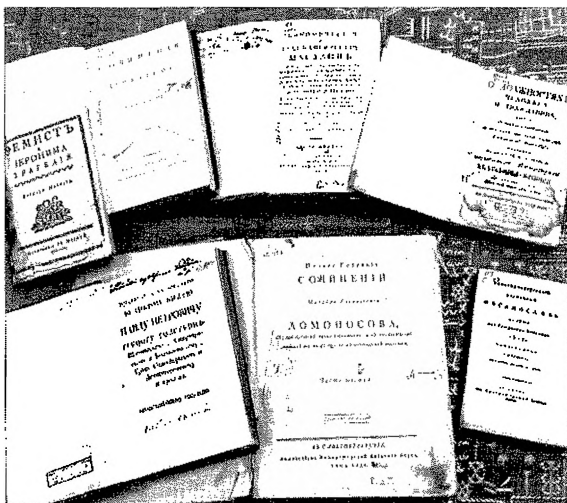
дению и издания для детского чтения. Более 50% всех книг коллекции составляют произведения русских писателей и поэтов.

В тот период наибольшим спросом у читателей библиотеки пользовались сочинения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева. Самый ранний по времени документ коллекции — «Сочинения и письма» Николая Васильевича Гоголя: В 2 т. (1857) [2].

Несомненное предпочтение отдаётся книжным памятникам: изданиям, обладающим выдающимися духовными, эстетическими и познавательными достоинствами и представляющим собой научную, историко-культурную, художественную и библиографическую ценность. Это книги гражданского прироста XVIII–XIX вв. (до 1830 г.), первые и прижизненные труды крупнейших писателей, общественных деятелей, просветителей и историков, издания с владельческими и коллективными книжными знаками, памятники революционного и освободительного движения, литература, вышедшая в годы Великой Отечественной войны, крупноформатные и миниатюрные издания [3].

В массиве книжных памятников — издания по различным отраслям знаний. Живое дыхание ушедших столетий ощуща-

ешь, когда смотришь на такие редкие «жемчужины», как «Два канона молебных ко Пресвятой Богородице, попеременно читаемых» — письменный памятник древнерусского церковного пения (1914 г.), «Уроки экспериментальной физики: том I, сочиненные г. Полетом» (1779 г.), «О должностях человека и гражданина. Книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи,

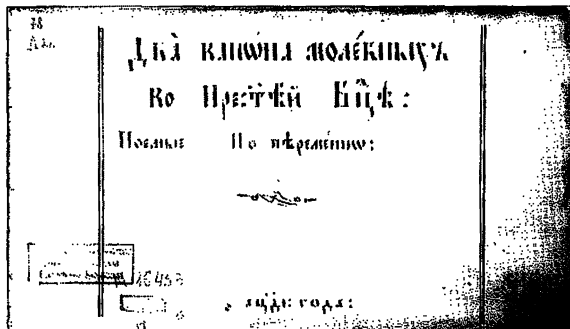

*Книжные памятники
(отечественные издания до 1830г.)*

изданная по высочайшему повелению Царствующей Императрицы Екатерины Вторья» (1786 г.), «Экономический и технологический магазин для художников, заводчиков, фабрикантов, мануфактуристов и ремесленников, также для городских и сельских хозяев и хозяек, любителей садов, цветоводства» (1814 г.), «Санкт-Петербургский карманный месяцеслов на лето от Рождества Христова 1817» (1816 г.), «Эвклидовых начал восемь книг, а именно: Первые шесть, одиннадцатая и двенадцатая, содержащие в себе основания геометрии» (1819 г.).

Самое раннее из отечественных изданий в фонде — «Российская грамматика» М.В. Ломоносова (1755 г.). На титульном листе первой русской грамматики сохранилась надпись чернилами, оставленная прежним владельцем — епископом Русской православной церкви, архиепископом Архангелогородским и Холмогорским Варсонофием (в миру — Василий Щенников) в ноябре 1759 года.

Представляют огромный интерес прижизненные издания: «Поэмы и повести. Часть первая» А.С. Пушкина (1835 г.) с экслибрисом «Из книг Владимира Николаевича Лялина» и

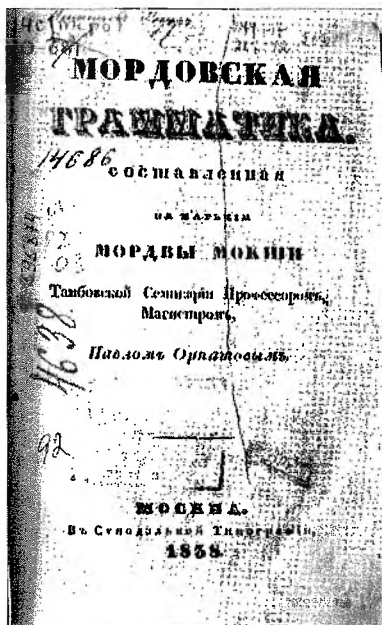
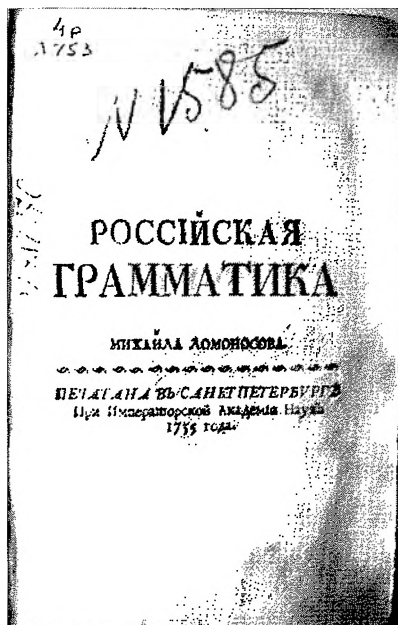
*Два Канона Молебных ко
Пречистой Богородице» (1914г.)
(рукописные ноты)*

первый номер журнала «Современник» (1836 г.). Здесь же — трагедия «Феминист и Иеронима» В. Майкова (1775 г.), «Сочинения. Т. III» Г.Р. Державина (1808 г.), поэмы «Эрпели» и «Чир-Юрт» А.И. Полежаева (1838 г.).

Прекрасно сохранились уникальные краеведческие издания, показывающие самобытную культуру мордовских (мокша и эрзя) народов. Их значение для изучения истории нашего края трудно оценить. Среди изданий: первая «Мордовская грамматика» профессора Павла Орнатова (1838 г.), книга с экслибрисом «Библиотека С.К. Кузнецова» (цветной бумажный ярлык на форзаце) и надписью чернилами: «Клочков 3/III.Нов. 2р. Кат. 398 № 241».

Не меньшую ценность представляет печатный памятник — полиграфический шедевр по истории мордовского края «Mordvalaisten Pukuja ja Kuoseja = Trachten und Muster der Mordvinen = Мордовские костюмы и узоры» на финском и немецком языках (1899 г.). Это — итог огромной исследовательской работы профессора Акселя Олая Гейкеля, посетившего в 1883–1885 гг. Казанскую, Саратовскую, Пензенскую, Нижегородскую и Симбирскую губернии. В книге представлены многочисленные схемы, рисунки и вышивки мокшанского и эрзянского костюмов, выявлены и рассмотрены их различия. Наш экземпляр непростой: он был передан библиотеке в 1996 г. Музейным Ведомством Финляндии (имеется сопроводительное письмо) и надпись владельца: «Epa Jyrhama».

Выпущенный ограниченным тиражом всего в 200 экзем-

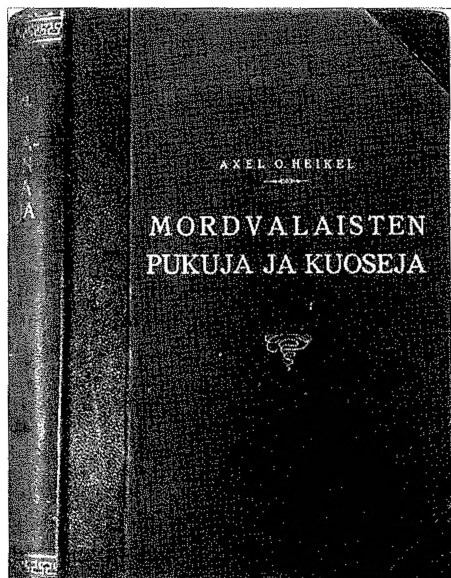

пляров церемониальный альбом-шедевр «Описание Священного Коронования Их Императорских Величеств Императора Александра Третьего и Государыни Императрицы Марии Феодоровны» (1883 г.) — «дорогая диковинка». Книга оформлена с использованием лучших тканей и переплётных материалов, великолепно иллюстрирована лучшими русскими художниками своего времени, среди которых есть и пап земляк — художник Иван Кузьмич Макаров. Фолиант поражает своими размерами: 65 x 49 см: это самая большая книга в фондах Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина.

А самые крохотные издания в фонде — это мини-книги художника Андрея Рыкованова с отрывками из известных произведений А.С. Пушкина: их размер всего 2 x 1,5 см.

Привлекают внимание посетителей роскошно изданные подарочные фолианты (книги большого формата): «Фауст» И. Гёте (1899 г.), «Мёртвые души» Н. Гоголя (1901 г.), изданные на самом высоком полиграфическом уровне и показывающие,

*Ломоносов М.В. «Российская грамматика» (1755г.)
Орнатос П.П. «Мордовская грамматика»(1838г.)*

Гейкель А.О. «Мордовские костюмы и узоры» (1899 г.)

что книга может быть образцом книжного искусства. Эти издания можно отнести к замечательным памятникам типографского искусства, так как они выпускались лучшими типографиями и издательскими фирмами: М.О. Вольфа, А.Ф. Маркса, А.С. Суворина, И.Д. Сытина. К уникальным памятникам полиграфии относятся и юбилейные издания «Великая реформа» (1911 г.) и «Отечественная война и русское общество» (1912 г.).

Уникальность нашего фонда определяется и особенностями книг с экслибрисами и суперэкс-либрисами прежних владельцев: Императора Александра II Николаевича (Романова); представителей знаменитой купеческой династии Гарелиных; князя, темниковского уездного предводителя дворянства (1872–1884 гг.) Петра Васильевича Ишеева; Городского главы, гласного городской Думы, присяжного и частного поверенного окружного и уездного судов Андрея Андреевича Любомудрова; саранского библиофила Николая Николаевича Заколпского; критика, историка западноевропейской и русской литературы Петра Семёновича Когана; педагога-математика Анны Еремеевны Раик; общественно-политического деятеля, журналиста, писателя Игоря Платоновича Демидова [4].

Все эти книги попали в фонд библиотеки разными путями: из библиотек ликвидированных учреждений, научных сообществ, семинарий, монастырей, частных и общественных книжных собраний.

Интерес представляют и единственные в своём роде экземпляры изданий с автографами, дарственными подписями

ми известных писателей, учёных, общественных деятелей: писателей Сергея Михалкова, Валентина Распутина, Григория Григорьевича Пушкина (правнука великого поэта А. С. Пушкина), поэтессы Людмилы Татьяничевой, историка Сергея Борисовича Бахмутова, художника Дмитрия Билюкина.

Издаия миниатюрного формата

Для Национальной библиотеки Республики Мордовия, которая носит имя великого писателя, поэта и гражданина Александра Сергеевича Пушкина, естественен интерес ко всему, что связано с ним. Книжная и изобразительная «Пушкиниана» — одна из ценных коллекций, бережно хранимая в отделе уже несколько десятков лет. Она включает в себя прижизненные издания поэта, его многочисленные сочинения, переписку, факсимильные и репринтные издания, миниатюрные издания, книги-дары к юбилейным пушкинским датам и многое другое.

Бесценный дар для библиотеки — коллекция книг и журналов (1355 экземпляров) крупнейшего русского культуролога, историка и теоретика европейской культуры и искусства, одного из самых ярких и самобытных учёных и мыслителей XX века с мировым именем Михаила Михайловича Бахтина, переданная в дар библиотеке в 2008 году Леонтиной Сергеевной Мелиховой. 234 экземпляра из коллекции — с автографами и дарственными надписями, на 14 изданиях — владельческая надпись «М.М. Бахтин», «М.М.Б.», нанесённая от руки синими чернилами либо простым карандашом [5].

Отдел редких книг с огромным удовольствием работает с различными группами посетителей и широко использует книжные памятники в экспозиционной и выставочной работе, вызывая у гостей «живой интерес».

Бережно сохраняя редкие фонды, мы предоставляем уникальную возможность подержать в руках, полистать стра-

ницы этих раритетов, прикоснуться к истории их создания, побыть соучастником бытия прошлого и настоящего, приобрести к историко-культурному наследию, тем самым поддерживая перазрывную связь поколений.

Список источников:

1. Земкова Н.Н. История и развитие отдела редких книг и работы с книжными памятниками / Н.Н. Земкова // Библиотечное краеведение Мордовии/ сост. С.Н. Архипова.— Саранск: [б. и.], 2014.— Вып. 22.— С. 33–37.
2. Земкова Н.Н. Коллекция книг первых лет существования Саранской Городской народной бесплатной библиотеки— читальни //История библиотек как отражение историко-культурного развития Республики Мордовия: материалы IV Краеведческих чтений / Н.Н. Земкова / М-во культуры и туризма РМ, Нац. б-ка им. А.С. Пушкина РМ; [сост. С.Н. Архипова; редкол.: А.И. Степанов и др.].— Саранск: [б. и.], 2014.— С. 102–105.
3. Книжные памятники— коллекции редкого фонда Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Мордовия / М-во культуры и туризма РМ, Нац. б-ка им. А.С. Пушкина РМ, Отдел редких книг и работы с кн. памятниками; сост. Н.Н. Земкова.— Саранск: [б. и.], 2015.— 32 с.
4. Земкова Н.Н. Реконструкция книжных собраний на основе книжных знаков: из истории формирования коллекции И.П. Демидова в фонде ГБУК «Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Мордовия»/Н.Н. Земкова// Всероссийская научно— практическая конференция «Книжный знак как предмет научного исследования в области библиофильства» / Междунар. Союз обществ. орг. книголюбов; Гос. Музей-усадьба «Архангельское»; Центр. универсал. науч. б-ка им. Н.А. Некрасова.— М.: [б. и.], 2017. С. 40–42.
5. Издания с дарственными надписями в коллекции «Личная библиотека М.М. Бахтина» Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина РМ: каталог / НБ им. А.С. Пушкина; Отдел редких книг и работы с книжными памятниками; [сост. Н.Н. Земкова], библиограф. ред. Т.В. Кистанова; ред. О.А. Пальтина.— Саранск: [б. и.], 2018. 263 с.

Р

езцом

и кистью

СВЕТ ПУШКИНА. ОБРАЗ, ЗНАКОМЫЙ С ДЕТСТВА

ПОКАТОВ В. В. (МОСКВА)

*Пушкин есть явление чрезвычайное и,
может быть, единственное явление
русского духа...*

Н. В. Гоголь

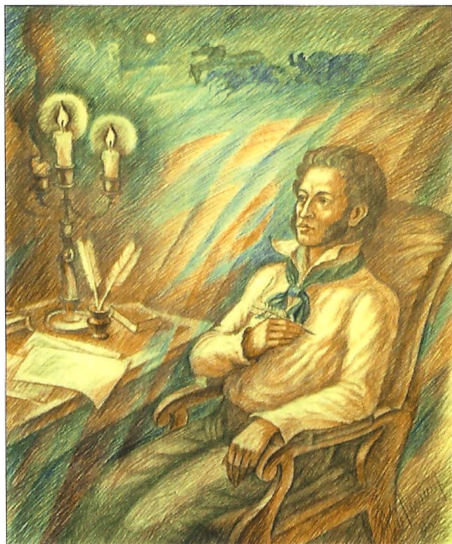
*Читая Пушкина, можно превосходным
образом воспитать в себе человека.*

В. Г. Белинский

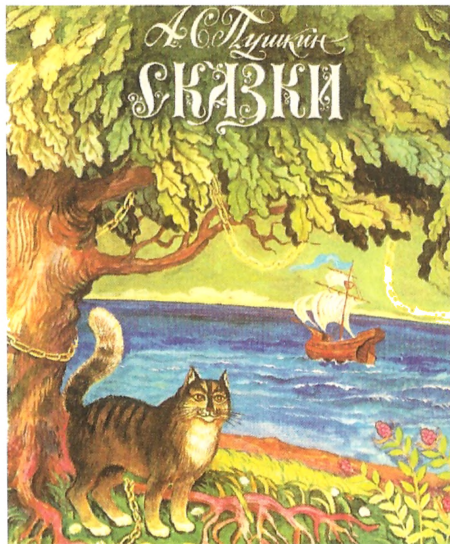
Мне кажется, пушкинский гений оставляет след в каждом, кто знакомится с его произведениями, с описанием его насыщенной, возвышенной и трагически оборвавшейся жизни. Само имя Пушкина несёт в себе мощный энергетический импульс, который воздействует как духовный национальный код или своеобразный пароль для распознавания: «свой» — «чужой». По тому, насколько глубоко человек способен погрузиться в духовное наследие Пушкина и принять его, можно судить о духовном окормлении, культуре, воспитании, глубине познания наших национальных, литературных, общекультурных традиций и, конечно, о его патриотизме, любви к своему отечеству. Энергетика гения воздействует на общество

*А. С. Пушкин. Рождение сказки,
цветной карандаш (2016)*

*А. С. Пушкин в Михайловском,
цветной карандаш (2001)*

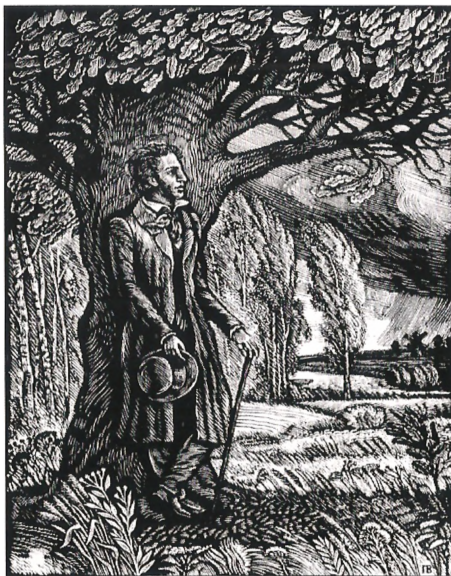
*Обложка книги «Сказки»
А. С. Пушкина, гуашь (1992)*

по-разному, пропитывая его, словно губку, проникая «в поры» разных сословий, оживляя и поддерживая связь с народными духовными источниками.

В каждом из нас живёт Пушкин. Он живёт героями своих великих произведений, многие из которых давно уже ведут отчёты своих судеб и историю своих перевоплощений. Когда-то Пушкин сказал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». Почитатели поэта следуют за его высказываниями, за его героями уже не одну сотню лет. Этот путь озаряется появлением многочисленных работ на темы его произведений в литературе, театре, кинематографии и изобразительном искусстве (скульптуре, живописи, графике и др.).

Стоит отметить, что изображение поэта, как оказалось, для всех поколений художников было достаточно сложной задачей. Тех, кто пытался в течение более двух столетий создавать его образ, далеко не всегда ждала удача. Сергей Льво-

вич Пушкин, отец поэта, говорил: «Лучший портрет сына моего есть тот, который написан Кипренским и гравирован Уткиным». Хотя мы знаем, что поэта писали при жизни, кроме Ореста Кипренского, художники В.А. Тропинин, И.Е. Вивьен, П.Ф. Соколов, Г.А. Гиппиус, Г.Г. Чернецов, И.Л. Линева и др. Эти живописцы и графики принадлежали к одной с Пушкиным эпохе, видели живого поэта, а Тропинин, Кипренский, Соколов, являясь лучшими портретистами своего времени, изображали его с натуры, и потому их произведения для нас особенно ценны. Но при этом,

А. С. Пушкин в Михайловском, ксилография (1985)

даже эти выдающиеся мастера, не могли передать всех признаков, присущих внешним чертам поэта — пламенных, постоянно и необъяснимо оживляющихся и меняющихся. После появления тропининского портрета, заказанного художнику С.А. Соболевским, в «Московском телеграфе» за май месяц 1827 года можно было прочесть следующее: «Сходство портрета с подлинником поразительное, хотя нам кажется, что художник не смог совершенно схватить быстроты взгляда и живого изображения лица поэта. Физиогномия Пушкина — столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить её, вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о ней истинное понятие» («Пушкин и его время». — М.: Тера, 1997. — С. 240).

Позднее наиболее точно смогли прочувствовать и донести до современников поэтику пушкинского слова, его самобытные народные истоки, традиции и фольклорные черты художники: И.Я. Билибин, К.П. Брюллов, В.М. Васнецов,

М.А.Врубель, И.Е.Репин, Б.В. Зворыкин, М.В. Добужинский, А.И. Кравченко, Ф.Д. Константинов. Хотелось бы особенно отметить, что портретная пушкинистика является настолько обширной, что изучить её всю вряд ли представляется возможным. Из многих тысяч изображений нельзя не отметить несколько общеизвестных портретных композиций, которые обратили на себя внимание. Это образ Пушкина в совместной картине И.Е. Репина и И.К. Айвазовского «Прощай, свободная стихия!», портретные композиции, выполненные художниками А.М. Опекушиным, Н.П. Ульяновым, П.П. Кончаловским, В.А. Серовым, М.К. Аникушиным, Е.Ф. Белашовой, В.И. Шухаевым, В.Е. Попковым, О.К. Комовым, В.А. Фаворским, Е.Е. Моисеенко, Д.А. Белюкиным и многими другими.

Следует сказать об образах поэта, нарисованных им самим. Эти удивительные, очень тонко выполненные первые наброски, словно бриллианты, рассыпаны по его рукописям и представляют для потомков и, конечно, для художников бесценнейший материал, составляющий уникальную иконографию поэта.

Есть ещё одна реликвия, которая не уступает в документальности живописным портретам. Это посмертная маска, которая появилась благодаря стараниям Василия Андреевича Жуковского, привлёкшего для этого формовщика Балина и скульптора С.И. Гальберга. «Маска, — как писала Е.В. Павлова в своей известной работе «А.С. Пушкин в портретах», — единственное документальное свидетельство строения лица Пушкина. Это самая драгоценная пушкинская реликвия. Она обладает колоссальным притяжением, магнетизмом. Несмотря на то, что маска — слепок с мёртвого лица, но нам она дорога чертами живого Пушкина» (Е.В. Павлова. Пушкин в портретах. М.1983.С.58).

С детства каждый из нас проникся и взрастил в себе «своего Пушкина». Удивительные, наполненные глубинными смыслами произведения великого поэта, преломленные через творчество художников-иллюстраторов, оказывали серьёзное влияние на воспитание и образование. В советское время все

пути школьного просвещения лежали через русскую литературу, через классику, а значит, через Пушкина, через его произведения. В младших классах мы читали сказки, позднее основательно штудировали повести «Дубровский», «Капитанская дочка». Из романа в стихах «Евгений Онегин» заучивали наизусть отдельные отрывки. Помню, как в нашем школьном драмкружке мы ставили фрагмент из драмы «Борис Годунов», сцену на литовской границе. С этой постановкой неоднократно выступали в местных клубах. Это было не столько приобщение к классике, сколько вовлечение в саму атмосферу великого и бессмертного произведения.

*«Здравствуй, Пушкин!»,
цветной карандаш (2016)*

Я ещё не знал тогда хрестоматийного высказывания В.Г. Белинского: «Читая Пушкина, можно превосходным образом воспитать в себе человека», — и пробуждающаяся любовь к поэту, по всей видимости, имела другие корни. Мне кажется, эти корни были результатом отождествления моим, ещё незрелым сознанием и Пушкина, и русской литературы, и русской истории. Для меня тогда и Пушкин, погибший на дуэли, защищая свою честь, честь своей жены, и герои трагедии «Борис Годунов», повестей «Дубровский», «Капитанская дочка», с одной стороны, были где-то далеко, в прошлом веке, а с другой — казались мне современниками, потому что

*Иллюстрация к сборнику
«Повести Белкина» (2016)*

отождествлялись для меня прежде всего с русской историей, с историей моей страны. С того времени постепенно Пушкин начал входить в мою жизнь. Сначала как автор, с произведениями которого необходимо было знакомиться по школьной программе, потом как любимый писатель и как герой, близкий по духу, потом как русский гений.

С необыкновенным трепетом я всегда слушал пьесу Г.В. Свиридова «Метель», представляя картины зимы, природной стихии, которые ассоциируются у меня со сценами, нарисованными в произведениях поэта, в том числе в

одноименном рассказе из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» или в «Капитанской дочке». Какая-то величественная

картина поистине вселенского масштаба и одухотворенности возникала в моём сознании при звучании этой пьесы. Может быть, поэтому мне часто хотелось изобразить поэта через природную стихию, через его любимую осеннюю пору, через места, где он часто бывал или куда его отправляли от греха подальше: на Север — в Псковскую губернию, на Юг — в Кишинев, Одессу, откуда он, пользуясь благосклонностью начальства, мог путешествовать по Крыму, в том числе, в Арзрум.

Желание запечатлеть А.С. Пушкина, представить свою версию его образа волновало меня и постепенно стало частью моего творчества на протяжении многих лет. По мере профессионального роста и возмужания, пытался создать свой пушкинский идеал, и это находило отражение в станковой графике, книжной иллюстрации, экслибрисистике, многочисленных подготовительных набросках и эскизах. На своих выставках я всегда стараюсь представлять иллюстрации к сказкам,

гравированные и рисованные портреты великого поэта, графические композиции на темы его произведений, книги о творчестве и жизни А. С. Пушкина, которые мне доводилось оформлять.

А. С. Пушкин. Лукоморье, гуашь (1996)

Особый импульс творчеству дали поездки в Михайловское, удивительные ландшафты его окрестностей, настоящие жемчужины псковского края. Ведь для Пушкина, как отмечал П. В. Анненков, «настоящим центром жизни было Михайловское и одно Михайловское: там он вспоминал о привязанностях, оставленных в Одессе; там он открывал Шекспира и там предавался грусти, радостям и восторгам творчества».

После одного из таких посещений было положено начало моей пушкинистике в книжных знаках. Награвировал несколько экслибрисов, вошедших впоследствии в миниатюрное издание, посвященное юбилею Пушкина в 1982 г. Был там знак, выполненный на имя Д. С. Лихачева, который затем часто воспроизводился в печати. Сюжет знака изображал Пушкина за работой на фоне фрагмента из «Слова о полку Игореве», начало похода Игоревы войска. Спустя годы я узнал, что А. С. Пушкин живо интересовался содержанием «Слова», отстаивал его подлинность, помнил его наизусть. Намереваясь издать это

*Иллюстрация к сборнику
«Дуэль», акварель (1989)*

произведение, он готовил материалы и набрасывал вчерне статью об этом древнерусском эпосе как «уединенном памятнике в пустыне нашей древней словесности».

К работам, сделанным под впечатлениями от поездок по местам северной ссылки поэта, относятся несколько десятков композиций, исполненных в разных техниках, которые представляли собой тематические портреты А.С. Пушкина. Надо сказать, что мои первые попытки изобразить поэта относятся к ранней юности. Успешными их назвать было сложно, но

тем не менее, это во многом способствовало закреплению его характерных портретных черт в моей памяти. Конечно, они носили собирательный характер, сформированный изображениями других художников, но постепенно в сознании и воображении стали приобретать законченные, конкретные реалистические признаки, которые я бы мог охарактеризовать, как мое видение образа Пушкина, мою пушкиниану.

В издательстве «Современник», куда судьбе было угодно меня определить почти на четверть века, отношение к Пушкину было особенным. Считалось, что само название издательства шло от пушкинского «Современника», и это историко-романтическое обстоятельство было как-то спроецировано

Эслибрис «Пушкинина
А.В.Диенко», ксилография (2000)

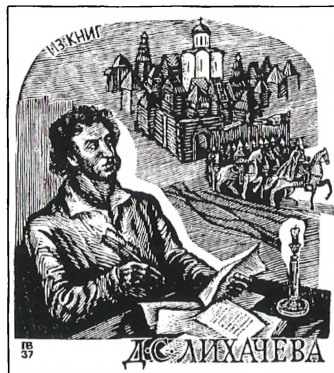
Эслибрис «Пушкинина Виталия
Бакуменко», ксилография (1999)

на нашу деятельность. Своеобразная иллюзия некоего божественного смысла оставляла отклик в сердцах большинства наших «современниковцев», в том числе, одного из его директоров, Геннадия Михайловича Гусева. Он стал одним из инициаторов малоформатного издания полного собрания сочинений поэта и позднее в своих мемуарах написал: «...С самого раннего детства озаряются души людские добрым светом его поэзии; она входит в нас неслышно, легко, как чистый воздух в чистые легкие».

Моя работа в «Современнике» сказалась на дальнейшей творческой деятельности. Именно с издательством я совершил первые путешествия по пушкинскому Ленинграду, в Ярополец, где приложили свои дарования знаменитые зодчие М.Ф. Казаков и В.И. Баженов и, конечно, в Псковскую область. В «Современнике» зародилась мечта об иллюстрировании пушкинских изданий, сделаны первые эскизы. Эти попытки, во многом являвшиеся результатами моего преклонения перед гением, были подогреты знакомством и дружбой с выдающимся художником Фёдором Денисовичем Константиновым,

Экслибрис «Из собрания
У. Батлера», цветная ксилография
(1993)

Экслибрис «Из книги
Д.С. Лихачева», ксилография
(1985)

который создал обширную пушкиниану, представляющую собой портретную галерею и иллюстрационные циклы к произведениям Пушкина: «Евгений Онегин», «Полтава», «Медный всадник», «Маленькие трагедии» и др. Эти иллюстрированные Константиновым издания стали заметным явлением в отечественной пушкинистике, в искусстве книги и в российской культуре в целом.

Когда вслед за М.И. Цветаевой говорят: «Мой Пушкин», — надо полагать, вкладывают в это определённый смысл. Вероятно потому, что постичь до конца всю глубину русского гения невозможно, и каждый, постигая его в меру своих сил, открывает для себя то, что было сокрыто от других, или, постигая уже открытое и преломляя в себе сообразно своему интеллекту, находит новое.

Если говорить о моей пушкиниане, то она включает в себя прежде всего графику. Это фронтисписные иллюстрации, выполненные к различным изданиям, в технике ксилографии, где доминантой композиций являются портреты. Это В.А. Макаров — «Строки приветные» (1999), «Александр Сергеевич Пушкин» из серии «Русский мир в лицах», (2006), «Венок Пушкину» (1999); В. Непомнящий — «Муза, Страсть и Полити-

ка» (2008) и другие. Это станковые листы, посвящённые различным произведениям: «Рождение сказки», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Пушкин и его герои», «Здравствуй, Пушкин!». Это многочисленные композиции, отражающие определённые события и периоды жизни поэта, а также изображение его на фоне различных состояний русской природы в Михайловском, Болдине, Павловске, на Юге и др.

Великий русский композитор Георгий Свиридов, преклоняясь перед пушкинским гением, говорил: «Стремление к внутренней гармонии, сознание высокого предназначения человека — вот что сейчас особенно звучит для меня в Пушкине». (Из речи 3 июля 1979 г.). Трудно не согласиться с этими строками, более того, они созвучны и моим чувствам. Пушкинская тема до сих пор остаётся самой важной в творчестве и

составляет достаточно большое количество композиций, как портретов, так и иллюстраций к произведениям Александра Сергеевича. Конечно, все эти работы представляют разную степень художественной ценности, но для меня они имеют определённое значение как своеобразные ступени в поисках образа поэта. А.С. Пушкин — мой идеал, нравственный ориентир. Пушкин — пример и образец чести, совести и любви к Отечеству, нашей истории. Пушкин — это высочайшая культура, пронизывающая наши сердца и души. Образы, созданные поэтом в его произведениях, являются нашими вечными спутниками.

Экслибрис «Из книг издательства «Современник», ксилография (1997)

Экслибрис В. Бакуменко, цветная ксилография (2005)

На моей 10-й персональной выставке «Поклонение А. С. Пушкину», посвящённой 220-летию со дня рождения поэта, которая проходила в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А. С. Пушкина в Вяземах, пушкиниана была выделена в отдельный, главный изобразительный сегмент.

Работая все эти годы над образом великого соотечественника, я, безусловно, ощущал влияние того, что было создано ранее, хотя и пытался увидеть что-то своё, повторяя за Пушкиным одну из его формул: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». К этому можно добавить, что именно А. С. Пушкин помогает нам с оптимизмом смотреть далеко вперед, верить в Россию и её светлое будущее, всегда помнить о том, по словам Н. Н. Скатова, что «честность и благородство понимались поэтом не только как личное достоинство, но и как родовая ответственность перед настоящим».

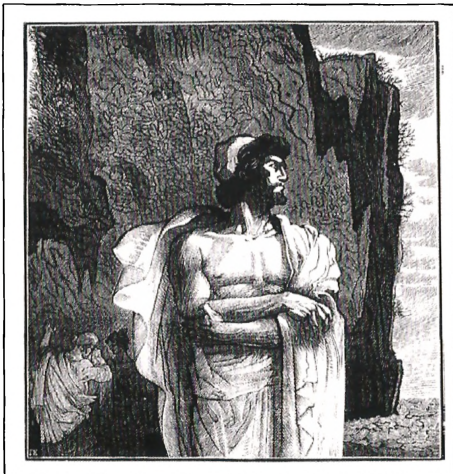
ЛИТЕРАТУРА:

- Павлова Е. В. Пушкин в портретах. — М.: Советский художник, 1983.
 «Пушкин и его время. 1799–1837. — М.: Тера, 1997.
 Московская изобразительная Пушкиниана. — М.: Изобразительное искусство, 1986.
 Мир Пушкина. — М.: Русская книга, 1990.
 Александр Сергеевич Пушкин. — М.: Русский мир, 2006.
 Художник и время: Каталог выставки. — М.: Пашков дом, 2016.
 Замечательные полотна. — Л.: Художник РСФСР, 1962.
 Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 2-х томах.

Г. Д. ЕПИФАНОВ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА ГРАВИРОВАННОЙ КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

САУТИНА Н. И. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Геннадий Дмитриевич Епифанов (1900–1985) — выдающийся представитель ленинградской школы графики. Ленинградская школа как концептуальная общность разнолика, её лицо определяют отдельные яркие личности. Г.Д. Епифанов долгое время оставался в числе ведущих ленинградских мастеров, для многих стал учителем и наставником. Выдающийся ксилограф, Епифанов принадлежит к числу художников, понимавших книгу как единый художественный организм, в котором должны органично соединяться с литературной основой сюжетные иллюстрации и все элементы оформления, начиная от формата и переплёта и кончая выбором гарнитуры и кегля шрифта. Изучение его наследия особенно важно для молодого поколения сейчас, когда, с одной стороны, компьютерные технологии в полиграфии прельщают художника книги сравнительной легкостью создания броских, эффектных произведений, а с другой — отсутствие гравёров-личностей со своей художественной системой, философией мастера лишает молодых художников ориентира, к которому следует стремиться. Кроме того, проблема академической подготовки ксилографов-книжников (как, собственно, и ксилографов-станковистов) объясняет отсутствие новых имён в этой области. Думается, в настоящее время очень важно в погоне за современными техниками не утратить традиций гравюры на дереве, продолжать развивать классические виды книжного оформления. В связи с этим, творческое наследие Г.Д. Епифанова имеет непреходящее значение, так как он устойчиво держался книги на своём долгом пути художника, оставался

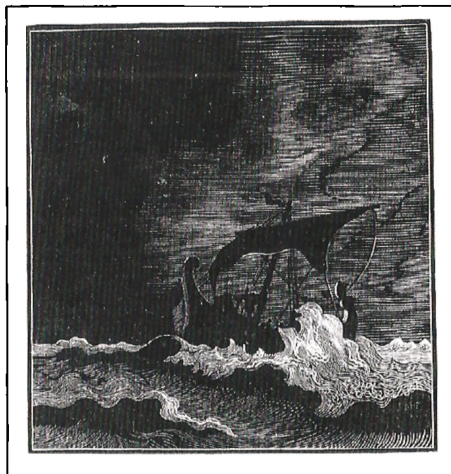
Титульный лист к поэме Гомера «Одиссея». Эскиз. 1957. Б., гуашь.

верен трудоёмкому, но благородному искусству ксилографии, развивая лучшие традиции иллюстрации и книжного оформления, последовательно реализуя целостный подход в работе с литературным произведением.

Г.Д. Епифанов — художник широкого диапазона: у него нет какой-либо узкой тематики или специализации, привязанностей к определённой эпохе, одному любимому писателю или стране. За долгую творческую жизнь он проиллюстрировал книги самых разных авторов: античных (Гомер), западноевропейских (М. Сервантес, Э. Синклер, В. Гюго, Ч. Диккенс, Ж. Верн, А. Дюма-отец, В. Шекспир, Г. Филдинг, Г. Ибсен), русских (А.С. Пушкин, И.А. Гончаров, М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, Н.С. Лесков) и советских (Л.П. Гроссман, Н.С. Тихонов, Ю.Н. Тынянов, В.В. Маяковский, М.М. Зощенко, Л.И. Раковский, И.С. Соколов-Микитов, Е.Л. Шварц), оформлял также произведения эпоса («Слово о полку Игореве») и сказки. Из значительных по объёму графических циклов иллюстраций, созданных Епифановым, можно выделить его гравюры к «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина, «Королеве Марго» А. Дюма, «Одиссее» Гомера и «Пиковой даме» А.С. Пушкина, которые вполне представляют творческий метод художника.

*Одиссей на острове Каллипсо.
Шмуцтитул к V песне поэмы
Гомера «Одиссея».
1958. Ксилография.*

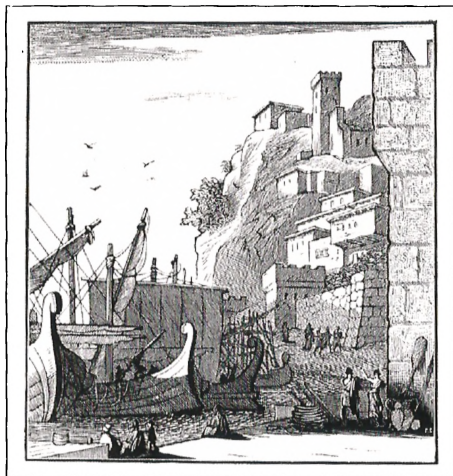
*Буря на море. Шмуцтитул к X
песне поэмы Гомера «Одиссея».
1958. Ксилография.*

Повесть «Бедная Лиза» с гравюрами Епифанова вышла в свет в 1947 году. Во всех 14 ксилографиях к этому произведению преобладает чёрное пятно, «картинность» композиции. Все они имеют чёрную узкую рамку, отделённую от изображения тонкой белой полосой — по теории В. Фаворского, подобный приём органично связывает пространственную иллюстрацию с плоскостью листа. В этом цикле, наряду с традиционным использованием прямого белого штриха, художник находит уже свои изобразительные средства: «пунктир» (точечный штрих), белый контурный абрис формы, гравированные пересекающимися штрихами, образующими сетку.

В иллюстрациях к повести Карамзина большое место занимает пейзаж, и все совершается во взаимодействии с его состоянием, которое, наряду с жестами персонажей, их позой, формирует и усиливает эмоциональную нагрузку образа.

В том же «пейзажном» ключе решены лучшие иллюстрации к роману А. Дюма «Королева Марго», но здесь преобладает пейзаж городской. Все жанровые сцены на шмуцтитулах представлены либо в интерьерах, либо разворачиваются на узких улочках средневекового города и очень органично выделены, в то же время составляя единую композицию со шрифтом. Шрифт дан в картушах — геральдических щитах

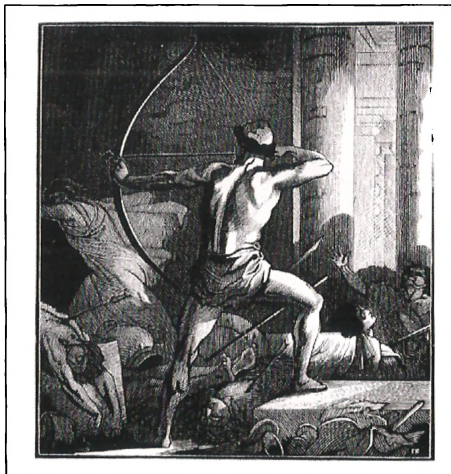
Город феакия. Шмуцтитул к VII песне поэмы Гомера «Одиссея». 1958. Ксилография.

в окружении сочных декоративных форм. На заставках изображены уличные сцены: сражающиеся воины на ступенях широких лестниц среди клубов дыма и мощных крепостных сооружений, высвеченных на фоне чёрного неба; спешнодвигающиеся человеческие фигуры в ночном городе; крепостные башни, шпили соборов, возвышающиеся на фоне опять же чёрного неба. На иллюстрациях — снова улочки-коридоры старого города с нависающими верхними этажами; мощные крепостные твердыни замков, похожие на фантастические сказочные декорации. Во всей сценографии иллюстраций большая роль отведена свету: резкие контрасты высвеченных масс и глубокие западающие тени подчёркивают объёмы, усиливая общую напряжённость и динамику. Под искусным резцом гравёра сама статика сооружений наполнена внутренним борением форм, создающим эмоциональный подтекст для восприятия иллюстраций, погружающих зрителя в напряжённую, подчас мрачноватую атмосферу Франции XVI века.

На иллюстрациях-вклейках представлены портреты исторических действующих лиц. Отличительной особенностью их является то, что все фигуры помещены на плотном чёрном фоне, как бы «врезаны» в него своими очертаниями.

Телемах отправляется на поиски отца. Шмуцтитул к III песне поэмы Гомера «Одиссея».
1958. Ксилография.

Избиение Одиссеем женихов. Шмуцтитул к XXII песне поэмы Гомера «Одиссея».
1958. Ксилография.

За ними художник не даёт пространства, даже не намечает его; освещение здесь также условно. Гравёр не столько моделирует лицо, сколько обрисовывает, обозначает его формы чёрной жёсткой линией. Куда более изощрённой штриховкой прорабатывается пышный костюм. Фактура его материалов («Маргарита Наваррская») изобретательно передана художником. Контурность, выделяющая лицо, заметно спорит с объёмностью аксессуаров, которые во всей их тщательной промоделированности парадно разворачиваются по чёрной поверхности плотного инертного фона.

Этапной в творчестве Епифанова стала серия иллюстраций к «Одиссее» Гомера (1958 год). Вся система оформления этой книги явилась для художника программным утверждением его метода взаимодействия с литературным произведением. Важно отметить, что это не первое обращение ксилографов к данной теме. В 1934 году П.А. Шиллинговский закончил гравюры к гомеровской поэме. У гравёров много общего в способах трактовки формы: чёрный штрих, моделирующие полутона, подчеркнутая проработанность. Вероятно, не без воздействия стилистики ксилографий Шиллинговского Епифанов выбрал для этой работы классическую чёрно-белую ксилографию и традиционные приёмы гравирования.

Ключом к пониманию его творческого почерка могут служить две иллюстрации: Телемах, несущийся на колеснице, и Одиссей на острове Калипсо.

Выполненная в классической технике гравюра «Телемах на колеснице, отправляющийся на поиски отца», в которой нет ни одного любимого гравёром «растрового» или «пуантилистического» штриха, более плоскостна, чем прочие гравюры к этому произведению. Среди прочих иллюстраций эта гравюра приобретает некоторую стилистическую самостоятельность. Мизансцена проработана с подчёркнутым контуром рисунка. Художник удачно решает здесь фактурные задачи. Общая серебристость листа как основа тонального баланса сообщает гравюре несколько декоративный характер.

Добиться пространственности наиболее наглядно удалось Епифанову в иллюстрации, изображающей Одиссея на фоне скалы острова Калипсо. В ней, используя только прямые, короткие и длинные, штрихи, художник передаёт скульптурность монументальной фигуры Одиссея в развевающемся под ветром плаще; вздымающиеся, иссечённые ветром скалы в змеящихся трещинах; высокое небо и кипящее до горизонта беспокойное море. Епифанов показал себя в этом цикле принципиальным «пространственником», сумев удачно найти пропорции гравюры и листа книги, при этом также использовав рамку, с помощью которой В.А. Фаворский рекомендовал перспективно решённые рисунки «укладывать» на лист, соединять с его поверхностью.

Анализируя иллюстрации к «Одиссее», необходимо напомнить, что в годы, когда художник приступал к этой работе, в стране произошёл очередной всплеск гонений на формалистов. В области гравюры на дереве таковыми традиционно признавались В.А. Фаворский и его школа. Может быть, именно поэтому, в стремлении «реабилитировать» ксилографию, показать её возможности в создании реалистического изображения, Епифанов слишком уж приблизился к иллюстрационной гравюре XIX века, воспроизводившей перспективу и объём живописного произведения. Лист, изображающий Одиссея на острове

Калипсо, или гравюра со сценой избияния женихов, явно демонстрируют возможность передавать средствами ксилографии объём,

Воспоминание.

Из серии «Ростов Великий».

1981. Цветная ксилография.

светотеневую моделировку форм, глубину пространства. В них видна блестящая техника владения резцом, рисунком, композицией. Но не идёт ли это в ущерб собственно ксилографическому методу художественной выразительности, как это всегда бывает, когда средствами одной техники пытаются воспроизвести другую? Как правило, такие попытки показывают высокое мастерство художника, но при этом возникает вопрос: не проще ли сразу обратиться к имитируемому первоисточнику? «Одиссей на острове Калипсо» — прекрасная реалистическая иллюстрация, как раз такая, какие требовала в те времена от художников критика, но она носит слишком станковый характер, что вступает в противоречие с творческими установками Епифанова, который всё время воспринимал книгу как единое художественное явление, и именно в «Одиссее» хотел добиться подобного эффекта. Масштаб, монументальность эпоса должен был подчеркнуть большой формат книги, архаичность и величавую простоту эпохи — лаконичность оформления обложки и т.д. И в

*Графиня. Иллюстрация к 1 главе
повести А. С. Пушкина
«Пиковая дама».
1966. Цветная ксилография.*

чтобы понять, что художник также рад обратиться к чисто ксилографическим приёмам выразительности, где сочное чёрное пятно, взаимодействуя с «вихрями» белых штри-

хов, создаёт эмоционально насыщенный образ без излишней натуральности.

В 1966 году увидела свет «Пиковая дама» А. С. Пушкина в иллюстрациях Г. Д. Епифанова, над которыми он работал семь лет. «Пиковая дама» признаётся вершиной творчества Епифанова-иллюстратора, подводя определённый итог поискам гравёра в области книжного оформления.

В этой работе художник использовал технику цветной ксилографии с нескольких досок. Введение в гравюру цвета в книжной иллюстрации довольно сложная формалистическая задача для иллюстратора. Цвет — мощный изобразительный и эмоциональный фактор — должен выступать в гравюре открыто декоративно или он подчинит «гравюрность».

Решали эту задачу гравёры разными путями. Прежде всего, иллюстраторами использовалась цветная подложка, не

то же время иллюстрации в книге настойчиво разрушают плоскость листа реалистически выстроенной перспективой, а тщательно проработанные фигуры героев в позах учебных академических постановок скорее отсылают зрителя к эпохе классицизма, чем к греческой архаике. Хотя не все гравюры так последовательны в этом. Достаточно взглянуть на лист с изображением захваченного бурей корабля (шмуцтитул к X песне),

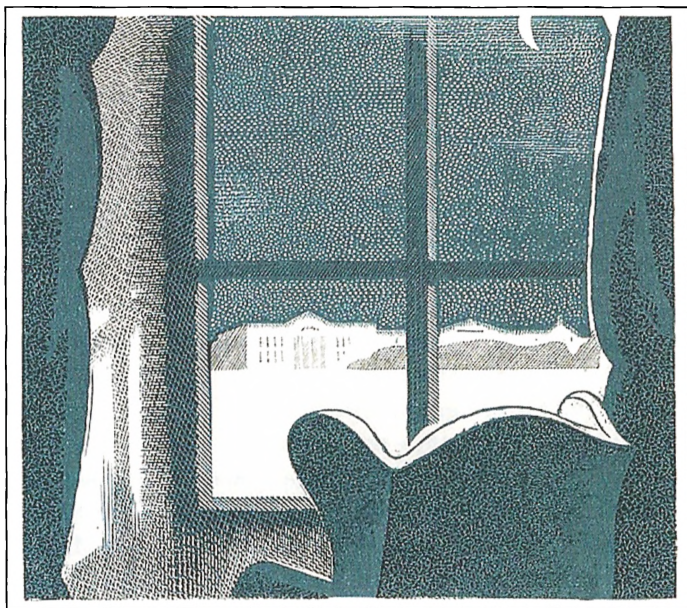
запечатанная краской другого цвета во втором прогоне. В этом случае цвет выступал наиболее открыто и декоративно, повышая броскость всего изображения и подчёркивая его плоскостность. Другой приём представляет собой более тонкую разработку колористического решения графического листа. А.П. Остроумова-Лебедева цветом передавала пространство, освещение, светотеневую моделировку архитектурных сооружений, состояние природы. Своеобразно использовал в

ксилографии цвет Н.И. Пискарев, создавая введением цвета психологическую характеристику художественного образа, акцентируя на нём внимание читателя-зрителя. Вводя цветное пятно в чёрно-белую гравюру в иллюстрациях к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1931–1933), художник прорабатывает цвет как форму белым штрихом («Одевание Кити»), подчёркивая значительность персонажа. Но и здесь гравёр имел дело лишь с отдельным пятном.

Германн. Иллюстрация ко II главе повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». 1966. Цветная ксилография.

Г.Д. Епифанов, в использовании цвета в гравюре сближаясь с Пискаревым, применяет его более широко. У него цвет представлен в смеси с другими, допускается дополнительность цветов, оттенки при взаимодействии цветowych пятен. Применяются вторые прогоны чёрным по ранее проложенному тону, происходит разработка цветowego пятна различными приёмами гравирования, цвет поднимается из глубины как гравированная подложка всего изобразительного поля, как

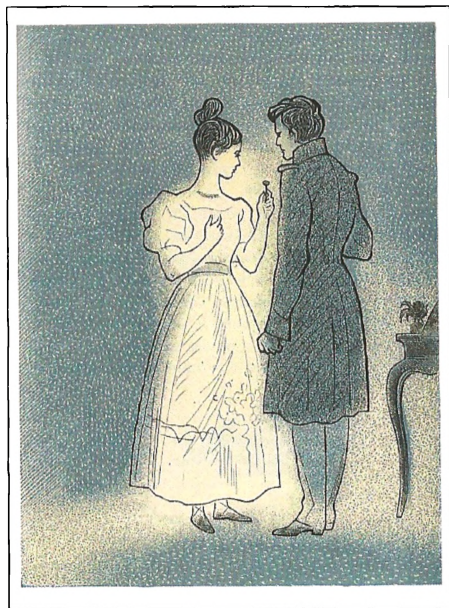

*Спальня графика. Заставка
к III главе повести А. С. Пушкина
«Пиковая дама».
1966. Цветная ксилография.*

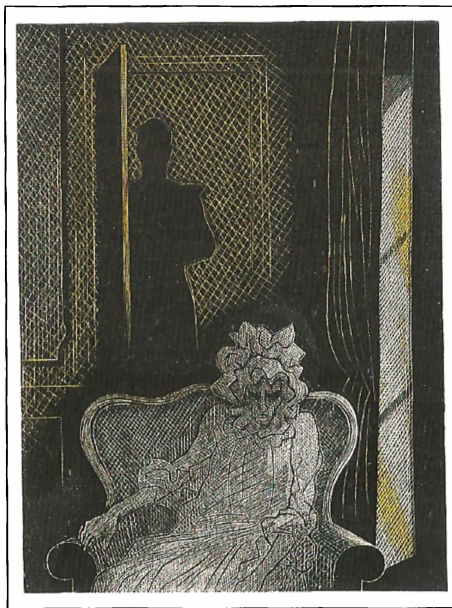
самостоятельный носитель эмоциональной нагрузки.

Очень часто введение цвета в гравюру приводит к тому, что она утрачивает свою специфику плоскостной системы трактовки художественного образа и сближается с живописным подходом пространственного решения изображения, вследствие чего гравюра, отрицая самое себя как особый вид графического искусства, оказывается на стыке живописи и графики. Посмотрим, как разрешает это противоречие Епифанов.

Считается, что в иллюстрациях к «Пиковой даме» Епифанов прямо обратился к традициям «Мира искусства» — сам выбор пушкинской повести неизбежно вызывает в памяти работу А. Н. Бенуа. А. Н. Бенуа, кажется, впервые проиллюстрировал отдельно основной текст «Пиковой дамы» и эпиграфы к главам, не нарушив общей графической стилистики. Епифанов повторил его идею по-своему, выполнив как бы два иллюстративных слоя: один — к основному тексту, другой — к эпи-

*Лиза и Германн. Иллюстрация
к IV главе повести А. С. Пушкина
«Пиковая дама».
1966. Цветная ксилография.*

*Германн у графини. Иллюстрация
к III главе повести А. С. Пушкина
«Пиковая дама».
1966. Цветная ксилография.*

графам. К тексту — цветные ксилографии, к эпиграфам — чёрно-белые обрзные гравюры. Эпиграф, будучи отвлечённым изречением, расширяет ассоциативную ткань части текста, являясь смысловым сгустком главы, её сутью. Перечитывая эпиграфы, легко почувствовать скрытую иронию писателя, заключённую в них, и, возможно, горькую иронию в самом тексте. Так и гравюры к эпиграфам, оставаясь монохромными, как бы подчёркивают этим, что их задача только обозначить что-то самое существенное, только дать намёк, не нуждающийся в дополнении цветом.

Различие между чёрно-белыми гравюрами к эпиграфам и цветными для полосных иллюстраций и заставок не только в технике, но и в тематике. На полосных иллюстрациях разворачиваются сцены повести, на заставках возникает образ

*Заставка к эпиграфу 1 главы
повести А. С. Пушкина
«Пиковая дама».
1966. Гравюра на дереве.*

Петербурга, загадочного города, где фантазмагория перемежается с реальностью. Несколько выпадает из этого ряда гравюра с контурным изображением двух женских

фигур. В то же время, заставки не столько воспроизводят место действия, сколько создают его эмоциональный фон. Цвет в них является, прежде всего, средством эмоционального воздействия, а потом уж — формообразования. Так, например, голубовато-серый цвет в заставке с изображением пустого кресла перед окном, в сочетании с мёртвенно-бледной плоскостью белого листа воссоздаёт жутковато-нереальную атмосферу зимней петербургской ночи, когда холодный свет луны, отражаясь от снежной поверхности, стирает грань между существующим и потусторонним. Голубоватый тон усиливает ощущение холода и пустоты.

На заставке с изображением Смольного собора розоватый фон подхватывает тревожную ноту, звучащую в «исполнении» деревьев с голыми, трагически изломанными сучьями на первом плане, которые резко контрастируют с серебристым, будто покрытым инеем силуэтом собора на втором. Причём, пространственные планы не «перетекают» один в другой, как на выстроенной линейной перспективе гравюр к «Одиссее»,

*Смольный монастырь. Заставка
к V главе повести А.С.Пушкина
«Пиковая дама».
1966. Цветная ксилография.*

а как бы накладываются друг на друга, подобно театральным кулисам. Случайно ли возникают тут ассоциации с театром? «Пиковая дама» неизбежно вызывает в памяти оперу П.И. Чайковского, и эти реминисценции неизбежно сказываются на восприятии. Подобный эффект вполне мог быть обыгран художником. Особенно заметна театральность композиции в гравюре «Германн на мосту». Самый дальний план получен оттиском голубоватой доски, средний — это собственный цвет белого листа бумаги, ещё ближе к зрителю проложен зеленовато-жёлтый тон, и, наконец, на первом плане возникает чёткий чёрный силуэт человеческой фигуры — не напоминает ли это сцену со стоящим в ярких огнях ramпы артистом и искусственной глубиной теряющихся в голубой дымке кулис?

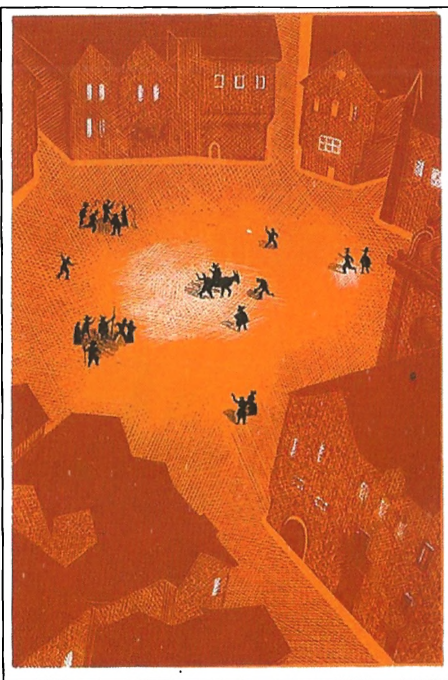
Нельзя упускать из вида, что в созданных в 60-е годы работах неизбежно возникали черты господствовавшего тогда «сурового стиля» с его стремлением к монументализму, пло-

Иллюстрации к «Назидательным новеллам» М. Сервантеса.
1934. Цветная ксилография.

скостности, фризности композиций, разворачивающих действие на первом плане; с его любовью к обобщённости, локальному цветовому пятну, выразительному силуэту, нерасчленённому объёму. Епифанов не был истинным «суровистом», но определённые особенности, свойственные художественному видению «шестидесятников», не обошли его стороной. Приближение главного действующего лица к первому плану, желание дать обобщённый плоскостный силуэт, моделировка большими плоскостями, исключая мелкие детали — новые художественные приёмы 60-х годов заметны в гравюрах к «Пиковой даме», особенно если сравнить их с иллюстрациями к «Одиссее».

Художник движется во времени, эволюционируя в своём миропонимании и мироотражении одновременно с нормами общего стиля, но реализует их требования по-своему, в этом качестве и проявляется его уникальность, его почерк.

Г.Д. Епифанов как художник книги и гравёр имел своё лицо, которое предстаёт перед читателем-зрителем в созданных им образах, иллюстрациях, отражающих особенности его видения мира, своего понимания литературного текста и, конечно, в своеобразии изобразительно-выразительных средств и приёмов. Епифанов-гравёр, как и всё в мире, менялся, однако особенностью его является то, что найденный приём уже не покидал его листов, а использовался и далее, иногда приобретая демонстративный характер. Одним из таких изобразительных средств, причём в дальнейшем «профилирующим», стала впервые применённая художником ещё в студенческой «Композиции на заданную тему» (1928 год) встречно пересекающаяся штриховка. Окно какого-то промышленного сооружения вместо рамы зарешечено ромбической сеткой белых штрихов. В течение последующих почти сорока лет подобная обработка поверхности с разной степенью интенсивности ста-

Иллюстрация к «Назидательным новеллам» М. Сервантеса. 1934. Цветная ксилография.

новиться преобладающей. Такая геометризованная штриховка, нанесённая резцом, напоминает крупный типографский растр, при помощи которого тональные отношения рисунка при его репродукции переводятся в штриховые. «Оптическая вспышка», возникающая в глазу рассматривающего, не различающего мелкую разграфлённость изображения, убеждает смотрящего в том, что этот микроштриховой рисунок является тоновым. Художник, используя этот приём, вырабатывает свой способ трактовки формы. Своеобразный «эпифановский растр» используется как для проработки поверхности гравюры (изображение графини в молодости), так и для разработки пространства (иллюстрация «Германн у графини»). Портретное изображение графини проступает через мелкую равнодушно проложенную

сетку штрихов. Входящий Германн вообще дан плотным плоским силуэтом.

В упомянутой композиции 1928 года Эпифанов откосы набережной обрабатывает точечным штрихом, который выразительно контрастирует с линейным решением квадров камня, передавая материал. Здесь также был отход от приёмов классической ксилографии, что для 20-х годов вполне закономерно. Почти за сорок лет художник развил этот приём и превратил его в один из основных в цветных фоновых подложках гравюр к «Пиковой даме». Этот широко используемый способ трансформируется в «графический пуантилизм», передающий пространство, где сама пунктирность поля образует до-

полнительный цвет, обогащающий колористическую характеристику иллюстрации.

Сопоставляя ранние работы и гравюры 60–70-х годов, — времени расцвета таланта и мастерства художника, — интересно проследить его эволюцию как ксилографа. В частности, мы находим найденную ещё на заре творчества характерную «сетку», которая прографила изображение («Германн у графини») очень правильно и механистически, ослабляя тональность пятна. В изображении графини также тщательно проработана поверхность гравюры. Такая декоративная обработка закрепляет именно плоскостность изображения, но, будучи распространённой и на трактовку фона, вызывает противоречие с утверждением пространственности, которую хотел подчеркнуть художник. Получилось не «дальше» и «ближе», но «ниже» и «выше», тогда как Германн должен был выступить и приближаться из мрака, из темноты.

Для гравюры «Германн на мосту» художником выполнено несколько эскизов, которые решены в «пейзажном», живописном ключе. Силуэт Германна чёрным нерасчленённым пятном, безусловно, принадлежит плоскости, но не утверждает плоскостности всей гравюры, так как за перилами мостика петербургский зимний пейзаж «прорывает» страницу и уводит зрителя вдаль по каналу, между зданий.

Иллюстрации к повести, за немногим исключением, исполнены в нормах тоновой ксилографии. Это своеобразная живопись средствами гравюры на дереве. Эскизы иллюстра-

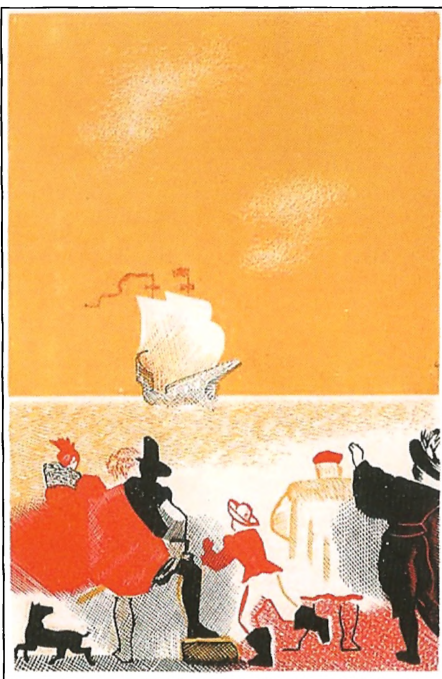
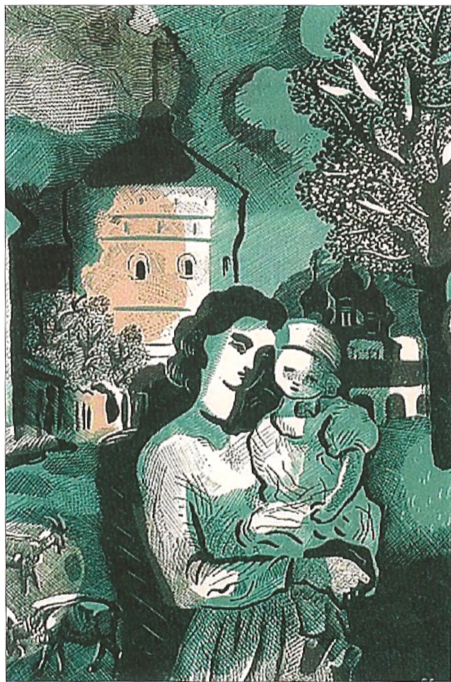

Иллюстрация к «Назидательным новеллам» М. Сервантеса. 1934. Цветная ксилография.

*Мать с ребенком. Из серии
«Ростов Великий».
1945. Цветная ксилография.*

ций решены средствами живописи, для перевода пятна в гравюру художник вынужден был обратиться к приёмам ослабления тона, создания его градаций, переходов для усиления глубинности листа, пространственности планов, получения дополнительных оттенков цвета, вызываемых расстоянием. Для этого он применяет столь не свойственный для гравюры на дереве «пунктир», который выступает на больших плоскостях неким «графическим пуантилизмом». Той же цели служит и сетка штрихов.

В большинстве случаев художник, применяя цвет, идёт к пространственному решению сюжета. И как бы ни насыщалось изображение сетчатыми фонами, по сути, создавалась тоновая иллюстрация. Проработка пятна сеткой штрихов создаёт известную мягкость и выделяет планы.

Здесь же мы видим сетку белых линий, не столько моделирующих объём, сколько разбивающих изображение на «кулисные» планы, с одной стороны, и фактурно обрабатывающую поверхность — с другой.

В связи с этим снова должен быть поставлен вопрос: иллюстрации к «Пиковой даме» плоскостны или объёмны, «гравюрны» они или пространственно-«живописны»? Стилистика иллюстраций, выполненных Епифановым, двойственна: акцентирование декоративной обработки поверхностей (и поверхности листа) указывает на их плоскостность (пример с изображением графини в молодости), тогда как пейзажные сюжеты, тем более с силуэтом на первом плане, более про-

странственны. А сетчатая поверхность, образованная пересекающимися штрихами, усиливает эту пространственность, так как организует градации тоналностей, своеобразный вальс, деля изображение на планы.

Говоря о Епифанове-книжнике, необходимо напомнить, что он выполнил множество чисто шрифтовых работ: суперобложки, переплёты, титулы и т.д. Может быть, потому и удержались на высоте ленинградские конструкторы книги, что примеры из творческой практики этого художника показывали принципы отношения к шрифту в книге как важнейшему элементу её целостности. Для многих ленинградских графиков-книжников (не только гравёров) шрифты Епифанова, его шрифтовые композиции определили направление поисков, а для некоторых и сегодня остаются недостижимым идеалом. В лучших работах оформителей, несомненно, присутствуют открытия Епифанова-шрифтовика.

Работая над шрифтовым решением книги, всего набора и акциденций, художник умел передать не только стиль, время, но, организуя всю архитектуру книги, создавал широкое ассоциативное поле для восприятия читателем литературного произведения, а изящество соразмерности буквенного ряда и книжного листа доставляло эстетическое наслаждение тонкому вкусу зрителя. Когда в композицию шрифтового решения обложки вводились декоративные элементы, растительные мотивы, стилизованные в духе времени и народной орнаментики, национального колорита, они органично соотносились с общим буквенным строем. Большая роль отводилась цвету, которым выделялись буквицы, широко применялись цветные подложки-заливки, служившие тоном для «выворотного» шрифта. Например, суперобложка к «Одиссее» Гомера терракотового тона, лаконичная и ясная, даже монументальная, вызывает ассоциации с древним античным искусством керамики, росписью краснофигурных ваз и сразу определяет время и место действия этой поэмы.

Если на обложках размещались фигуративные композиции, они не подавляли шрифтовой оставляющей, — название

книги легко читалось. Всё, расположенное на переплёте, суперобложке, титуле, шмуцтитулах издания использовалось художником для того, чтобы подчеркнуть, выделить, усилить и поддержать ассоциативный создаваемый фон, который готовил читателя к восприятию текста, иллюстративного решения. Вся акциденция издания как бы начинала внутреннее движение основной темы и продолжала его в пространстве книги.

Г.Д. Епифанов не оставил «школы» в точном понимании этого слова, однако творчество такого крупного мастера ксилографии не прошло без влияния на его художественное окружение, на соратников по ленинградскому союзу, и быть может, косвенно сказалось на работах отдельных гравёров. Кроме того, через его мастерскую прошло огромное количество студентов. Долгие годы Г.Д. Епифанов преподавал в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

Ленинградская ксилография — явление неоднородное, но одна из его вершин — это творчество Г.Д. Епифанова. Художник отстаивал целостный системный подход в оформлении книги, в работе над иллюстрациями исходил из глубокого изучения текста, неустанно искал новые изобразительные средства для выразительного воплощения в цветной и чёрно-белой гравюре на дереве художественных образов. Его деятельность поучительна для художников, связанных с книжной графикой, особенно в наше сложное для искусства книги время. Творчество Г.Д. Епифанова, несомненно, является частью русского Большого Искусства.

Книга и Жизнь

ПРОПАВШАЯ КНИГА М. Н. МУРАВЬЕВА

СТРОГАНОВ М. В. (МОСКВА)

Известный в своё время писатель и педагог рубежа XVIII—XIX вв. Михаил Никитич Муравьев (1757–1807) практически не знаком современному читателю. Между тем, В.Н. Топоров считал его ключевой фигурой всей русской литературы и предлагал выделять в истории русской литературы периоды до и после Муравьева. Литературное наследство его было обширным, и далеко не всё он издал сам при жизни. Некоторые его произведения были изданы после его смерти вполне исправно. Но с некоторыми выходила отчаянная путаница, которую не удалось до сих пор распутать до конца. Об одной такой путанице мы и расскажем в этих заметках.

Знаменитая во многих отношениях А.П. Керн вспоминала о своём деду И.П. Вульфe, владельце усадьбы в селе Берново: «Жена дедушки Ивана Петровича Анна Федоровна была урожденная Муравьева, близкая родственница известного Михаила Никитича Муравьева, воспитателя и друга Александра I. Я помню двух сыновей его, Никиту и Александра, приезжавших к нам из Москвы в Берново».¹ Как свидетельствуют опубликованные письма М.Н. Муравьева, в 1770–1780-х гг. он часто бывал в Твери и Бернове,² что отразилось в стихотворении «С брегов величественной Воли...» (1776). В этих же краях Муравьев написал восемь од, посвящённых Н.А. Львову и членам его кружка — И.И. Хемницеру, И.Л. Дмитревскому, Г.Р. Державину (1776), ряд стихотворных надписей к Феофану Прокоповичу, А.Д. Кантемиру, Н.Н. Поповскому, А.П. Лосенкову, Е.П. Чemezову (1777), сделал очень много переводов из Гомера и Вергилия, хотя только некоторые из них помечены Тверью³. А в конце же 1780-х — начале 1790-х гг. он создал три прозаических произведения, связанных своим содержанием с

Тверской губернией. Это повести «Эмилиевы письма» и «Обитатель предместия», в которых мы встречаем ряд сквозных героев⁴, и дидактические опыты в описательной и диалогической форме под названием «Тетрадь для сочинений», которая открывается пометкой: «Начато в Никольском. 10 июня»⁵. Упоминаемое во всех этих произведениях имение графа Благотворова Никольское — это повоторжское имение Н.А. Львова Никольское-Черепчицы. Муравьев был, как известно, членом львовского кружка, сыгравшего столь большую роль в истории русской культуры. Но нас в данном случае интересует другое имение, которое также упоминается в «Эмилиевых письмах» и «Обитателе предместия» — это Берново.

Повесть «Обитатель предместия» была напечатана в 1790 г.⁶ и переиздана Н.М. Карамзиным в 1810-м.⁷ К.Н. Батюшков нашёл в архиве покойного Муравьева «Эмилиевы письма» и «Тетрадь для сочинений» и издал их вместе с «Обитателем предместия» одной книгой (1815)⁸. Вскоре К.Н. Батюшков и В.А. Жуковский переиздали их в трёхтомном собрании сочинений Муравьева (1819–1820)⁹. Однако, как установила Л. Росси, Батюшков составил «Эмилиевы письма» из двух книг Муравьева: собственно «Эмилиевы письма» и «Берновские письма»¹⁰. Ошибка Батюшкова объясняется легко: письма в обеих повестях датированы летними месяцами, поэтому, обнаружив две начки писем, в датах которых проставлены летние месяцы, Батюшков подумал, что они перепутаны, и расположил их в хронологическом порядке. Так повесть «Берновские письма» исчезла из русской литературы, а повесть «Эмилиевы письма» увеличилась более чем в два раза.

Итак, попытаемся развязать тот узел, который так замечательно завязал Батюшков. Письма от 18, 23 и 24 мая написаны из Никольского. Письмо от 29 мая помечено Берновым, причем сказано, что автор прибыл сюда «по окончании путешествия, малотрудного и приятного». К нему по дате примыкает письмо от 30 мая из лагеря при урочище Красный Бор, однако главным героем этого письма является офицер Осанов, один из персонажей писем из Никольского. Никольским же помечено и письмо

от 6 июня. Далее следуют письма из Бернова от 8, 17, 26 июня и 14 июля. Письмо от 20 июля написано из деревни Малинники. По содержанию письма из Малинников близки к Никольскому: «Теперь мы приближаемся опять к Никольскому, от которого Малинники не далее десяти верст расстояния». С другой стороны, о Малинниках сказано, что деревня названа так «от того, что здесь много малины и отменно вкусной». Отголосок этой этимологии мы находим в известном двустишии Пушкина «Хоть малиной

М. Н. Муравьев. Портрет работы Жана Лорана Мотье (1803)

не корми, да в Малинники возьми» (письмо А.Н. Вульф к Е.Н. Вревской от 12 октября 1847 г. из Малинников)¹¹. Письмо от 31 июля написано из Никольского, а на следующий день, от 1 августа — из Бернова. Далее мы видим четыре письма, которое помечены вперемежку: от 9 и 18 августа — Берново, а от 13 и 19 августа — Никольское. Такое же немотивированное столкновение дат мы видели и раньше: 29 мая — только приехал из pedalного путешествия (из Никольского?) в Берново, и 30 мая — персонаж писем из Никольского; ср. также письма от 31 июля и 1 августа. Все следующие письма: от 27 августа, 5 и 14 сентября, 2, 11 и 20 октября — написаны из Бернова. И только последнее письмо (без даты, после 20 октября) написано из Никольского. Таким образом, из Никольского и примыкающих к нему мест написано 9 писем, а из Бернова — 14.

Существенное отличие писем из Никольского в том, что они более или менее сюжетны, а письма из Бернова не только бессюжетны, но в них не упоминается ни одно личное имя, которое позволило бы идентифицировать персонажей. Вместе с тем, письма из Бернова содержат краткий курс развития европейской (в тогдашнем понимании мировой) литературы, и это объединяет их. Кроме того, в их датировке наблюдается некоторая закономерность. Временной промежуток между большей частью их составляет либо девять, либо восемнадцать дней — число, кратное девяти. Между 11-ю письмами интервал составляет строго 9 дней: 8 и 17 июня, 17 и 26 июня, 9 и 18 августа, 18 и 27 августа, 27 августа и 5 сентября, 5 и 14 сентября, 2 и 11 октября, 11 и 20 октября. И еще 5 писем, интервал между которыми составляет 18 дней: 26 июня и 14 июля, 14 июля и 1 августа, 14 сентября и 2 октября. Впрочем, дважды Муравьев ошибается в счете дней; это происходит на стыке месяцев, и между письмами получается не 9, а 8 или 10 дней: 29 мая и 8 июня (10 дней), 1 и 9 августа (8 дней). Причём, это именно ошибка, так как в письме от 8 июня герой Муравьева пишет: «Прошедшие восемь дней проводил я не столько в Бернове, как под священными стенами Илиона». Между тем, на самом деле после предыдущего письма от 29 мая прошло не 8, а 9 дней, поэтому письмо пишется на 10-й день.

Такой закономерности в последовательности написания писем из Никольского и окрестностей выявить не удастся. Письма от 18, 23 и 24 мая написаны из Никольского, от 30 мая — из лагеря при урочище Красный Бор (главный герой письма офицер Осанов — один из персонажей писем из Никольского). Письмо от 6 июня — из Никольского, от 20 июля — из деревни Малинники (по содержанию письма, Малинники находятся близко от Никольского). Письма от 31 июля, 13 и 19 августа и последнее письмо (без даты, после 20 октября) — из Никольского.

А для записей в дневниковой повести «Обитатель предместия» подобную закономерность легко обнаружить (и исследователи уже давно заметили ее). Даты записей: 2, 9 и 23 ав-

густа, 13, 27 сентября, 4, 11, 18 и 25 октября, 1 ноября. Комментаторы говорят, что записи относятся к каждой пятнице, но на самом деле между записями проходит то одна, то две, а то и три недели. Повесть «Обитатель предместия» была написана, как известно, для занятий Муравьева с августейшими учениками (великими князьями Александром и Константином Павловичами) русской словесностью, русской историей и нравственной философией. Из этого следует, что и сами занятия проходили именно в данные дни, пропуски же в занятиях следует объяснять болезнью или какой-то занятостью учеников или учителя. То есть по пятницам Муравьев вёл определенные занятия со своими учениками.

Интервал в 9 дней в «Берновских письмах» объяснить в этой же логике невозможно. Дело в том, что почтовые дни соблюдались с той или иной периодичностью по определённым дням недели. Поэтому объяснение этой датировки писем мы вынуждены пока оставить открытым, хотя решение его, несомненно, могло бы многое прояснить в содержании произведения.

Важнейшей особенностью «Берновских писем» является то, что ни один из их персонажей не назван по имени: ни автор писем, ни его адресат, ни владелец Бернова, ни его домочадцы. Это существенно затрудняет атрибуцию лиц и событий. Имя владельца Бернова мы узнаем только из повести «Обитатель предместия». «Обитатель» пишет: «Я получил следующее письмо из Бернова от Иринеева, который поехал туда нынешнее лето пользоваться приятностями деревенской жизни». Фамилия Иринеев восходит к древнегреческому имени *Εἰρηνάιος* — ‘мирный’; следовательно, Иринеев — любитель мирной жизни вдали от сует города. Вот это письмо:

«Берново, октября 8-го

Теперь ты не имеешь никакой отговорки. Ты был в Никольском. Надобно приехать в Берново. Ты знаешь, что здесь живут самые снисходительные люди. Но спроси сам у себя по совести, можно ли удовольствоваться твоими извинениями? Я люблю спокойствие и глубокое уединение моего предместия.

М. Н. Муравьев. Неизвестный художник (1810-е годы)

Как оставить книги мои, упражнения, привычки? Надобно вооружиться мужеством. Мы так положили в думе своей; этого переменить невозможно. Ты должен с нами провести зиму: ездить на порошу или оставаться дома и рыться в библиотеке. Мы воли не снимаем: музы у нас не в изгнании». ¹²

Впрочем, полностью идентифицировать автора писем и «обитателя предместия» мы не можем вследствие того, что в письме от 2 октября автор писем из Бернова замечает: «Но это напоминает мне спокойную хижину

мою, в которой наслаждался я сам собою и которую ты прежде меня увидишь, её — и друга нашего, счастливого обитателя предместия». То есть получается, что автор писем — одно лицо, а «обитатель предместия» — другое.

Рассмотрим теперь описания Бернова, которые дал автор писем: «Местоположения прекрасны. У нас сад, зверинец, рощи»; «Сколь далеко простирается зрение — повсюду холмы, долины покрыты желтой жатвою, которая иногда спокойна, недвижима, иногда, повинувся дыханию ветра, волнуется, как пространное золотое море» ¹³. Прервём здесь цитату, ибо сразу же хочется напомнить фрагменты из стихотворения «Итак, опять убежище готово...», написанное в сентябре 1780 г., в котором Муравьев также описывает Берново:

Ты любишь сень безмолвную Бернова,
И древний дом, и плодородный сад,
И этот холм, что роши глыбы сосновой,
И мельницы шумящий водопад.
Смиренна Тьма, какой своей прослугой
Название ты сие приобрела?
Вияся сей прекрасною округой,
Ты льешь струи прозрачнее стекла.
<.....>
Но мы пойдем в убежище зверинца,
Где паш чудак, как ловый Сведенборг,
Внимаючи внушениям мизинца,
Нечаянный почувствовал восторг
И наяву увидел пред собою
Трех нежных нимф в одежде так, как снег,
Воздушною спустившихся тропею,
Он видел их по травке легкий бег.
Конечно, то живущи здесь дриады
Иль феи здесь свой держат хоровод.
Летайте вокруг, мечтания, отрады,
В охране дров, у падающих вод.
<.....>
Но, раза два прошедши по аллее,¹³
Не ждет ли нас обремененный стол,
Во светлой сей большой оранжерее
Оставленный гостям на произвол?
Здесь персики румянятся пушисты,
И розы здесь теряют позже цвет,
Там птички вокруг порхают голосисты,
У коих все, одной свободы нет.¹⁴

Стихотворение это может служить хорошим путеводителем по усадьбе Бернова: укажу, в частности, что аллеи регулярного парка перед домом уводили к плодовым садам, среди которых находилась и оранжерея.

Автор «Берновских писем» живёт в Бернове во флигеле.

При доме в то время было два флигеля, о которых пишет в своих воспоминаниях А.П. Керн¹⁵, но оба они не сохранились к настоящему времени. Флигель автора располагался, очевидно, со стороны английского парка, в котором и находился собственно зверинец (по преданиям, сохранившимся в Бернове, здесь в искусственных гротах и на цепях при деревьях содержались дикие звери). «Горница моя в зверинце. Маленькая библиотека моя расположена на трех полочках, прибитых над письменным моим столиком. Горшки цветов, которые я сам поливаю, затемняют мои окна. Некоторое великолепие украшает мою хижину. Маленькие бюсты Жан-Жака Руссо и Соломона Геснера, которые я выпросил у хозяина, означают убежище их попечителя и любителя природы»¹⁶. Разумеется, это описание очень краткое, тем не менее оно хотя бы в малой степени восполняет наши знания об усадебной жизни в Бернове.

Герой Муравьева читает и дома, и на лоне природы (Н.Д. Кочеткова, говоря о «чтении в жизни «чувствительного» героя», недооценила эту черту героя Муравьева, едва ли не самого читающего героя в русском сентиментализме¹⁷), он любит полями и дубровами, рассуждает и — подобно самому Муравьеву — воспитывает молодых людей: «Между тем как хозяин занимает гостей своих какою-нибудь общественною игрою, два старшие сына и я составляем особый комитет и раздробляем красоты Корнеля и Расина. Напрасно стараюсь я следовать восхищению молодых людей: я не нахожу в себе более сей возвышенной чувствительности, с которою, двадцать лет назад, на берегах Северной Двины читал в первый раз сих великих трагиков»¹⁸.

Этот пассаж включён в большую литературную полемику¹⁹. Но для нас важнее то, что он позволяет аргументировать датировку «Берновских писем» тем же 1790 г., что и «Обитатель предместия». Отец Михаила Никитича — Никита Артамонович Муравьев — был командирован на берега Северной Двины в Архангельск именно двадцать лет назад, в 1770 г., куда вместе с ним отправился и будущий писатель²⁰. Упоминаемые же здесь «два старшие сына» Иринеева — это два старшие сына

Ивана Петровича Вульфа: Петр и Николай, соответственно 1768 и 1771 годов рождения. Когда Муравьев писал «Берновские письма», они уже переросли время ученичества, но, по свидетельству Алексея Николаевича Вульфа, его отец и дядя Петр Иванович «воспитывались <...> у Михаила Никитича Муравьева»²¹. Более того, автор «Берновских писем» разбирает с детьми Иринеева красоты Расина. Н.И. Вульф (по воспоминаниям его сына), «знакомый в лучшем кругу тогдашнего общества обеих столиц, он имел и образование, общее нашему высокому дворянству того времени, то есть он знал французский язык, следственно, всё, что на нем хорошего было написано. Я сам помню его декламирующим трагедии Расина»²². А когда на рубеже 1780–1790-х гг. Муравьев учил других «двух старших сыновей» — великих князей Александра и Константина Павловичей, — Петр Вульф состоял камер-юнкером при их императорских высочествах²³ (очевидно, по протекции Муравьева), чем очень гордился и почему достаточно заносчиво обращался со своей родней²⁴.

Сельские увеселения сменяются в Бернове другими забавами: «В ближайшем от нас городе составилось маленькое общество любителей, которые забавляются представлением комедии. Сегодня — мы не знаем, не ведаем, — видим двор наш, наполняющийся незнакомыми приезжими. Большая горница, которая окнами в сад становится театром. Простенькие кулисы легким оборотом представляют попеременно улицу и внутренность покоев».²⁵ Как следует полагать, «ближайший от нас город» — это не Старица, уездный город для Бернова, а Торжок, поскольку он находится между Берновым и Никольским (расстояние от Бернова до обоих этих городов почти что одинаковое). А «большая горница, которая окнами в сад» — это, очевидно, зала второго этажа, в которую вела двухмаршевая лестница.

Таковы все детали из «Берновских писем», которые можно соотнести с реальной жизнью Бернова. Как видим, это очень немного. Но автор на самом деле был более занят книгами, чем реальной жизнью. И история мировой литературы

издание сочинений Муравьева 1819–1820 гг.).²⁸ Но Пушкин был мало знаком со стихами Муравьева, а сентиментально-дидактическая проза его не могла понравиться ему. И.И. Дмитриев сочинил в 1807 г. стихотворную подпись к портрету М.Н. Муравьева:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велит труды его читать²⁹.

И Батюшков взял этот дистих в качестве эпиграфа к изданию 1815 г. Но тот же Дмитриев вполне справедливо (со своих позиций) сказал о «Руслане и Людмиле» прямо противоположное: «Мать запретит читать это своей дочери»³⁰. Пушкин постоянно боролся против сочетания «приятного и полезного»³¹, которое было свойственно дидактической литературе. Поэтому он не мог принять установку Муравьева на «чтение полезное или приятное: повести прошедших веков или трогательные истины правоучителей»³².

Неудивительно поэтому, что Пушкин лишь дважды процитировал стихи Муравьева в своих произведениях, и то только из одного стихотворения — «Богине Невы». В первой главе «Евгения Онегина» в XLVIII строфе Пушкин писал:

С душою, полной сожалений,
И оперится на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя Пиит.

К этим стихам Пушкин сделал примечание:

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженно пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершись на гранит.

(*Муравьев. Богине Невы*) (VI, 192).

Это не совсем точная цитата, так как у Муравьева сказано: «Зрит восторженный пиит»³⁴. Стихотворение 1794 г. «Богине Невы» Пушкин очень хорошо помнил наизусть, так как в восьмой главе «Евгения Онегина» он пишет про Татьяну:

...неприступная богиня
Роскошной, царственной Невы (VI, 177).

Это уже второе, но скрытое воспоминание о Муравьеве и его стихотворении³⁵.

Ещё одно прямое упоминание Муравьева мы находим у Пушкина в замечаниях на полях «Опытов в стихах и прозе» К.Н. Батюшкова около строк стихотворения «Ложный страх». У Батюшкова сказано:

Гименей за все ручался,
И Амуры на часах.

И Пушкин делает пометку: «Стих Муравьева» (XII. 277). И это действительно стих из того же самого стихотворения «Богине Невы», где сказано:

Я люблю твои кунальни,
Где на Хлоиных красках
Одеянье скромной спальни
И Амуры на часах³⁶.

Кроме того, считается, что в своей поэме «Руслан и Людмила» Пушкин использовал образы повести Муравьева «Оскольд»³⁷. Но всё это только частные и достаточно глухие заимствования и параллели.

И, наверное, никакой другой связи между Муравьевым и Пушкиным и не было бы, и мы могли бы поставить на этом месте точку, если бы Пушкин в 1828 г. не приехал в берновские вотчины Вульфов.

А там всё помнило Муравьева. Если молодые Алексей Вульф и его двоюродная сестра Анна Керн вспоминали его, то что же говорить о поколении их родителей? Отражённым светом М.Н. Муравьева сияли Берново, Малинники, Соколово, владелец которого Пётр Иванович Вульф был учеником знаменитого родственника³⁸. Вспоминая своё камер-юнкерство, он едва ли забывал упомянуть при этом и Михаила Никитича. Стихи, которые мы уже приводили, должны были быть известны в Бернове: для берновских жителей они, собственно, и писались. Здесь всё помнило Муравьева. Конечно, Пушкин услышал рассказы о нём, конечно, он что-то припомнил из «Эмилиевых писем», что-то перечитал: может быть, тут же, в Старицком уезде, может быть, уже покинув его. Но перечитал.

Старицкая осень 1829 г. — верное тому свидетельство.

Ясно, конечно, что живая жизнь богаче любого литературного текста. Но есть некоторые сочетания слов, которые трудно объяснить одним следованием за живой жизнью. В книге «Эмилиевы письма» владелец Бернова Иринеев настойчиво зовёт к себе в гости «обитателя предместия»: «Мы так положили в думе своей; этого переменить невозможно. Ты должен с нами пронести зиму, ездить на порошу, или оставаться дома и рыться в библиотеке»³⁹. А теперь прочитаем, что сообщает своему другу герой пушкинского «<Романа в письмах>», который был написан в Павловском в 1829 г.: «Что касается до меня, я совершенно предался патриаршеской жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешними помещиками, играю с старухами в бостон по копейке и сержусь, когда проигрываю» (VIII, 55). Сначала было ещё ближе к Муравьеву: «...езжу на порошу, читаю» (VIII, 577). Впрочем, это «муравьевское» влияние сохранилось и в другом тексте, написанном также в ноябре 1829 г.:

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша... (III, 181).

Охота по пороше могла возникнуть у Пушкина и сама по себе, без влияния Муравьева. Чтение книг могло возникнуть также без его влияния, «из жизни». Но альтернативу «пороша» / «книги» подсказал, конечно, Муравьев.

Вообще сама жанровая форма романа в письмах была также подсказана Муравьевым. Если уже об этих местах был написан один роман в письмах, то самая статья написать о них же ещё один, тем более что старый роман не устраивает. Пушкинская героиня говорит: «Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 г. роман, писанный <в> 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной

входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые креслы, видим около себя странные платья, однако ж, знакомые лица, и узнаём в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими. Большею частью эти романы не имеют другого достоинства. Происшествие занимательно, положение хорошо запутано, но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить бессмыслицы, дополнить недомолвки, — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман» (VIII, 49–50). Пушкин не случайно называет здесь 1775 г.: очевидно, от обитателей Берново он узнал, что в середине 1770-х гг. Муравьев провёл долгое время в Твери, наезжая и в Берново. Годичный отпуск, который Муравьев провёл в Твери, относится к 1776–1777 гг.⁴⁰

Пушкин внял совету своей героини. В частности, он использовал муравьевский мотив «соблазна» деревенского жителя городом, весьма обычный, впрочем, в сентиментальной литературе. Эмилий пишет: «Какие хитрости! Описывая пышные увеселения столицы вашей и, конечно, увеличивая их, ты хочешь повредить сравнением моему милому Бернову. Пользуясь слабостию моею (зачем скрывать ее?), ты сообщашь мне подробную записку ваших театральных зрелищ»⁴¹. Так же и Саша, «соблазняя» Лизу описаниями петербургских балов и любви Владимира, хочет вернуть её в Петербург. Но, как и Эмилий у Муравьева, пушкинская Лиза непреклонна: «Нет, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню...» (VIII, 49).

Итак, одна из основных тем пушкинского «Романа в письмах» — это сличение века минувшего и века нынешнего, сличение разных мгновений быстротекущей жизни. «Глядя на управление мелкопоместных дворян», герой «<Романа в письмах>» Владимир пишет своему другу: «Какая дикость! для них не прошли ещё времена Ф.<он> Визина. Между ними процветают ещё Простаковы и Скотинины!» (VIII, 53). Вообще, мужчины в романе постоянно рассуждают об изменчивости и о необходимости изменять внешние, политические формы жизни. Женщины же пишут о другом. «Ты не можешь вооб-

разить, как странно читать...» (цитату эту мы уже приводили). Лиза видит, что разница в одежде не отменяет сходства, а то и единства содержания внутренней жизни людей. «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек. Что есть общего между Ловеласом и Адольфом?» Лиза употребляет слово идеал в значении «мужчина, которого женщина любит, то есть идеализирует». И продолжим цитирование Лизиного письма: «Между тем роль женщин не изменяется. Кларисса за исключением церемонн<ых> приседаний, всё же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что [способы] нравиться в мужчине зависят моды, от минутного мнения <...> а в женщинах — они основаны на чувстве и природе, которые вечны» (VIII, 47–48). Неизменность коренной жизни людей (чувства и природы) при изменемости политических убеждений и моды — таков основной пафос «<Романа в письмах>». Именно так Пушкин решает вопрос о характере исторического прогресса⁴².

«Патриаршеская жизнь», которой предался Владимир, — это якорь в море житейских треволнений, осаждающих нас в Петербурге. Лиза, бежавшая от них из столицы, пишет: «Теперь я живу дома, я хозяйка — и ты не поверишь, как<ое> это мне истинное наслаждение» (VIII, 46); о пушкинском идеале Дома⁴³.

Идеал Дома воспевает и герой Муравьева, который писал: «...приехал я в Берново и наслаждаюсь всеми удовольствиями деревенской жизни».⁴⁴ И в другом месте — уже иначе, с переносом интереса с жизни внешней на жизнь внутреннюю: «Я доволен тем, что могу быть сам с собою. Никакое неприятное воспоминание не отравляет моего уединения. Чувствую сердце мое способным к добродетели. Оно бьётся с сладостною чувствительностию при едином помышлении о каком-нибудь деле благотворительности и великодушия. Имею благородную надежду, что, будучи поставлен меж добродетелью и несчастьем, выберу лучше смерть, нежели злодейство. И кто в свете счастливее смертного, который справедливым образом может чтить самого себя?

Какое удовольствие ожидало меня на пороге дома моего! Усердие домашних, которых каждое движение изъясляло радость о моем приезде; одно зрение покоев столь знакомых, где я так давно счастлив; книги, в которых учусь мыслить и чувствовать; рукописи, слабые опыты, в которых осмеливаюсь перелатать древних или предаюсь собственной мечтательности, — все вместе делало минуту возвращения моего восхитительною. И после того есть) еще люди, которые ищут благополучия в рассеяниях, в многолюдстве, далеко от домашних богов своих; бегают от веселий к весельям и из земли в другую, между тем как оно везде в своем отечестве и ожидает их дома!»⁴⁵

Внимательно читавшись в конец первого процитированного абзаца, мы понимаем, что слова «обитателя предместия» подсказали Пушкину ещё один текст. Он был написан, правда, уже не в Старицком уезде, а по возвращении из поместий Бульфов в Петербург 23–24 декабря 1829 г.⁴⁶ Это стихотворение «Ещё одной высокой, важной песни...», которое является, как известно, переводом «Гимна пенатам» из английского поэта Роберта Саути. Но финал этого стихотворения своими фразеологическими конструкциями восходит к тексту Муравьева:

Да, часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глуть <?>
В могуществах и немощах его,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не преставал молить влагоговейно
Вас, божества домашние (III, 193).

Почитание своего «at home», своих «божеств домашних» и самого себя — в своем доме своей крепости, благоволение к человеку — вот что должно было привлечь Пушкина в сочинениях Муравьева. Это и отразилось в пушкинских текстах 1829 г.

Так Пушкин оказался наследником Муравьева. Не его лёгкой поэзии, но его нравственной философии. А вот «Берновские письма» выпали из русской литературы. И влияние

на русскую литературу — через Пушкина и далее — оказали «Эмилиевы письма», хотя в том виде, как они представлены читателю, — это вовсе не произведение Муравьева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Керн А.П. (Маркова-Виноградская). Воспоминания о Пушкине / Составление, вступит. статья и примечания А.М. Гордина. М.: Советская Россия, 1987. С. 334. См. также с. 339–345, 360, 367.
2. Муравьев М.Н. Письма к отцу и сестре 1777–1778 годов // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. По указателю имен.
3. Муравьев М.Н. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1967. Библиотека поэта; Второе издание. С. 149, 249, 253.
4. Фоменко И.Ю. Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Русская литература. 1981. № 3. С. 117.
5. Сочинения М.Н. Муравьева: В 2 т. СПб.: Изд. А. Смирдина (сына), 1856. Т. 1. С. 164.
6. Периодические листы. 1790. Первая пятница августа — первая пятница ноября. Отсюда — и даты, стоящие в начале каждой части этого произведения.
7. Опыты истории, словесности и нравоучения: сочинения Михайла Никитича Муравьева, изданные по его кончине: в 2 ч. М.: В Университетской тип., 1810. Ч. 2.
8. Обитатель предместия и Эмилиевы письма. Сочинение М.Н. Муравьева. СПб.: Имп. Академия наук, 1815.
9. Полное собрание сочинений М.Н. Муравьева: В 3 т. СПб.: В тип. Российской Академии, 1819–1820.
10. Росси Л. «Маленькая трилогия» Михаила Муравьева // *Russica Romana*. 1994. Vol. 1; Росси Л. Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 114–146; Росси Л. В поисках неизвестного произведения Михаила Муравьева // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М.: МГУ, 1997.
11. Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг.: Имп. Академия Наук, 1915. Вып. XXI—XXII: Гофман М.Л. Дневник А.Н. Вульфа. 1828–1831 гг. С. 351.
12. Сочинения М.Н. Муравьева. Т. 1. С. 100.
13. Там же. С. 118, 135.
14. Муравьев М.Н. Стихотворения. С. 200, 201.
15. Керн А.П. (Маркова-Виноградская). Воспоминания о Пушкине. С. 363.
16. Сочинения М.Н. Муравьева. Т. 1. С. 118.
17. Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983.
18. Сочинения М.Н. Муравьева. Т. 1. С. 149.
19. См.: Кочеткова Н.Д. Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 17. СПб.: Наука, 1991.
20. Жинкин Н.М.Н. Муравьев // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1913. Т. XVIII. Кн. 1. С. 277. Фоменко И.Ю. Из прозаического наследия М.Н. Муравьева. С. 125.

21. Пушкин и его современники. Вып. XXI—XXII. С. 63.
22. Там же.
23. Там же. С. 255.
24. Пушкин и его современники. Вып. XXI—XXII. С. 63.
25. Сочинения М.Н. Муравьева. Т. I. С. 151.
26. Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 309.
27. Обитатель предместия и Эмилиевы письма. Сочинение М.Н. Муравьева. С. 1–2 нумер.
28. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. (Библиографическое описание). СПб.: Имп. Академия Наук, 1910. С. 65.
29. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений А.: Советский писатель, 1967. С. 135.
30. См. об этом: Строганов М.В. Читатели-современники о поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982. С. 87–88, 100.
31. См.: Строганов М.В. А.С. Пушкин // Эстетические отношения искусства и действительности: Словарь-справочник. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. С. 66.
32. Сочинения М.Н. Муравьева. Т. I. С. 74.
33. Пушкин. Полное собрание сочинений. [Л.]: Изд. АН СССР, 1937. Т. VI. С. 25.
34. Муравьев М.Н. Стихотворения. С. 236.
35. См. об этом: Борисова Н.А. Лирическая драма А.С. Пушкина о русалке (источники, творческая эволюция, поэтика): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Великий Новгород, 2005. С. 8. Баевский В. Из заметок о тексте «Евгения Онегина» // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 172–173; Rothe H. Nabokov, Pushkin and Murav'ev // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter: 1986. № 14. P. 38–39.
36. Борисова Н.А. Лирическая драма А.С. Пушкина о русалке (источники, творческая эволюция, поэтика). С. 235.
37. Кулакова Л. Поэзия М.Н. Муравьева // Муравьев М.Н. Стихотворения. С. 45.
38. Пушкин и его современники. Вып. XXI—XXII. С. 63.
39. Сочинения М.Н. Муравьева. Т. I. С. 100.
40. Письма русских писателей XVIII века. С. 356.
41. Сочинения М.Н. Муравьева. Т. I. С. 128.
42. См. об этом: Строганов М.В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. С. 41–42.
43. См.: Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1981. С. 176–178; Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1981. С. 136–139.
44. Сочинения М.Н. Муравьева. Т. I. С. 117.
45. Там же. С. 94.
46. Левкович Я.Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. XII. С. 276.

КНИГИ И ПАМЯТЬ

ТВЕРТИН А. А.
(Тосно Ленинградской обл.)

В лихие 1990-е годы агрессивно вымарывалось из истории, культуры и литературы, а проще говоря — из нашей памяти всё то, на чём основывалась преемственность поколений, бытие, а в итоге — суверенитет. И в дни текущие, спустя почти тридцать лет, приходится констатировать, что политическим и идеологическим нуворишам удалось многого добиться в вопросах дискриминации государственных устоев, морально-этических норм и принципов людей, населяющих обширные просторы нашего Отечества. Нас хотели сделать манкуртами, бессловесными и управляемыми, но не были учтены гене-

Г. И. Серебрякова. Фото 1936 г.

тические особенности нации, не поддающиеся ни благим увещаниям, ни идолу — золотому тельцу. Мы, как легендарная птица феникс, постепенно возрождаемся, казалось бы, из пепла, опираясь на свою историю, хотя и в ней не всё всегда было так гладко.

Современному молодому читателю сложно представить, что ещё в 1950-е годы о творчестве Сергея Александровича Есенина старались не упоминать. Есенин не был нужен пропаганде, его творчество не воспитывало молодёжь в духе ленинизма, к тому же он вёл «неприличный» богемный образ жизни, был женат на американской танцовщице Айседоре Дункан...

Мой старший брат не изучал в школе творчество Есенина, однако помнится, что незадолго до выпускного вечера он принёс домой аккуратный томик поэта, а затем читал его вечерами. Василий служил для меня примером, а потому, в его отсутствие, я тоже проявил интерес к этому сборнику. (См.: Есенин С. Словесных рек кипение и шорох: Стихи и поэмы. — Л.: Лениздат, 1965. — 862 с.).

Стихи понравились, ложились на душу:

Над окошком месяц. Под окошком ветер.

Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —

И такой родимый, и такой далёкий...

Почему тополь «серебрист»? В наших краях в Архангельской области иные тополя... Это потом, много лет спустя, когда побывал на родине поэта, убедился: есть такие тополя — серебристые. А чуть позже, в Москве, на Ваганьковском кладбище я стоял у могилы Есенина и благодарил за поэзию и радость, которую он доставил мне в далёкой юности.

Время шло. Восхищение творчеством поэта не покидало. Есенин представлялся фигурой романтической, возвышенной и красивой.

Однажды, перед уходом на срочную армейскую службу, я приобрёл книжечку, которую, кстати, сохраняю по сей день: Серебрякова Г.И. О других и о себе. — М., 1971. — 440 с.

Писательница рассказывает о своих встречах с М. Горьким, Д. Фурмановым, П. Васильевым, Б. Пастернаком, Э. Багрицким, Р. Ролланом, Б. Горбатовым, Я. Рудзутаком, Н.К. Крупской. Была в книге и небольшая глава, посвящённая Сергею Есенину.

— Поэт, пришедший к нам в квартиру в «Метрополе», тогда ещё 2-м Доме Советов, был совсем другой человек, крайне измождённый, с лицом испытанным, землистым, без возраста. Особенно тягостное впечатление производила на меня его тощая шея, которую он пытался прикрыть белым кашне.

Часам к девяти собралось у нас много гостей, и Есенин обратился ко мне сильным, сорванным голосом с просьбой прочесть его стихи.

«Я уже не могу», — хрипло добавил он.

Мне довелось познакомиться с великим поэтом, когда он, тяжело больной, мучительно терзался мыслями о смерти. Он нёс в себе трагедию...

Это было потрясением для меня: с заоблачных вершин поэт не спустился — рухнул на грешную землю.

Тягостное впечатление от возникновения иного образа поэта сохранялось довольно долго. В то же время заинтересовало творчество Галины Серебряковой. Её книги оказались доступными, а потому трилогию о К. Марксе прочитал быстро.

И тут пришло время, свойственное — или так представляется — только книжному миру.

Любезное приглашение в дом петербургского библиофила Игоря Кузьмича Григорьева и его удивительной по душевной теплоте жены Людмилы Ивановны, прозвучавшее много лет назад, было для меня приятным, тем более, предстояло познакомиться с материалами, имеющими непосредственное отношение к Г.И. Серебряковой.

Игорь Кузьмич всерьёз интересовался творчеством Галины Иосифовны, её судьбой, а по выходу писательницы из заключения, послал ей в подарок книгу, ставшую к тому времени большой редкостью*.¹

Галина Иосифовна была тронута таким вниманием, ответила, завязалась переписки.

Сегодня я вспоминаю слова Игоря Кузьмича, не без гордости сказанные когда-то, что он располагает десятью томами прижизненных изданий Галины Иосифовны, 6 из них — с дарственными надписями.

*. Галина Иосифовна Серебрякова родилась 7(20) декабря 1905 года в семье революционеров. В 14 лет Г. Серебрякова вступила в Коммунистическую партию, принимала участие в гражданской войне. Окончив Медицинский факультет ИГУ, занялась журналистикой. Печататься начала в 1925, а в 1930 году вышла книга, принесшая ей известность — «Женщины эпохи Французской революции». По заданиям «Комсомольской правды» Галина Серебрякова в 1927 году побывала в Китае, затем в 1927—1928 гг. — в Женеве и Париже. В 1930—1932 гг. вместе с мужем была в Англии. Для сбора материала к роману о Карле Марксе по особому разрешению ездила в Западную Европу. Член СП СССР с 1934 года. В 1936 году арестована вслед за мужем, в июне 1937 года выслана в Семипалатинск вместе с матерью и двухлетней дочерью, в декабре снова арестована и в 1939-м приговорена к 8 годам ИТЛ. В 1956 году реабилитирована и восстановлена в партии. Только спустя 20 лет, в 1957 году, Серебрякова вернулась к литературной деятельности.

Эти сокровища, смею заверить, я видел, а потому, для подтверждения сказанного, приведу некоторые примеры.

Первый роман о Карле Марксе — «Юность Маркса». Книга открывает известную трилогию «Прометей».²

На титульном листе:

Эту книгу я могла написать только будучи юной, как не получила бы в далекие 30-е годы у меня — Зрелость Маркса и его Закат.

Каждая пора жизни писателя сказывается на его творчестве.

Галина Серебрякова, I/XII 72.

Чуть позднее Г.И. Серебрякова заканчивает написание второй книги трилогии и называет её «Похищение огня» (в двух книгах).³

На шмуцтителе:

Игорю Кузьмичу Григорьеву.

«Посвящаю XX съезду КПСС»

Этот съезд — рубеж — вернул мне жизнь, дал второе рождение и надежды, без которых не пишутся книги. Слава ему! Галина Серебрякова. (Год не указан).⁴

На титульном листе:

Игорю Кузьмичу с пожеланием всего наилучшего. I/XII 72.

Галина Серебрякова.

Трилогия завершается романом «Вершины жизни». В последней книге воплощена в художественных образах жизнь К. Маркса и Ф. Энгельса.⁵

На шмуцтителе:

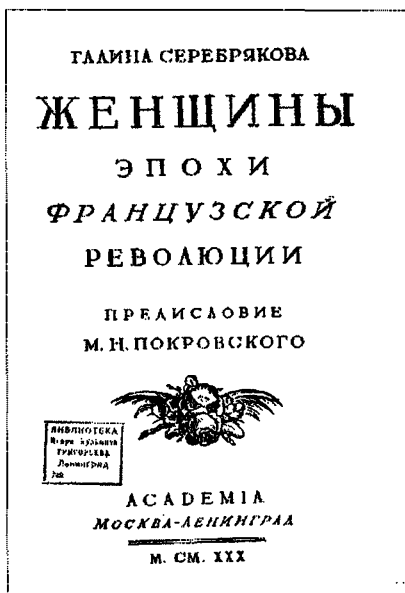
И. К. Григорьеву

«Я работаю для людей»

В этом заявлении Маркса — подведение всех итогов, суть жизни и творчества. Галина Серебрякова. I / XII 72.»

Здесь же несколько фотографий, которые Г.И. Серебрякова выслала Игорю Кузьмичу. Они бережно сохраняются. Почти все с автографами писательницы. На каждой фотографии рукой И.К. Григорьева дописана дата её получения.

В коллекции Григорьевых в полном благополучии пребывают письма и почтовые карточки, полученные от Серебряко-

вой в разные годы на имя Игоря Кузьмича.

Впереди у Галины Иосифовны Серебряковой были новые планы: роман об Испании 1938 года, подготовка к изданию собрания сочинений на Кубе, встречи с книголюбями. Но судьба распорядилась иначе.

Об этом раскладе судьбы я прочитал в интервью, которое также находится в коллекции И.К. Григорьева, а брал его у писательницы корреспондент Феликс Медведев в Переделкине, под Москвой.⁶

Интервью было опубликовано уже после ухода Галины Иосифовны, она скончалась 30 июня 1980 года.

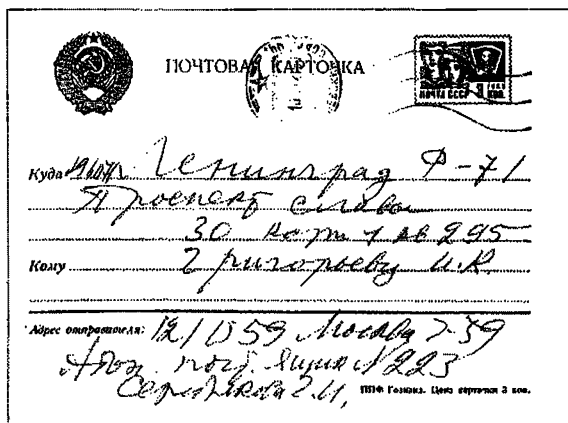
Из него и воспроизведём небольшой, но чрезвычайно интересный фрагмент:

— Правда ли, что у вас есть книга с автографом Бернарда Шоу?

— Да, эта книга, подаренная мне Шоу, сохранилась чудом. Она исчезла из моей библиотеки в середине тридцатых годов. Я очень жалела этот уникальный экземпляр гранок пьесы «Плохо, но правда», который Шоу специально для меня «одел»

Обложка и титульный лист книги Галины Серебряковой

Спасибо благодарю Вас
за внимание и доброе
отношение к моему творчеству.
Желаю успеха в работе.
С уважением к Вам
Галина Серебрякова
10/11/32.

Почтовые карточки от
Г.М.Серебряковой

в красную кожу с тиснё-
ным советским гербом.

Он вручил свой по-
дарок, когда я покидала
Англию, и в привычном
для него шутилом тоне
сделал надпись: «Гали-
не Серебряковой ввиду
её отъезда из несчастной
Англии. Увы! Бернад
Шоу. 1 окт. 1932 г.»

И вот лет восемь-де-
сять назад Константин
Симонов однажды мне
сказал, что эта книга на-
ходится у него. Как не-
сказанно я обрадовалась,
когда он вручил её мне!
Вручил торжественно
и в то же время с долей
грусти: «Жаль мне с ней
расставаться, не помню,
по какому случаю я при-
обрел эту книгу, но вот

решил, наконец, вернуть её истинному вла-
дельцу».

Есть в этом интервью и слова корре-
спондента, подводящие итог более чем полувековой творче-
ской работы Галины Серебряковой: «...Она ждала этого тома с
нетерпением. Последнего, шестого тома собрания сочинений.
Он особенно дорог писательнице, ибо произведения, собран-
ные в нём, были автобиографическими: воспоминания, новел-
лы, зарисовки, раздумья.

Получив первые экземпляры, Галина Иосифовна разда-
рила их своим друзьям. Она радовалась: ведь завершился ещё
один важный этап — выход собрания сочинений». Впрочем,

этого тома в коллекции Игоря Кузьмича не оказалось...

Вот, собственно, и всё. Человеческая жизнь коротка, окружающий мир в постоянном развитии, изменении, но... остаются книги и память.

Без этого нам никак нельзя.

1. Серебрякова Г. Женщины эпохи Французской революции / Предисл. М.Н. Покровского; Оформ. И.Ф. Рерберга.—М.—Л.: Academia, 1930.
2. Серебрякова Г.И. Прометей. Юность Маркса.—М., 1963.— 576 с.
3. Серебрякова Г.И. Прометей. Похищение огня.—М., 1963.— 464 с.
4. Серебрякова Г.И. Прометей. Похищение огня. Книга вторая.—М., 1963.— 424 с.
5. Серебрякова Г.И. Прометей. Вершины жизни.—М., 1963.— 486 с.
6. Высокая страсть: Последнее интервью Галины Серебряковой // Книжное обозрение.— 1980.— 15 авг.

ГЛЕБ КОРЕНЕЦКИЙ: «ВОТ УВИДИТЕ, МОИ КНИГИ СТАНУТ РАРИТЕТАМИ»

Чачуа М. М. (Тбилиси, Грузия)

*Какая странная штука – память.
Стоит окунуться в воспоминания, как
сразу понимаешь – время не ощущается.
Все события прошлого всплывают так,
будто происходили только вчера. Феномен
вневременного просмотра архива
памяти весьма полезен, когда планируешь
написать мемуары или хотя бы статью
о ком-то или о чем-то из своего давнего
прошлого.*

Как-то раз, перебирая полки с книгами, я наткнулась на стопку самых необычных книжечек из всех, имеющихся в моём доме. В своё время они не просто грели мне душу. Они оказались для меня своего рода стимулом к творческому росту. Это были книжечки, которые давным-давно, на рубеже прошлого и нынешнего веков, собственноручно, на печатной машинке отпечатывал и размножал посредством ксерокса один добрый и отзывчивый поэт, любитель поэзии и поэтов Глеб Борисович Коренецкий. Он издавал авторские сборники и маленькие альманахи, в которых публиковались русскоязычные поэты, неизменно раз в неделю, по четвергам посещавшие клуб, организованный Коренецким в 1995 году. И собирались поэты в его собственной квартире по адресу: г. Тбилиси, ул. Мачабели, 9. Эта улица находится в известном для литераторов, искусствоведов, историков, музыкантов и художников районе Сололаки. На этой же тбилисской улице расположен и Дом писателей, где часто проводились и проводятся презентации, в том числе и русскоязычных литераторов Грузии.

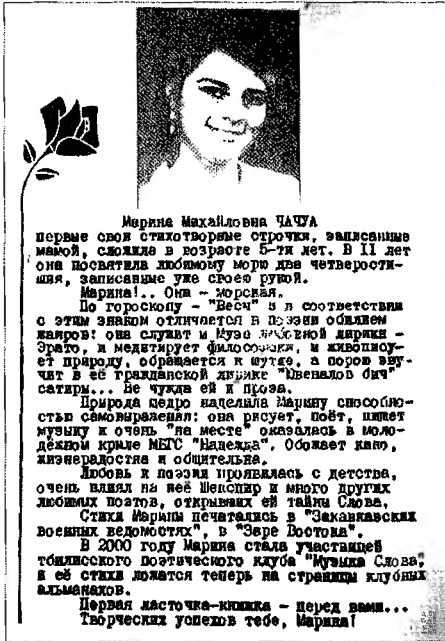
Когда в 1999 году я попала в клуб «Музыка слова», меня тепло приняли, послушали мои «стишки». Первое замечание получила сразу от нескольких мэтров: я не должна говорить, что пишу «стишки», потому что у меня хорошие стихотворения, которые требуют слушателя. Одна из поэтесс добавила: «Чтение на публику улучшает качество стиха». Чуть позже я почувствовала, что это на самом деле так.

Помнится, глядя на подаренные мне машинописные книжечки, я тоже захотела иметь такой сборничек своих стихотворений. Спустя полтора года Глеб Борисович сам предложил мне помощь в отборе самых лучших из ранних моих работ и написанных уже в период посещения клуба, сам их отпечатал и за 15 книжечек взял с меня

сущие гроши. Я радовалась, как ребёнок. Признаюсь, что, когда спустя годы вышли мои по всем правилам книгопечатания две настоящие книги, их появление не вызвало столь ярких эмоций, похожих на самое настоящее счастье. Но стоит взять в руки тот мой первый сборничек «Я слышу мысль», как ощущаю теплоту, ту самую, которая исходила от Коренецкого, умевшего любить творческих людей, уважать их писательскую работу и терпеть их непростые характеры. Мне думается, что, будь он более обеспеченным человеком, он стал бы меценатом. Но даже по своим оскорбительно скромным возможностям он делал для поэтов и писателей всё, что мог. Одно только то, что человек, независимо от состояния души и здоровья, с радостью принимал у себя совершенно разных по темпераменту людей, читавших далеко не всегда талантливые произведения, уже достойно преклонения.

Обложка сборника «Я слышу мысль»

Марина Михайловна ЧАЧУА

первые свои стихотворные строчки, записанные мамой, сложила в возрасте 5-ти лет. В 11 лет она посвятила любимому морю два четверостишия, записанные уже своей рукой.

Марина!... Она - морская.

По гороскопу - "Весы" и в соответствии с этим знаком отличался в поэзии обаянием даров: она слушает и Муза лиричной лирики - Эрато, и медитирует философски, и живописует природу, обращается к шутке, а порою звучит в её гражданской лирике "Менделеев бач" сатиры... Не чухла ей и Цезарь.

Природа щедро наделила Марину способностью самовыражения: она рисует, поёт, пишет музыку и очень "на месте" оказалась в молодёжном клубе МБС "Надежда". Общает кино, живопись и общительна.

Любовь к поэзии проявилась с детства, очень влиял на неё Шекспир и много других любимых поэтов, открывших ей тайны Слова.

Стихи Марины печатались в "Заканавских военных ведомостях", в "Заре Востока".

В 2000 году Марина стала участницей годичского поэтического клуба "Музыка Слова", а её стихи ложатся теперь на странички клубных альманахов.

Первая ласточка-книжка - перед вами...
Творческих успехов тебе, Марина!

*Обложка первого поэтического
сборника Марины Чачуа*

Особая атмосфера, царившая в доме Коренецкого, запомнилась ещё и тем, что конец 90-х и начало нулевых — это были довольно тяжёлые годы, когда в домах не было ни отопления, ни газа, часто выключался свет, могло не быть даже воды. Казалось бы, в такой ситуации у людей должна быть апатия, депрессия, тяга к замкнутости по причине отсутствия работы и денег. Тем не менее, люди, для которых культура и духовность — не пустые слова, вели в те годы довольно активную жизнь, чему я в тот последний год прошлого столетия очень удивилась и порадовалась, поскольку узнала о существовании нескольких активно действующих

литературных обществ, посещаемых любителями и профессионалами, бардами и просто ценителями духовной пищи.

На наших встречах в клубе «Музыка слова» мы частенько сидели при свечах, и, возможно, такая обстановка казалась настолько романтично-поэтичной, что нас тянуло в этот клуб. Зимними вечерами мы согревались общением, чтением стихотворений, шутками, анекдотами и беседами о театральных постановках Грибоедовского театра или о положении в стране.

Глеба Борисовича нельзя было назвать аполитичным человеком. Он интересовался всем, что происходило в политике и экономике не только Грузии, но и всего мира. Сам он написал много стихотворений, где была ярко выражена его гражданская позиция. Тема социальных проблем, несправедливости и беззакония всегда его волновала. Если монотонная любовно-пейзажная лирика порой нагоняла на него тоску, то стихи про несовершенство миропорядка могли тут же его зацепить,

расторгнуть и зажечь в его взгляде искру. Для него важно было, чтобы автор мог в стихотворении (желательно ритмически правильном и рифмованном) выразить свои взгляды посредством индивидуального почерка и голоса. Ему нравились остроумие и смелость авторов, поскольку сам был правдолюбом и придерживался твёрдых принципов совести и морали. С какими-то его взглядами можно было не соглашаться, но то, что это был Человек с большой буквы, сомнений не возникало даже у его ярких оппонентов.

Одна из причин, по которой людей тянуло в клуб Коренецкого, — там каждый ощущал себя как в родном доме или как в доме родного человека. Поэты съезжались со всех уголков Тбилиси. Некоторые пожилые женщины и мужчины не жалели сил и добирались до Сололаки с самых дальних окраин города.

Про себя могу сказать, что я настолько прониклась той обстановкой, что уже не могла пропустить ни одного заседания клуба. Мне нравилось и читать, и слушать, и познавать новое, и общаться. Хорошо, что я не обижалась на критику. Именно уроки, преподанные мне в доме Коренецкого, настроили на желание развивать свои литературные способности.

Обычно на заседании присутствовало около 20 человек. В иные дни могло собраться до 30-ти. Членами клуба числились более 70 человек. Самое активное звено, состоявшее из 10–15 человек, приходило постоянно, практически без пропусков. В основном это были пожилые люди, для которых поэзия являлась отдушиной, лекарством, помогающим выдерживать тяготы жизни. У многих ведь и не было другой радости, кроме такого вот «выхода в свет».

Праздничные встречи, посвящённые Новому году или юбилею «Музыки слова», проходили с особым размахом. Каждый приходил с чем-нибудь съедобным, и когда всё это оказывалось на длинном раздвижном столе, получалось отличное застолье. Пусть без деликатесов и мясных блюд, но салатиков, хачапури и вина хватало на всех. И снова мы начинали читать стихи по кругу... Расходились после этих вечеринок с трудом.

Обложка переизданного в 2002 году сборника «Я слышу мысль»

Не потому, что много пили, а по той причине, что чувствовали себя частью одной большой семьи, с которой не хочется прощаться.

Немного скрипучий, но всегда отдающий позитивом голос Глеба Борисовича до сих пор хранится в моей памяти. Это был приветливый и рассудительный человек, имевший своё мнение по любому поводу. Он не боялся говорить то, что думал. По этой причине многие его недолюбливали, особенно чиновники и литературные критики. Он уже привык к наличию палок в колёсах и научился «рулить» по-своему. Он был прост и одновременно аристократичен, что, прямо скажем, бесило тех, кто мнил себя интеллигентом до мозга костей.

Во время написания этой статьи я вспомнила подзабытый мною разговор с Коренецким. Как-то раз я пришла на заседание клуба раньше всех. Глеб Борисович находился дома в полном одиночестве. Я рискнула поинтересоваться, как сложилась его личная жизнь. Он немногословно поведал мне о своей покойной супруге, родившей ему единственную дочь. Он с грустью признался в том, что жена посвятила ему всю себя, хотя могла быть балериной... Они были очень счастливы до тех пор, пока рак не погасил свечу её жизни. О своих пере-

живаниях и тоске по любимой женщине Коренецкий поведал в своей поэме «Хрустальный обелиск».

В один не очень прекрасный день с потолка гостиной, где мы проводили наши встречи, сорвалось полотно бязи. Оно уродливо свисало до самого пола. На скорый ремонт у Коренецкого не было денег, и он решил собирать поэтов в другом месте. Для этой цели ему выделили часы в актовом зале технической библиотеки.

В 2013 году Глеба Борисовича не стало. Почти все его «птенцы» пришли в его «гнездо любителей поэзии» почтить память... Ушёл настоящий человек... Отзывчивый, безотказный, порядочный и честный, он знал цену верности не только своим идеалам, но и крепкой дружбе. Только самые близкие люди знали, как тяжело он переживал предательство и лживость.

Я рада, что мне довелось застать этого прекрасного человека, предоставившего русскоязычным поэтам не просто комнату в своей квартире, но уголок в своём сердце. А его «рукодельные» книжечки и в самом деле станут раритетами, как Глеб Борисович и предрекал. На печатной машинке уже никто не печатает книг...

Из статьи шеф-редактора отдела поэзии «Литературной газеты» Игоря Панина:

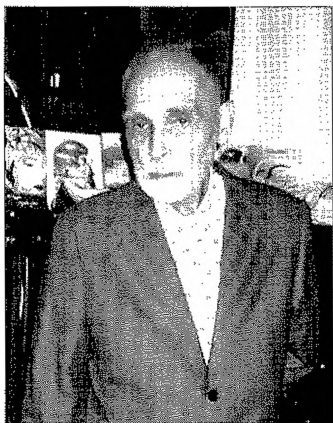
«... Коренной тбилисец, потомственный русский дворянин, он прожил долгую жизнь и скончался на девятом десятке лет. Как физик, он являлся автором многих изобретений и даже в преклонном возрасте не оставлял преподавательской деятельности, но известен был главным образом как человек, безмерно влюблённый в литературу, в поэзию. Свободно владея грузинским, он переводил на русский местных поэтов. Переводил и русских авторов на грузинский. Сам порой писал на грузинском...»

Из статьи публициста и писателя Владимира Головина:

«...Несмотря на солидный возраст, Глеб Борисович так решительно смотрел вперёд, что казалось – созревает очередная книга. А их было окло тридцати, отпечатанных на машинке, оформлен-

ных и размноженных на ксероксе. Птенцы гнезда его разлетелись, а когда Глеба Борисовича не стало, подумалось, что это был один из последних романтиков, физиков-лириков ушедшей эпохи».

БИОГРАФИЧЕСАЯ СПРАВКА:

Г.Б.Коренецкий

Коренецкий Глеб Борисович родился в 1931 году в Тбилиси. Окончил физический факультет Тбилисского университета. Ассоциированный профессор Грузинского технического университета, общественный деятель, действительный член «Союза потомков российского дворянства» — Российского дворянского собрания), руководитель созданного им в 1995 году поэтического клуба «Музыка слова». Автор более 20 поэтических книг, изданных в Тбилиси, в том числе: «Хрустальный обелиск» (1998); «Свет юности и братства» (2000); «Наш букет» (2000); «Наш Игорь Северянин» (2001); «Писать или не писать» (2002); «Сталинград — пролог победы» (2003); «Дела курские» (2003); «Тбилисская львица Ольга» (2004); «Я старше Вас на двадцать лет» (2004); «Венок любимой» (2004); «Слово о Победе» (2005); «Боль сердца» (2006). Публиковался в журнале «Русское слово», в альманахе «Музыка русского слова в Тбилиси». Переводил с грузинского языка.

P.S.

А ВЕДЬ И ВПРАВДУ, КАК ВЧЕРА,

ВСЁ ЭТО БЫЛО.

НА МАЧАВЕЛИ ВЕЧЕРА

Я ТАК ЛЮБИЛА...

РАСПАЛСЯ КЛУБ, УЖ МНОГИХ НЕТ —

УШЛИ ЗА ГЛЕБОМ.

НО В СЕРДЦЕ ЖИВ ТЕХ ОКОН СВЕТ,

ОВЬЯТЫХ НЕБОМ.

ТАИНСТВО ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА, ИЛИ КНИЖКА О КНИГЕ

Кацев А. С. (Бишкек, Кыргызстан)

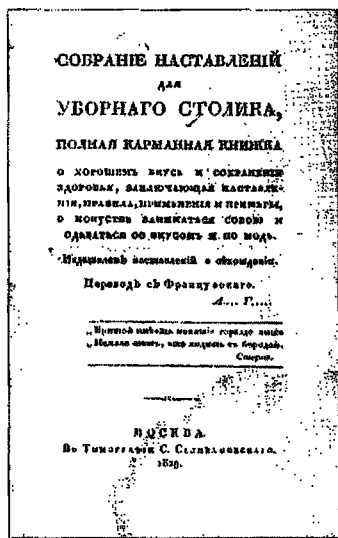
Ну, кто не помнит хрестоматийное:

«Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
.....

Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как dandy лондонский одет -
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.»

Текст великого произведения всегда полисемичен, наполнен и впечатлениями, и опытом, и фантазией автора. За каждой, буквально за каждой строкой, стоят знакомые незнакомцы. Как-то в мою библиотеку попало издание, объясняющее пушкинские строки про dandy. Такие книги были настольными для молодых людей, «выходящих в Свет». Одна из них — «Собрание наставлений для уборного столика, полная карманная книжка о хорошем вкусе и сохранении здоровья, заключающая наставления, правила, применения и примеры об искусстве заниматься собою и одеваться со вкусом и по моде. Издателем наставлений об обхождении». Перевод с французского (А...Г...) с эпиграфом из Лоренса Стерна: «Бритый имеет понятия гораздо выше, нежели тот, кто ходит с бородой».

Книга напечатана в Москве, в типографии С. Селивановского, в 1829 году, причём «печатать она позволяется с тем,

Титульный лист «Собрания наставлений...» 1829 года издания

чтобы по отпечатании представлены были в Цензурный Комитет три экземпляра. Москва, 1828, апреля 21 дня. Цензор Денгубский». Видимо, и там небезразличны были к тому, что должен знать денди.

В «Предупреждении» подчёркивалось, что в эту маленькую книжку были включены «наставления, правила учения, примеры, которыми мода, здравый рассудок и сохранение здоровья, согласясь наконец между собой, положили непременно правилам следовать», ибо «общество делает первое заключение о человеке по одежде и наружным приятностям, и общество совершенно в том справедливо, потому что физические и нравственные отношения слишком сближены, чтобы не иметь большого и взаимного между собой влияния».

«Уборный столик, исправляющий и прикрывающий наружные недостатки, продолжающий молодость, оживляющий дух, доставляет также средства к прельщению, успехам, состоянию...»

«...чтоб оценить достоинство уборного столика, которого необходимость так хорошо объяснил Генрих IV, сказав: «не понимаю, как можно обойтись без вежливости и опрятности, когда нужны только стакан воды, чтобы быть опрятным и приподнять шляпу, чтобы быть вежливым».

В книге три раздела (отделения): первый, состоящий из XVI глав: о красоте, коже, морщинах, волосах на голове, глазах, ушах, носе, устах, зубах, бороде, теле, руках, о кисти руки и до ногтей, худощавости, дородности, испарениях; второй «О вещах» — из IX глав: о жилище, способах одеваться, белье, платье и рединготе, дополнении к мужской одежде, обуви, шляпах и перчатках, ночной одежде, щетках; третий раздел (здесь в другом значении, чем общепринятое в начале 19 века) состоит из VI глав: о принужденности, переходах, телодвижениях, сноровках...

А вот «О зубах»: «4. Как можно реже должно прибегать к помощи дантиста; когда же нестерпимы страдания или ... припадок к тому принуждают, то необходимо избрать человека известного искусством своим, помнить о пословице: «дантист тот же лгун»».

«О дородности»: «5. Теплые бани нужнее дородным, нежели другим: они должны также чаще переменять белье».

«О жилище»: «Невозможно, чтобы горница глупого походила на комнату благоразумного: можно встретить в ней богатство и изобилие, но никогда то, что единственно дает цену, простоту, соединённую со вкусом».

Или «О белье»: «Имея прекрасное бельё, необходимо иметь хорошую прачку: по несчастью, они так редки в Париже; барыни-то хотя и очень вежливы, но очень и не надежны.

Из «Рассуждений о моде»: «Мода — Царица Вселенной! Кто разделяет по прихотям своим славу, состояние, ум, почести, самую даже честь? Мода!».

И как апофеоз завершения советов глава «О крайностях»: «Злоупотребление самых лучших вещей столь же вредно, как и употребление дурных. ... Кто знает, каким испытаниям подвергнет нас судьба? ...Уборного столика основанием опрятность, а не нега; он должен способствовать красоте; но более всего поддерживать и украшать здоровье».

Заметьте, что рассуждения и советы уборного столика пока почти не устарели. А сколько эпох минуло?!

Это ли не ещё один из многочисленных примеров того, что таит в себе «даль свободного романа».

P.S. В начале семидесятых во Фрунзе привезли коллекцию орденов из Эрмитажа. Я случайно познакомился с хранителем, показал свою библиотеку и ... вскоре простой, подчеркиваю, простой бандеролью в подарок получил два издания: цитируемое в этой статье и три номера журнала Александра Сумарокова «Трудолюбивая пчела». С этого времени понятнее стала культура минувших дней.

*Наша
публикации*

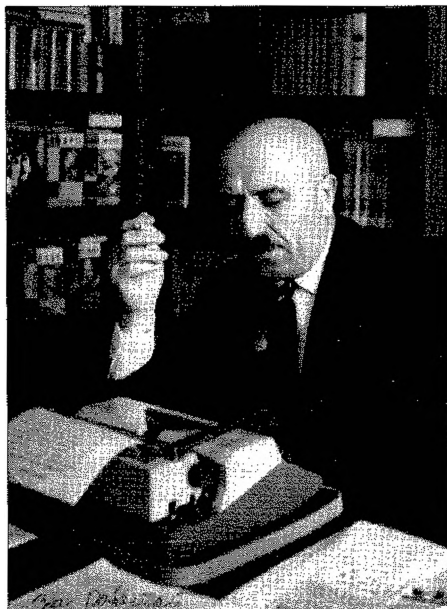
ЖИЗНЬ-ВОСХОЖДЕНИЕ

*(о поэте Кайсыне Кулиеве
и его машинописном подстрочнике)*

ЖАШУВВА Л.Х. (Нальчик)

Кайсын Шуваевич Кулиев — народный поэт Кабардино-Балкарии (1967 г.), лауреат Государственных премий РСФСР (1966 г.) за книгу «Раненый камень» и СССР (1974 г.) за «Книгу земли».

В 1990 году «за выдающийся вклад в советскую литературу» Кайсын Кулиев удостоен Ленинской премии. В постановлении о присуждении Ленинской премии значатся фамилии поэта Кайсына Шуваевича Кулиева и режиссёра Тарковского Андрея Арсеньевича (посмертно). Кулиев и Тарковский стали последними лауреатами Ленинской премии.

К.Ш.Кулиев

Кулиевым друга и переводчика Арсения Александровича Тарковскового, который высоко ценил стихи поэта. Он писал: «Кайсын Кулиев — поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии. Кайсын Кулиев в своей поэзии говорит от лица своего народа, но он — поэт всего мира. Интересы всего человечества, очень широкие слои всего человечества нашли уста в этом поэте». Высокие слова такого выдающегося признанного мастера, как Тарковский, невозможно недооценивать.

*Южный фронт 1943г.
Кайсын Кулиев с группой
офицеров 51- армии.*

Кулиев был народным поэтом задолго до получения этого звания в 1967 году. Его тихая, спокойная, но в то же время бурная и страстная поэзия сразу полюбилась читате-

лям, которых подкупало искреннее восхищение миром, человеколюбие и доброта. Со временем Кайсын Кулиев стал непрекаемым авторитетом в народе, люди шли к нему со своими чаяниями. Сердце Кайсына сумело вместить в себя боль и радость огромного количества людей.

Безусловно, природа щедро наградила К. Кулиева редким поэтическим даром. Но, чтобы стать подлинным поэтом, необходимо обладать ещё и особыми свойствами души, коими он был наделён сполна и сумел передать и привить эти качества и своим детям: сыновьям Эльдару, Алиму и Азамату и дочери Жаппе.

В 1980 году в «Литературной газете» было опубликовано письмо сыну Алиму, служившему в армии, в котором Кулиев, на примере своего участия в Великой Отечественной войне, призывает не позволять себе «отрицать жизнь, её свет и смысл, ...её великую и бессмертную суть». Он пишет сыну о любви к Родине, о том, что «родная земля требует от сво-

*Кайсын Кулиев.
Встреча с читателями 1972*

их сыновей любви и преданности, труда и мужества. Она требует защиты от врагов. Всегда было так». Сыновья Кайсына стали мужественными, честными и благородными людьми.

В письме к дочери Жанне есть строки: «... я счастлив, что бог дал тебе такие хорошие человеческие качества — скромность, выдержанность, доброту, человечность. Пусть при них будет даже трудно. Но это лучше, чем иметь больше внешних благ, будучи хищником». Эти слова можно расценивать, как завет поэта будущим поколениям.

В жизни Кайсына Кулиева было множество горестных страниц, одной из самых трагических стало выселение его родного балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан в марте 1944 года. Кайсын узнал о депортации балкарцев на фронте в Крыму, перед сражением за Севастополь, где получил тяжелейшее ранение.

По ходатайству Председателя правления Союза писателей СССР Николая Семеновича Тихонова Кайсыну Кулиеву было разрешено жить в любом городе, кроме Москвы и Ленинграда. Но он предпочёл добровольно отправиться вслед за своим народом в ссылку, изведав сполна долю спецпереселенца.

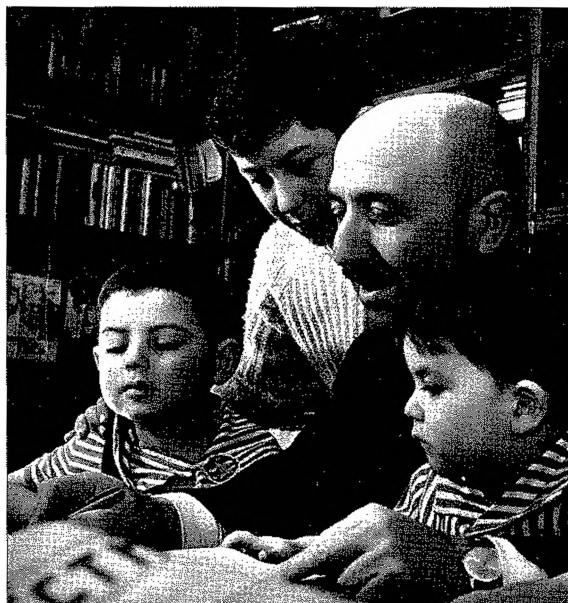
Немногие осмеливались общаться с ссыльным поэтом. В трудные дни самыми весомыми стали слова Бориса Леонидовича Пастернака, который не понаслышке знал, что такое травля и репрессии. Пастернак писал спецпереселенцу Кулиеву письма, присылал книги и фотографии. В одном из писем (от 25 ноября 1948 года) есть такие строчки: «Вы из тех немногих, которых природа создаёт, чтобы они были счастливы в любом положении, даже в горе. В вас есть породистость струны или натянутой тетивы, и это счастье». Эта высокая оценка Борисом Пастернаком является одной из самых ярких, зримых и значимых в жизни Кайсына Кулиева.

В довершении необходимо привести ещё одну цитату Пастернака из дарственной на книгу Гёте «Избранные произведения»: «Кайсын, у Вас есть право на самое высшее в поэзии, я признаю его, а какие гири жизнь навесит к нашим ногам, это её дело, это неважно. Желаю Вам облегчения в жизни и заслуженной победы. Москва. 31.12.1953 г.». Пастернак сумел настроить Кулиева на лучшее, пробудить в нём надежду на торжество справедливости и победу.

В городе Фрунзе Кулиев стал работать в Союзе писателей Киргизии и, выучив язык за два года, переводил киргизских писателей и поэтов на русский язык. Всё это время поэт сам активно пишет, но ему запрещается печататься, т.к. в Союз писателей приходит бумага о том, что такого поэта, как Кайсын Кулиев, не существует. Но он «не махнул рукой на жизнь, не разуверился в ней»

В своей «Автобиографии» Кулиев позже писал: «В Средней Азии, при всей занятости, я немало писал. Писал не только горькие стихи, но и живописно радостные о благе существования («Говорю с луной», «Говорю с дождём», «Родной язык», «Я пришёл с гор» и др.). Писал о стойкости и мужестве. Такими были, в частности, «Охотникам, заблудившимся в ущельях», «Партизаны в ущелье», «Рисунок к заглавию», «Над книгой горских песен», «Ночью, когда шёл снег». Этим я поддерживал себя, закалял дух, защищал своё человеческое достоинство».

Все свои подстрочники стихов, написанных во фрунзен-

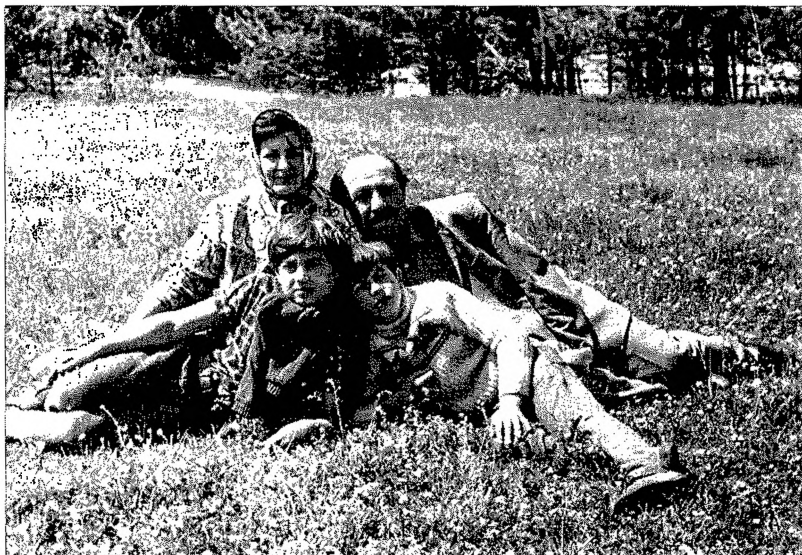

*Кайсын Кулиев с женой Макой
и сыновьями Алимом и Азаматом
(1972).*

ский период, заносил в огромный машинописный том с авторской правкой. Интересна история обнаружения этого тома, хранящегося теперь в Мемориальном Доме-музее

К.Ш. Кулиева в г. Чегем. Ни родные поэта, ни исследователи его творчества не знали о существовании этого раритетного тома. И лишь в декабре 2000 года фолиант был обнаружен дочерью поэта Жанной Кайсыновной Кулиевой в потайном ящике письменного стола отца и передан на хранение в музей.

Велика значимость этого тома для изучения творческого наследия К. Кулиева. В подстрочниках автора прослеживаются биографические вехи жизни Кулиева и всей страны, которые в переводах, к сожалению, утеряны. Это касается, прежде всего, военного творчества поэта (Сиваш, Перекоп, Севастополь). К Сивашу солдаты вышли 1 ноября 1943 года, форсировали его. Глубоко символично то, что 1 ноября был День рождения К. Кулиева, воины знали и верили, что победят. Рождение должно быть сопряжено с радостью на земле.

К. Кулиев с семьёй

Солдаты прошли этот ад, и 10 апреля 1944 г. была победа на Сиваше.

Сначала том подстрочников носил название «Восхождение». В стихотворении «Жизнь — восхождение» есть жизнеутверждающие слова: «Все подниматься! Все вверх подниматься!» В них надежда на перемены к лучшему, стремление к прекрасному, призыв к неприятию уныния и пониманию, что всё ещё впереди.

Позже Кайсын Кулиев изменил название тома, подписав его просто «Лирика». Он считал мудрую простоту «прекрасной, завидной и трудно дающейся», отличимой от простоватости и примитивности.

В беседе с К. Кулиевым великий русский поэт Александр Трифонович Твардовский высказал своё убеждение, что «надо писать так, чтобы тебя понимали и академик, и доярка». И он доказал это своей работой. Кулиев назвал Твардовского «поэтом народным в истинном значении слова».

На титульный лист фрунзенского тома нанесена следующая надпись: «В этот том собраны стихи, чтобы они сохранились. А будет ли издаваться они при моей жизни, я не знал,

жил только надеждой». А следом: «Как может вдруг измениться все на свете!» И вот наступил 1957 год — освобождение, возможность вернуться на Родину, к родным камням и очагам.

После возвращения, сразу же в 1957 году, из сборника подстрочников фрунзенского периода вышли в печать три книги: «Хлеб и роза», «Горы», «Мои соседи».

Среди переводчиков того периода такие именитые мастера слова, как Николай Тихонов, Наум Коржавин, Вера Звягинцева, Наум Гребнев, Дмитрий Кедрин, Семён Липкин и др. Все переводы выполнены довольно точно, без особых отступлений от оригинала. Кулиев очень дружил со своими переводчиками и «никогда не сваливал на них слабые стороны своей работы». Он считал, что «поэзия трудно переводима». Но переводить её нужно, ведь «радугу должны видеть все, а поэзия — это радуга».

Имя Кайсына Кулиева неизменно любимо и почитаемо людьми даже спустя десятилетия после его ухода. Стихи его переведены на более чем сто языков народов мира. Талант Кулиева до сих пор властвует над сердцами людей, наделённых богатством его души.

В книге Ромэна Роллана «Героические жизни» 1933 года выпуска рукой поэта выделены слова великого и любимого им Бетховена: «Я не признаю иного признака превосходства, кроме доброты». Это кредо самого Кайсына Кулиева, он пронёс этот девиз через всю свою жизнь, одаривая окружающих добром и человечностью.

РУССКАЯ КЛАССИКА: КАК ПРОЧТЁШЬ, ТО И ПОЖНЁШЬ

*(или как получают
полупрозрачную тень истины)*

Чирва А. Н. (Москва)

Народная мудрость гласит: что посеешь, то и пожнёшь. Применительно к русской литературной классике эту мудрость можно было бы перефразировать так: как прочтёшь, то и пожнёшь. Вот, например, как прочитал некоторые известные произведения великих русских писателей Михаил Веллер, сам принадлежащий к современной писательской среде.

Хочу сразу отметить, что своё выступление по радио «Комсомольская правда» ФМ 13 декабря 2018 года М.И. Веллер построил на известном приёме сочетания видимого и скрытого. Видимое — это показное стремление быть максимально объективным в своих оценках и суждениях, а скрытое — это хорошо упакованное лукавство. Именно так я оцениваю его главные сентенции, претендующие на некую новизну взгляда.

Нельзя верить в искренность говорившего хотя бы по той причине, что он, закончивший, по его словам, один из лучших филологических факультетов мира и получивший отличные знания, а потому ставший, опять же, по его мнению, неплохим специалистом, сам глубоко верит в то, о чём вещает слушателям. Считаю, что приоритет был отдан конъюнктуре или, если хотите, модному словечку в наше время — мейнстриму. Таков современный тренд — подвергать всё критике. И чем она круче, тем популярнее твоя личность в определённой среде.

О чём речь? О том, что уважаемый специалист обрушился на русскую литературную классику с топором и дубиной, причём прошёлся по вершинам русской словесности. Но об этом позже. Сейчас же об авторском приёме, связанном с ло-

гикой, и способами доказательства истины, как её понимает и преподносит автор. С одной стороны, русская литература «остаётся на своём месте», «она великая — эта классика!», «шедевры нетленные!», а с другой, — «ничему хорошему не учит русская классика», «чему русская классика может научить подростка?», «с чем он пойдёт в жизнь?», прочитав известные произведения. И, разумеется, в подтверждение — иллюстрации из самих произведений.

Объясню, почему приём считаю не очень честным. Потому что при анализе объекта применяется понятийная подмена: в первом случае речь идёт о понимании художественных достоинств великой поэзии и прозы, а во втором — о влиянии текста на личность, о том, что называют читательской культурой, читательским восприятием. При этом ссылки сводятся к отдельному герою, а само произведение остаётся как бы за кадром. Не говорится и о том, что восприятие у различных людей неодинаковое. Оно зависит от возраста, пола, специальности и даже от эпохи. Не случайно же Карел Чапек советует вместо трафаретного «назовите вашу любимую книгу» спрашивать: «Какую книгу вы любите читать в той или иной жизненной ситуации?» У чешского писателя нет сомнения в том, что один и тот же человек в разные периоды жизни отдаёт предпочтение разным книгам. Впрочем, извиняясь перед читателем за столь банальную мысль, Чапек доводит её почти до сарказма, сожалея, что «никто до сих пор не додумался издавать книги с... точным указанием, что они адресованы молодым ослам или старым хрычам, разведённым дамам или брюзгливым холостякам».

Впрочем, может, я и не прав, а потому в дальнейшем разговоре призываю самого читателя стать судьёй и отделить иллюзорное от действительного.

Обратимся к содержательной части выступления. Я не собираюсь защищать русскую классику, она в этом не нуждается. В защите нуждается читатель, особенно молодой и неискушённый, тот, который хочет стать хорошим читателем, овладеть культурой чтения, тот, что просто обязан не ограничиваться

видением одних лишь героев, за что М. Веллер и пеняет русскую литературу, тот, которому нужно понять весь спектр авторского текста, всю сложность сюжетных взаимосвязей, незаурядность творческой фантазии автора, его образно-ассоциативное мышление и вкус. Всё то, что работает опосредованно, определяет его эмоционально-целостное отношение к миру, сотканное из элементов разных мировоззренческих уровней и разной степени проникновения в суть толкования бытия.

Какова цель и риторика г. Веллера? Вот главная мысль, прямая цитата сказанного: «То, о чём я говорю,— это всего лишь одна из точек зрения на литературу, один из аспектов, поданный под определённым углом, который не вредно было бы увидеть».

Значит, угол — это очень важно для понимания смысла всего, что было в эфире. Давайте переместимся в тот самый угол, из которого вещает безусловно подготовленный человек. Давайте внимательно прислушаемся к его словам, к его пафосному слову, сведённому к критике Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского. Разберёмся, за что он критикует литературных титанов. Оказывается, за то, что у них нет произведений, точнее, они не создали в своих произведениях такого героя, на которого можно было бы равняться вступающему в жизнь молодому поколению. Помните девиз: «Делать жизнь с кого?». Автор модернизирует этот прямолинейный лозунг и вопрошает, обращаясь к слушателю: «Были ли в русской классике произведения, на которые можно было бы опереться русскому духу?». Чувствуете разницу — не примитивный призыв к подражанию, а требование следовать высокой духовности, немеркнущим идеалам.

Заняв твёрдую позицию в этом своём углу, автор открывает шлагбаум и наезжает на многих героев со всей прытью: Онегин — «лишний человек, испортивший жизнь Татьяне»; «Печорин — негодяй и подлец, духовно соблаздивший княжну Мери, а затем бросивший её»; Чичиков — «проходимец»; «Хлестаков — несколько не лучше»; «Базаров и Инсаров автором книги умерщвлены. Почему Тургенев их убил?». Боль-

ше всего достаётся Раскольникову — «он бежит с топором за несчастной старухой». Это, по его мнению, мелко. И в доказательство масштабности мышления ссылается на личность Наполеона, который, конечно, залил кровью всю Европу, но, в конечном счете, благодаря его деяниям, все европейские государства отказались от монархий и обрели конституционную форму правления.

Присутствует, конечно, и реверанс: как же без него? Есть в русской литературе произведения типа «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Как закалялась сталь», но это, во-первых, не самые высокохудожественные произведения, а, во-вторых, они — скорее исключение, чем правило. И вновь критика — жёсткая, всеохватывающая и с прицелом на главные литературные вершины. При этом нельзя не обратить внимания на то, что М. Веллер ведёт огонь по Онегину, Печорину, другим персонажам, а попадает в «русский дух», пеняя литературу за то, что она не создала ему костылей.

Что тут сказать?! Возможно, в качестве лучшего аргумента будет признание Сомерсета Моэма, который говорит о том, что самым замечательным моментом в его жизни был тот, когда он приступил к чтению «Фауста» Гёте. Почему? Увидел в Фаусте положительного героя?! Или увидел всё, что запрятано в книге?!

Онегин, безусловно, не является героем, на которого можно равняться — это правда. Как правдой являются и другие характеристики, приведённые М. Веллером в ходе выступления. Всё дело в том, что это не вся правда, а только её часть. А полуправда, как известно, хуже лжи. Часть истины выдается за окончательную истину, приправленную индивидуальным углом зрения. Согласиться с этим нельзя. М. Веллер обеспокоен отсутствием в литературе воспитательного образца, которого не дали русские литературные гении. «Я так думаю», — подчёркивает оратор. Неплохо бы просвещённому человеку сверять свои думы со словами В.Г. Белинского, написавшего о том, что «...читая произведения Пушкина, можно превосходным образом воспитать в себе человека». Или такую вот ха-

рактеристику того же В.Г. Белинского: «... он (Пушкин — А.Ч.) явился воспитателем будущих поколений. Но поколения возникают и образуются не днями, а годами, и потому Пушкину не суждено было дожидаться воспитанных его духом поколений — своих истинных судей». Ключевые слова — «воспитанных его духом поколений». Тех самых, о которых так печётся М. Веллер, и тот дух, наличие которого отрицается им.

Великий критик и великий читатель Белинский считал, например, создание образа Татьяны Лариной, истинной русской женщины, подвигом поэта. И с этим нельзя не согласиться, если есть желание замечать всё, что накоплено человеческим интеллектом. Если же у кого-то нет такого желания, то это, как говорится, его проблемы.

В 2018 году отмечалось двухсотлетие И. С. Тургенева. И, на мой взгляд, самая высокая оценка его творчества заключалась в одной фразе, сказанной на одном из каналов радио: «Тургенев был велик, потому что он создавал людские типы сначала в своих произведениях, а потом они появлялись в жизни». В единичном видел будущее. «Тургеневские женщины», обильно появившиеся в России после выхода тургеневских романов, разве это не подтверждение именно такого удивительного явления?! Значит, опирались духом россияне на своих литературных кумиров. Еще как опирались!

Для М.Ф. Достоевского самое ценное в человеческой личности — тоже её единственность, неповторимость. Это касается и Родиона Раскольникова, «бегущего с топором за старухой». Герой романа считает, что все люди делятся на две категории: обыкновенные и исключительные. Обыкновенные составляют большинство и подчиняются закону. Исключительные, как, например, Наполеон, навязывают большинству свою волю. Для них не существует законов, они сами их устанавливают. Созданная им теория приводит его к преступлению. Но, убив старуху, Раскольников не почувствовал себя Наполеоном. Он хотел иметь «свободу и власть, а главное — власть! Над всей дрожащей тварью, над всем муравейником!» Эту власть он должен был получить, освободив себя от нрав-

ственного закона. Но нравственный закон оказался сильнее его. Таков лейтмотив романа.

Достоевский сражался с Наполеоном в самом себе, что хорошо видно на примере Раскольникова. Тема наполеонизма приобрела у писателя трагический характер: чем больше человек тянется на путь наполеоновский в поисках утверждения собственной личности, тем очевиднее для человека пагубность этого пути.

Что же побудило М. Веллера сопоставить в своём выступлении две фигуры: Раскольникова и Наполеона? Почему подвергается критике первый и восхваляется второй? Разве с того самого угла не видимо и не знамо, что злой гений принял Францию с населением в 23 миллиона человек, а оставил ее с 21,5 миллионов, уложив на полях сражений полтора миллиона французов? Эти подсчёты даёт в своей книге о Наполеоне Е.В. Тарле — известный и достойный уважения историк. Правда Достоевского коренным образом расходится с правдой М. Веллера: неопровержимость её состоит в том, что гений становится смешным и жалким, когда ставит перед собою неразумную задачу. Раскольников, безусловно, — жалкий тип, а Наполеон лучше?!

Человек, как он изображён Достоевским, отличается колоссальным напряжением духовных сил. Обязанность читателя — прочитать предложенные ему произведения так, чтобы увидеть в них не одну лишь сюжетную канву, а, прежде всего, большую душу художника, призывающего нас к вечному обновлению и обогащению духовного запаса.

Любому ясно, что профессиональная книга несёт профессиональные знания. А что даёт чтение художественного произведения и всегда ли мы понимаем то, что предлагает писатель? Процесс чтения литературного произведения часто называют «художественным ясновидением» — способностью открывать для себя мир не только сознанием, но и сердцем. Всегда ли мы именно так читаем?! Слышим ли верно голос автора, обратившегося к нам со своим словом?! Всегда ли находим тот скрытый писателем духовный клад, который обогащает интеллект, возвышает сердце, воспитывает характер?

Ответ на эти вопросы получим, если хотя бы бегло заглянем в лабораторию психологов. Там мы узнаем, что есть три ступени погружения в книгу. Предлагаю читателю проделать эту скучную процедуру.

Первая ступень погружения: понять сюжет и фабулу. Писатель прибегает к сюжету, чтобы показать, чем занимается герой, что он делает, как действует. Задача читателя — за всем этим уследить. Ничего не упустить. Именно поэтому эту ступень можно назвать «событийной», или «фабульной». Её ещё называют глагольной, потому что исследователи подметили, что при пересказе книги многие пользуются в основном глаголами: полюбил, разлюбил, уехал, пришел...

Вторая ступень погружения: умение читателя отождествлять себя с персонажем, сравнивать свою судьбу с перипетиями его судьбы. На этой ступени восприятия требуется разобраться в сложной структуре отношений между героями, в мотивах их симпатий и антипатий, поступков и поведения — в художественном конфликте произведения. Такую ступень называют ещё «смысловой».

И, наконец, третья ступень погружения: отождествление читателя с автором-художником. Её называют образно-смысловой. Суть её можно было бы выразить известными словами Л.Н. Толстого, сказавшего, что читатель берёт в руки книгу для того, чтобы посмотреть, каков же человек, автор и что у него, автора, за душой. Художественное произведение всегда отражает уровень личного эстетического познания писателя.

Лауреат Нобелевской премии, швейцарский писатель Герман Гессе также выделяет три типа читателей. Вкратце и весьма схематично остановлюсь на них. Замечу при этом, что чтение этого текста вызывает восхищение — талант писателя непревзойдённый.

Первый тип — наивный читатель. Он поглощает книгу, как еду, он только потребитель. Такой читатель ведёт себя по отношению к книгам не как личность по отношению к личности, а как лошадь по отношению к яслям или как та же лошадь по отношению к кучеру: книга ведёт, читатель за нею следует.

Содержание книги воспринимается объективно, признаётся за действительно существующее. Такой читатель считает, что назначение книги заключается единственно в том и только в том, чтобы добросовестно быть прочитанной и оценённой по своему содержанию или по форме.

Второй тип — толкователь и осведомитель. Этот читатель не ценит ни содержание, ни форму произведения как единственные и важнейшие ценности. Он знает, что смысл каждой вещи может заключать и десять, и сто значений, и находит удовольствие не в том, чтобы следить за содержанием во власти автора, а в том, чтобы следить за автором во власти содержания. Этот читатель идёт за писателем не как лошадь за конюхом, а как охотник — по следу, и внезапно найденный факт беспомощности писателя может привести его в восторг куда больший, чем все прелести хорошей техники и искусного владения языком.

Третий тип — генератор идей. Такой читатель — личность настолько выраженная и осознающая себя, что совершенно свободно противопоставляет себя объекту чтения. Он читает не для того, чтобы с помощью писателя понять мир, а чтобы философски осмыслить его учение — он всё понимает сам. Давно знает, что каждая духовная точка зрения — полюс, у которого есть равноценный противоположный полюс. И потому читает, словно плывёт в потоке стимулов и идей, почерпнутых из прочитанного. Сказку о Красной Шапочке может читать в таком состоянии, как какую-нибудь космогонию, или философию, или как эротическое сочинение.

Кто не знает этого уровня — плохой, незрелый читатель, считает Г. Гессе. А дальше дословная цитата: «Ведь он (читатель — А.Ч.) не знает, что вся поэзия и вся философия мира заключена в нём самом, что даже самые великие писатели черпали из источника, не отличающегося от того, который имеется в каждом из нас. Если ты в жизни хоть раз, час, день побудешь на третьем уровне, то ты станешь читателем ещё лучшим, ещё лучшим слушателем и толкователем всего написанного».

В итоге писатель подчёркивает, что ни один из читателей не относится к тому или другому типу постоянно. Каждый

может относиться сегодня ко второму, завтра — к третьему, а послезавтра вновь к первому. Главное — иметь скважину, через которую неизменно заглядывать в содержание своей души.

Потребность в художественном чтении — врождённая потребность нашего духа. Для многих книга давно стала лекарством для души. К сожалению, мы не всегда отбираем произведение для чтения так же придирчиво, как лекарство. Параллель побуждает вообразить ситуацию: вы не в книжном магазине, не в библиотеке, а в аптеке. Перед вами множество полезных и хороших лекарств. Вы выберете то, что нужно? Или возьмёте первое попавшееся? А, может быть, начнете пробовать всё, что содержит каждый ящик?

Чтобы книга стала духовной и той освежающей силой, на которую мы рассчитываем, необходимо овладеть определённой читательской культурой. «Читатель! Друг из самых лучших» (А Твардовский). В этом признании писателя не только оценка, но и запрятанная надежда на наличие у каждого читающего достаточной культуры, равновеликой творчеству. Прихожу к выводу: суть кроется в обретении качеств идеального читателя. Но характер чтения в наше время заметно изменился — оно стало более индивидуальным, прагматичным, информационным, поверхностным. «Широкий читатель» сидит сегодня в кресле перед телевизором, медленно и безвозвратно утрачивая способность размышлять. Лицо литературного интеллектуала постепенно стирается, снашивается, грязнится популярными шоу-передачами. Массовый читатель, отличающийся подлинно высоким интересом к чтению, уходит с горизонта, его заменяет единичный, получающий ироничное название — Ваше читательское Величество, Высочество или Сиятельство. Кому как нравится.

Интерес к чтению сегодня упал до крайне низкого уровня. Культура чтения находится там же. Почему я заостряю на этом внимание? Потому что даже такой интеллектуал, как М.И. Веллер, рассуждая о литературе, предлагает нам погрузиться в ее лабиринты на уровне первой ступени, глагольного восприятия: Раскольников бегаёт за старухой, Онегин обманул Татьяну и т.д. Вот и получается, что из процесса анализа

исключается многое, а нередко и главное.

Простой пример: представим себе Белинского не как критика, а как рядового читателя. Он берёт в руки, например, поэму Пушкина «Цыгане» и в своих суждениях не заходит дальше сюжета, кульминационной точкой которого является убийство. Голос негодования звучит в адрес героя. И всё. Оценка выставлена, суждение вынесено. Но Белинский потому и великий читатель, что он увидел предельно много за этой трагедией. Увидел всего лишь одну строку: «Сердцем Алеко одолевает *ревность*...» (выделено Белинским). И мы получаем пламенный, проникнутый благородным пафосом текст. С какою неотразимую силою он увлекает душу! Страшным судом гремит его слово, исполненное светлого разума и пламенной любви к истине. Четыре страницы текста о ревности: нет подобного текста даже у профессиональных психологов — знатоков людских страстей и пороков.

М. Веллер как судья изящного должен был бы великую литературу представить в ином свете. Я несколько не сомневаюсь, что сам-то он наверняка овладел всеми премудростями культуры чтения. Так почему же он не приложил в своём выступлении усилий к тому, чтобы это мастерство хотя бы в какой-то мере передать другим? Его восклицания о том, что русская литература нетленна и наполнена шедеврами, ничего не дают ни уму, ни сердцу. Диссонансом прозвучало и его признание о том, что он воспитывался на другой литературе — зарубежной. Сияние и цветение на чужой почве?!

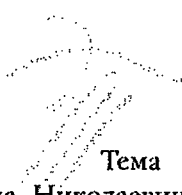
И последнее. Если бы было сказано то, что сказано не столь авторитетным человеком, можно было бы не вступать в спор. Но необходимо и должно обращать внимание не только на то, является ли истиной сказанное, но и на то, кем оно сказано. По этой причине в устах призванных и посвящённых иногда и ошибочные взгляды или усеченные получают новую форму и новую силу убеждения, что произошло и в этот раз: заезженная колея оппозиционной и традиционной критики привела в старую ловушку даже опытного мастера.

К ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА НА МОГИЛЕ К.Н. БАТЮШКОВА

Чекалова И. В. (Вологда)

*«Самое беззащитное у человека –
это его могила»¹*

В.И. Белов

Тема истории памятника на могиле Константина Николаевича Батюшкова возникла не случайно. Вопрос о подлинном месте захоронения поэта часто вставал, когда приходилось видеть фотографии, сделанные в разное время в Спасо-Прилуцком монастыре. На них белый обелиск с именем Константина Николаевича Батюшкова был запечатлён в разных местах монастырской территории.

Можно ли считать современное расположение памятника определяющим место могилы поэта? Что происходило с ним за долгие годы существования? Кем и когда он был поставлен и как выглядел первоначально? Поиск ответа на эти вопросы и стал целью нашего исследования.

Великий русский поэт Константин Николаевич Батюшков родился в Вологде 17 мая 1787 года. Сюда же он вернулся в 1833 году неизлечимо больным человеком. В Вологде под опекой родных провёл последние годы жизни и скончался 7 июля 1855 года в возрасте 68 лет. Похороны состоялись 10 июля на кладбище Спасо-Прилуцкого монастыря, что в нескольких верстах от Вологды. К месту вечного покоя его провожали: «Преосвященный Феогност епископ Вологодский и Устюжский с знатнейшим духовенством, г[осподин] начальник губернии, наставники гимназии и семинарии и все, кто знал о смерти поэта».²

За высокими вековыми стенами монастыря в этом тихом, уединённом месте ещё с XIV века располагался древний некрополь. С конца XVIII века там совершались захоронения не только лиц духовного звания, но и дворян, купцов и других

сословий. В Спасо-Прилуцком монастыре погребены представители известных фамилий Вологды: Неловы, Олешевы, Зубовы, Мельгуновы, Сапоговы, Брусиловы, Шипиловы и многие другие. Общее количество захоронений неизвестно, но по некоторым данным, там покоятся от 1000 до 1500 человек.

Спасо-Прилуцкий монастырь не случайно был выбран местом захоронения поэта. По словам родных, он неоднократно высказывал желание быть похороненным рядом со своим «маленьким другом» Модестом — сыном опекуна и племянника Григория Абрамовича Гревеница. Малыш умер в феврале 1850 года от скарлатины в возрасте 4,5 лет³ и был похоронен на кладбище Спасо-Прилуцкого монастыря. Константин Николаевич очень тяжело переживал его потерю, часто пешком приходил в монастырь, навещал могилу Модеста. Завещание поэта было исполнено, а в казну монастыря за место для погребения опекуном было внесено 70 рублей⁴.

Памятник на могиле был поставлен не сразу. Об этом стало известно из очерка вологодского краеведа Герасима Ивановича Добрякова «На могиле Батюшкова»⁵, опубликованного в журнале «Русская старина» в 1910 году. Он пишет, что «в одном из архивов г. Вологды обнаружено им старое «дело» о Батюшкове». В нём сообщается, что в 1862 году (*через 7 лет после кончины — курсив И.Ч.*) брат поэта Помпей Николаевич Батюшков изъявил желание перевезти прах Константина Николаевича из Спасо-Прилуцкого монастыря в семейный склеп при церкви села Даниловского Устюженского уезда Новгородской губернии. На это было получено разрешение министра вну-

Могилы К.Н. Батюшкова.
Фото. 2017 г.

*Спасо-Прилуцкий Димитриев
монастырь. Фото
А.В.Тарасовского. 2015 г.*

тренних дел П.А. Валуева, и обер-прокурором Святейшего Синода предложено епископу Вологодскому и Устюжскому Христофору сделать соответствующее распоряжение. Последовал указ консистории настоятелю Спасо-Прилуцкого монастыря о переносе тела поэта. Между тем, сестра поэта Варвара Николаевна Соколова, узнав об этом, также обратилась с письмом к министру внутренних дел П.А. Валуеву с просьбой отменить распоряжение на перенос гроба с прахом брата из Спасо-Прилуцкого монастыря в село Даниловское.

По своему эмоциональному звучанию и душевному настрою это письмо настолько выразительно, что мы сочли возможным поместить его полностью.

«Ваше Высокопревосходительство, Петр Александрович. Только сегодня я совершенно неожиданно узнала, что Вы изволили дать разрешение перевезти прах моего родного брата Константина Николаевича Батюшкова из Спасо-Прилуцкого монастыря, близ г. Вологды, в Новгородскую губернию для предания его земле на кладбище приходской церкви. Не скрою от Вашего Высокопревосходительства, что известие это глубоко огорчило меня. Семидесятилетняя

старуха, родная сестра покойного, старшая по летам, более всех к нему близкая по связям родственным (второй мой брат Помпей Николаевич от другой матери), свято чтущая память его как брата и благодетеля, я не считала себя столь чуждой покойному, чтобы не только без моего согласия, но даже и без моего ведома можно было нарушать гробовой покой Константина Николаевича.

Поэтому позвольте изложить Вашему Высокочревосходительству причины, по которым я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой отменить сделанное Вашим Высокочревосходительством распоряжение. Константин Николаевич, подвергшись страшному душевному недугу, похитившему его столь рано у семейства и отечества, с 1830 года⁶, в течение 25 лет, находился на руках родного нашего племянника Григория Абрамовича Гревеница, в доме которого и скончался. Часто посещая Спасо-Прилуцкий монастырь во время своих прогулок, он неоднократно в те светлые минуты, которые иногда имел во время своей болезни, выражал желание быть погребённым в этой обители. Племянник мой исполнил желание покойного.

Поэтому я не нахожу никакого достаточного основания к нарушению воли моего брата, тем более, что в селе Даниловском не существует никакого фамильного склепа рода Батюшковых. Мать наша погребена в Петербурге, сестры: Анна Николаевна Гревениц — там же, Елизавета Николаевна Шипилова в Вологде, Александра Николаевна Батюшкова в селе Никольском Ярославской губернии. Кроме того, я и племянник мой Г. А. Гревениц считали священной нашей обязанностью отдать последний долг Константину Ни-

Архимандрит Анатолий у могилы К. Н. Батюшкова.

Фото начала XX в. (до 1908 г.)

колаевичу и поставить ему надгробный памятник. Имея в виду, что Константин Николаевич по заслугам своим выходит из ряда людей обыкновенных, мы не сочли возможным ограничиться скромным монументом, и вот причина, почему мы до сих пор должны были отложить исполнение нашего намерения. Теперь памятник сооружается и 7-го июля сего года (в день кончины Константина Николаевича) будет поставлен на место. Оставшиеся в живых родственники покойного не приняли никакого участия в сооружении памятника, и потому я вправе полагаю, что они не должны своим поздним вмешательством тревожить прах моего брата.

Простите, Ваше Высокопревосходительство, что я утруждаю Вас чтением настоящего письма; я сочла нужным объяснить Вам все подробности и твёрдо надеюсь, что Ваше Высокопревосходительство уважите последнюю, может быть, земную просьбу женщины, стоящей у дверей гроба, просьбу бескорыстную и ни для кого не обидную. Вологда, колыбель Батюшкова, пусть будет местом его последнего покоя. В том случае, если Ваше Высокопревосходительство не посчитает возможным отменить сделанное Вами распоряжение, имею честь покорнейше просить вас всеподданнейше доложить просьбу мою Государю Императору и, сообщив о последующем г. обер-прокурору Святейшего Синода, поставить и меня о том в известность.

С чувством истинного уважения, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства готовая к услугам Варвара Николаевна Соколова, рожденная Батюшкова.

Сельцо Хантаново.

Марта (не означено) дня 1862 года».

Министр 16 марта телеграммой уведомил г-жу Соколову и вологодского губернатора, что дело о перевозе праха Батюшкова приостановлено. Дальнейшего распоряжения никакого не последовало.

Восстановить историю памятника, как он выглядел первоначально и где находилось захоронение поэта на территории монастыря, помогли архивные документы, фотографии и рисунки, сделанные в разные временные периоды.

В рукописном отделе Российской национальной библи-

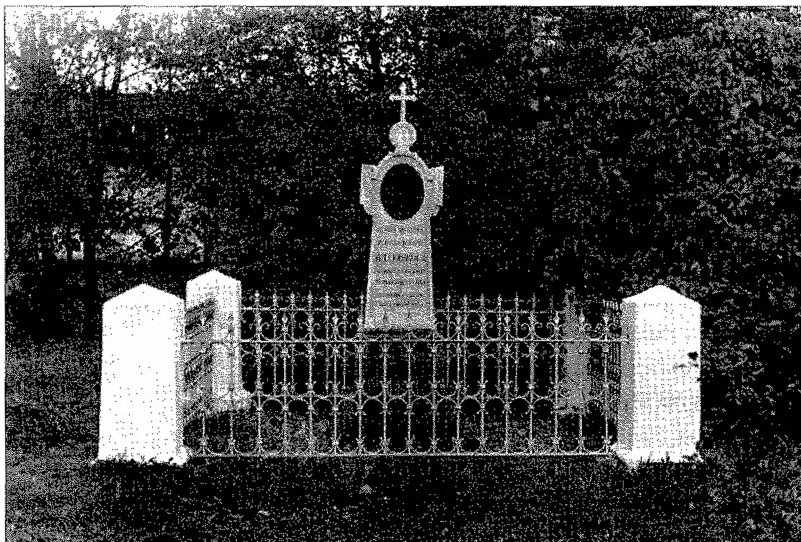
отеки хранится акварельный рисунок надгробного памятника⁷. На рисунке изображена высокая стела на ступенчатом постаменте. Верхняя часть стелы имеет закругление с отходящими в стороны «крыльями». Завершает памятник крест, укрепленный на шаре. В верхней части стелы круглый медальон с изображением, вероятно, святого. Под рисунком поставлены две подписи: одна заказчика — статского советника, а вторая — архитектора⁸. Ограды на рисунке нет. В левой части листа синим карандашом сделана надпись: «Памятникъ Конс. Николаевичу». Подтверждением того, что на рисунке изображён эскиз будущего памятника на могиле

*Барельеф с профилем
К.Н.Батюшкова.*

поэта, стали документы Вологодского государственного архива. В материалах Вологодской ремесленной управы сохранился договор⁹, заключённый 7 февраля 1862 года между титулярным советником Петром Григорьевичем Гревеницем¹⁰ и казённым крестьянином Семенковского волостного правления Вологодского уезда деревни Метишина (?) Андреем Лукьяновым.

По этому договору Андрей Лукьянов обязуется изготовить памятник для могилы Константина Николаевича Батюшкова из белого итальянского мрамора и красного гранита по рисунку, данному ему господином Гревеницем. Он же, Гревениц, должен выдать Лукьянову «серебром сто пятьдесят рублей с тем, что он, Лукьянов, должен немедленно отправиться в Санкт-Петербург и приобрести там нужное количество белого итальянского мрамора». «Мрамор должен быть цвета ровного, без трещин, раковин или других недостатков и состоять из двух кусков: один кусок для пьедестала, другой для ко-

*Памятник с барельефом на могиле
К.Н. Батюшкова. Фото 1961 г.*

лонны памятника». Также он, Лукьянов, на мраморном памятнике должен «вырубить приличную надпись по назначению г. Гревениц и место для образа» и поставить памятник на место. По этому договору вокруг памятника должна быть поставлена решётка и гранитные полированные стойки «по поданному от г. Гревеница рисунку». За всю работу П.Г. Гревениц обязуется заплатить «двести двадцать пять рублей и за каждую гранитную стойку особо по десяти рублей, а всего до двухсот шестидесяти пяти рублей». «Вся работа должна быть кончена 1 июля 1862 года». Всего за установку памятника на могиле Константина Николаевича Батюшкова было заплачено родственниками четыреста пятнадцать рублей.

Одно из первых изображений памятника на могиле К.Н. Батюшкова было опубликовано в начале 1866 года в «Иллюстрированной газете»¹¹. Там же приводилось и подробное его описание: «памятник из белого и тёмно-серого (постамент) мрамора; в верхней части его вделан образ царя Константина, под ним высечена надпись славянским шрифтом, где даты имеют буквенное обозначение: «Константин Николаевич Ба-

тешков, родился в Вологде 17 мая 1787 года, скончался там же 7 июля 1855 года». Эта надпись идентична той, что есть на памятнике сейчас. Значит, стела сохранилась подлинная. Вокруг памятника видна невысокая кованая ограда.

В фотофонде Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранятся несколько фотографий, сделанных на территории Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XIX — начале XX века. На одной из них рядом с могилой К.Н. Батюшкова стоит настоятель Спасо-Прилуцкого монастыря архимандрит Анатолий¹². На этой фотографии можно видеть высоту памятника и его конструкцию. Памятник был значительно выше роста человека. В верхней части стелы хорошо виден круглый медальон.

Важным свидетельством о месте захоронения К.Н. Батюшкова в Спасо-Прилуцком монастыре является упоминание краеведа священника Сергея Арсеньевича Непейна о том, что «памятник над могилой поэта находится на юг от главного соборного монастырского храма, близ северо-восточного угла Екатерининской церкви»¹³. Подтверждением этому стала ещё одна фотография из фондов музея — заповедника. На ней видно, что белый обелиск на могиле Константина Николаевича Батюшкова находится у Екатерининской церкви. Рядом с его могилой видна маленькая ограда могилы Модеста Гревенца¹⁴.

После революции 1917 года жизнь монастыря резко изменилась. Монастырь был закрыт, но не сразу. Церковная община, организованная из местных жителей, ещё некоторое время сохраняла и защищала монастырь. В Спасском соборе совершались богослужения, захоронения на территории монастыря осуществлялись вплоть до 1924 года. Но уже с 1919 и до конца 1923 года происходило постепенное изъятие церковных ценностей для сдачи их в Госфонд, в помощь голодающим Поволжья. Вскоре договор с религиозной общиной монастыря был расторгнут, храмы и колокольня опечатаны. Церковное имущество, имеющее художественное и историче-

ское значение, передали в Вологодский объединённый музей, а всё остальное — различным учреждениям. С середины 1920-х годов уже все монастырские храмы пребывали в запустении. Во Введенской церкви был устроен буфет и кино клуб, разыгрывались спектакли. Жилые и хозяйственные здания монастыря в разное время занимали: дом инвалидов, пересыльная тюрьма для раскулаченных, колония для несовершеннолетних преступников, а впоследствии и военные склады.

После ликвидации в 1924 году монастырской общины доступ на территорию монастыря стал свободным. За могилами некрополя смотреть было некому. За этот период некрополь монастыря был почти полностью уничтожен. Определить местонахождение многих из его захоронений уже не представляется возможным. Остатки прежнего некрополя в виде нескольких могильных плит можно ещё и сейчас увидеть на территории между Введенской, Екатерининской церквями и Спасо-Преображенским собором.

Что происходило с захоронением поэта и памятником на его могиле во время революционного лихолетья? Была ли потревожена могила? Документы, обнаруженные в Государственном архиве Вологодской области, свидетельствуют о состоянии могилы поэта в 1920–1930-е годы. В октябре 1926 года в Вологодский губмузей из Наркомпроса Главнауки поступает запрос о том, «зарегистрирован ли губмузеем памятник на могиле поэта К.Н. Батюшкова на кладбище б. Спасо-Прилуцкого монастыря, имеющий меморативное значение, и какие меры приняты к его охране»¹⁵. Затем, в марте 1927 года, из Москвы приходит ещё один запрос, в котором Комитет по охране могил великих людей просит «выяснить, в каком состоянии находится могила поэта Батюшкова, расположенная в 5-ти верстах от Вологды»¹⁶, и уведомить об этом.

В июне 1927 года сотрудники Вологодского областного музея Елизавета Александровна Пискова и Татьяна Сергеевна Бурлакина обследовали могилу К.Н. Батюшкова. Ими был составлен и отправлен в Москву акт о её состоянии, где сообщалось, что «памятник из белого мрамора, обнесённый

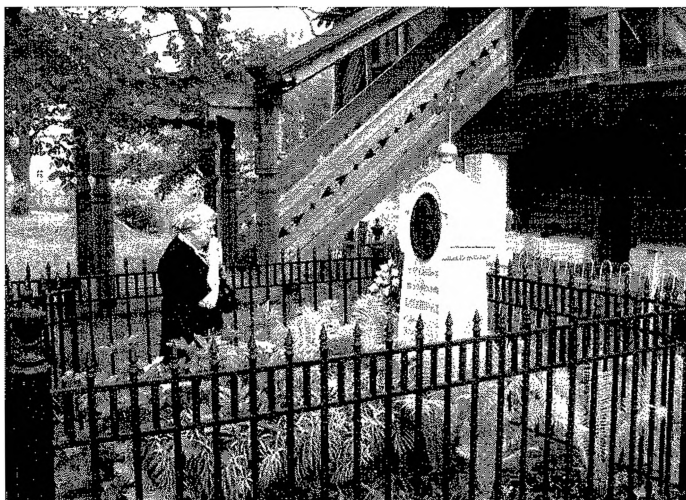
железной оградой, сохранился, но на лицевой стороне из круглой бронзированной рамы неизвестно когда похищен находившийся там *барельефный портрет поэта (курсив мой – И.Ч.)*. Впервые появляется упоминание о портрете поэта на надгробном памятнике.

Сообщение об утраченном портрете К.Н. Батюшкова на памятнике вновь встречаем у члена окружного общества краеведов, историка Николая Ивановича Лебедева¹⁷. В 1930 году Н.И. Лебедев при подготовке к 75-й годовщине со дня смерти К.Н. Батюшкова проводил обследование могилы поэта и надгробного памятника. В своём отчёте он писал: «Несмотря на то, что в последнее время в бывшем монастыре жило очень много высланных лишенцев, к общему удовольствию, я должен констатировать, что могила и надгробный памятник поэта Батюшкова сравнительно мало пострадали.

В то время, когда почти все остальные памятники на кладбище изломаны или уничтожены и представляют из себя «мерзость запустения», на общем фоне вандализма выделяется памятник Батюшкова. Сделан он из цельного куска мрамора высотой до 3 ½ метров¹⁸. На самом верш мраморного пьедестала уцелел небольшой, сделанный из металла (кажется, бронзы) крест, крепко сидящий в гнезде. Одним словом, памятник весьма цел. Только уничтожены все венки, которые раньше висели на памятнике (2 или 3), и совершенно уничтожен *медальон с портретом поэта (курсив мой – И.Ч.)*, который был вставлен вверху мраморного

Деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы и стела памятника с могилы К.Н. Батюшкова. Фото 1976 г.

*Препарирующая племянница
поэти Вера Борлиговна Ильинская
на могиле К.Н. Батюшкова.
Фото. 2005 г.*

памятника. Кругом памятника сохранилась небольшая, но крепко скованная ограда из железа»¹⁹.

Мог ли Н.И. Лебедев ошибаться и был ли портрет К.Н. Батюшкова на стеле в то время? Поскольку памятник был выше человеческого роста, а медальон, расположенный вверху стелы, находился выше уровня глаз и почти всегда был закрыт венками, то хорошо рассмотреть его практически было невозможно. Мнение об утраченном портрете поэта на стеле памятника скорее предположение, чем констатация факта.

Далее Н.И. Лебедев пишет, что «могила поэта, как и все кладбище, теперь никем не охраняется. Для приведения могилы Батюшкова в порядок, по моему мнению, следует укрепить (немного тут работы) кругом железную ограду, разбить кругом и в самой ограде клумбы с цветами, можно посадить несколько деревьев, сам памятник очистить и вымыть от всей грязи и надписей и, главное, крепко вставить *лучше барельеф (курсив мой – И.Ч.)* из какого-либо металла с изображением лица поэта или портрет под стеклом. По моему мнению, ремонт могилы можно сделать в 120 рублей».

В отчете Н.И. Лебедева нет упоминания о месте памятника, что естественно, так как памятник находился на своем первоначальном месте.

Но уже на фотографии 1948 года белый обелиск с могилы поэта можно видеть между двумя храмами: Введенской церковью и Спасо-Преображенским собором. Рядом с Екатерининской церковью его нет. Значит, он был перемещён со своего первоначального места, и это произошло между 1930 и 1948 годами.

В 1954 году Вологду посетил один из потомков рода Батюшковых художник Василий Николаевич Батюшков. Он выполнил несколько акварельных рисунков на местах, связанных с пребыванием в Вологде Константина Николаевича Батюшкова. На одном из них белый обелиск с могилы поэта находится рядом с Введенским храмом²⁰.

В начале 1950-х годов общественность Вологды готовилась отметить 100-летнюю годовщину со дня смерти поэта. Территорию вокруг памятника привели в порядок, разбили клумбы, высадили цветы. Белый обелиск поставили на постамент, сделали новые тумбы у ограды, на стеле восстановили крест. В это время на территории Спасо-Прилуцкого монастыря открылись реставрационные мастерские, начались работы по реставрации архитектурных памятников. Одновременно в монастырских зданиях находились военные склады, и доступ на территорию оставался закрытым.

В 1954 году на памятнике был установлен белый гипсовый барельеф с профилем поэта и датами жизни, выполненный скульптором Текусой Павловной Контаревой, а в 1961 году гипсовый барельеф заменили на бронзовый.

В октябре 1955 года Вологодским областным отделом по делам архитектуры был составлен паспорт исторического памятника на могиле К. Н. Батюшкова. В нём документально подтверждено состояние и расположение памятника в тот период на территории монастыря: «Могила К. Н. Батюшкова представляет собою надгробие, небольшой мраморный обелиск на кирпичном цоколе. Высота обелиска 1,8 метра. Памятник

расположен на территории памятника архитектуры бывшего Спасо-Прилуцкого монастыря между бывшим Спасским собором и Введенской церковью. Памятник в сохранности. Необходим текущий ремонт обитых граней памятника (obeliska) и восстановление надписи с позолотой, а также восстановить по старой форме завершение памятника»²¹. Из данной записи следует, что не только стела была перенесена, но и сделана имитация надгробия.

В начале 1960-х годов на территорию монастыря как памятник деревянной архитектуры XVI века привезена церковь Успения Пресвятой Богородицы из Александро-Куштского монастыря Кадниковского уезда и установлена рядом с Екатерининской церковью. Успенская церковь становится для нас ещё одним архитектурным ориентиром на территории монастыря.

На фотографиях 1970-х годов стела памятника с могилы К.Н. Батюшкова установлена с левой стороны от крыльца церкви, а не с правой, как сейчас. Рядом с углом Екатерининской церкви памятника нет.

С 1979 года большая часть территории и архитектурных памятников Спасо-Прилуцкого монастыря были переданы в ведение Вологодского областного краеведческого музея и до 1990 года находились под его охраной. На территории монастыря начали проводить экскурсии, устраивать выставки. Продолжалась реставрация архитектурных памятников, но по-прежнему воинские склады оставались в монастыре, и свободный доступ на территорию был закрыт.

В 1987 году в Вологде проходили Дни славянской письменности и праздничные мероприятия, посвящённые 200-летию со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова. На фотографии венки возложены к памятнику «на могиле» поэта²². Но за памятником не видно деревянной Успенской церкви, а за деревьями просматривается свободное пространство. Вероятно, памятник вновь был переставлен на более «удобное» место.

В 1990 году весь комплекс монастыря был передан Вологодской епархии. С этого периода на его территории вновь

открыт действующий Спасо-Прилуцкий Димитриев мужской монастырь. Территория монастыря благоустраивается. В 1993 году белый обелиск с могилы поэта был поставлен между углом Екатерининской церкви и крыльцом деревянной церкви Успения Пресвятой Богородицы. Перед этим никаких предварительных исследований захоронения не проводилось.

Несмотря на невзгоды в период революционного лихолетья, время пощадило подлинную стелу памятника могилы с именем великого русского поэта Константина Николаевича Батюшкова. Памятник на его могиле был поставлен в 1862 году его сестрой Варварой Николаевной Соколовой и семьёй племянника Григория Абрамовича Гревеница. Первоначальная высота памятника была около 2,5 метров. В верхней части стелы находился круглый медальон с изображением небесного покровителя поэта святого равноапостольного царя Константина. Несмотря на перенос стелы памятника, ни о каких повреждениях самого захоронения К.Н. Батюшкова сведений не обнаружено. Мы считаем, что могила поэта не была потревожена.

P.S. В 2005 году могилу поэта впервые посетила его праправнучатая племянница по линии старшей сестры Анны Николаевны Гревениц Вера Борисовна Ильинская²³. В настоящее время она живёт в Украине в городе Львове.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белов В. Над прахом в Прилуках // Литературная газета. 1987. № 22. Л.6.
2. Сорокин П. Некролог // Вологодские губернские ведомости. 1855. № 29. С.249-250.
3. Модест Гревениц родился 8 июля 1845 года, скончался 21 февраля 1850 года.
4. ГАВО, ф. 496, оп.8, д.190, л.771, об. 772. и там же: д.216, л. 576, об. 577.
5. ГАВО, ф.512, оп.1, д.723, л.6.
6. Добряков Г. На могиле Батюшкова: Очерк // Русская старина. 1910. Т.143. С.223-226.
7. Григорий Абрамович Гревениц был назначен указом Вологодского губернского правления опекуном К.Н.Батюшкова в январе 1833 года.
8. Подписи прочитать не удалось. Предполагаем, что статский советник — это Петр Гревениц, а архитектор — Александр Иванович Иваницкий.
9. ОР РНБ, ф. 50, оп.1, д.8.
10. ГАВО, ф. 473, оп.1, д. 18, л.3, об.4. Благодарю Е.А.Виноградову за указание на этот источник.

11. Петр Григорьевич Гревениц - сын опекуна поэта Григория Абрамовича Гревеница.
12. Памятник Батюшкову // Иллюстрированная газета. 1866. 13 янв. С. 23.
13. Архимандрит Анатолий (1832 – 1908) пребывал настоятелем монастыря в 1888 – 1908 гг.
14. Непеин С. Вологда прежде и теперь. – Вологда, 1906. - С.131.
15. Фото Корчагина Л.Ф. до 1899 года. ВГМЗ 31394/1 с негатива НГ-3791.
16. ГАВО, ф. 2038, оп. 1, д. 65, л. 38.
17. ГАВО, ф. 2038, оп. 1, д. 65, л. 39 – 40.
18. Лебедев Н. И. Отчёт / Н. И. Лебедев // ГАВО, ф. 4389, оп. 1, д. 135, л. 2–3 об.
19. Мы предполагаем, что в данном случае Н.И. Лебедевым допущена невольная ошибка и, вероятно, по той причине, что в начале 20-х годов XX века в стране осуществлялся переход на другую систему мер: аршины и вершки заменялись метрами и сантиметрами. И, вероятно, Н.И.Лебедев имел в виду высоту в аршинах.
20. Фото 1948 г.
21. Батюшков В. Н. Могила К. Н. Батюшкова : [рисунок] / В. Н. Батюшков // ВГИАХМЗ. Инв. № ВОКМ 9111.
22. Памятник на могиле К. Н. Батюшкова: паспорт № 10 // Архив АУК ВО «Вологда-реставрация».
23. Фото 1987 г. в Дни Славянской письменности и 200-летия со дня рождения К.Н.Батюшкова.
24. Фото 2005 г. Праправнучатая племянница поэта Вера Борисовна Ильинская на его могиле.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ

- ВГИАХМЗ – Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВГМЗ – Вологодский государственный музей-заповедник
ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.
ГАВО – Государственный архив Вологодской области.
ОР РНБ - Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

АБОНЕМЕНТ НА БИЛЕТ В КИНО БЕЗ ОЧЕРЕДИ

САВИН А. М. (МОСКВА)

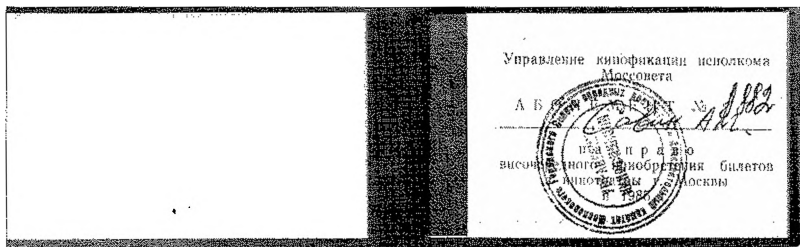
Если создатели всевозможных бонусов думают, что они в XXI-веке «открыли Америку» и ничего подобного до этого не было, то они глубоко заблуждаются. Было, и не только на «загнивавшем» Западе, но и у нас в Советском Союзе! В 80-е годы прошлого века в СССР активно практиковались всевозможные поощрения в виде продукции, которую выпускали различные предприятия, ведомства, организации. Среди них — такая замечательная вещь, как бесплатный абонемент. Так, в Управлении кинофикации Мосгорисполкома своих работников и сотрудников связанных с ними предприятий за хорошую работу поощряли абонеменстами на покупку билетов в кинотеатры БЕЗ ОЧЕРЕДИ! Кто жил в советское время, хорошо понимает, как это было важно. Ведь порой на новый кассовый фильм приходилось выстаивать огромные очереди без какой-либо уверенности, что попадешь на нужный сеанс или вообще сегодня в кино.

В этот период я работал одним из руководителей Московского городского Фотокинообъединения, а потому и стал обладателем таких абонементов и не на один год! Вроде и не пустяк, и приятно! Но в этом документе в тёмно-зелёной корочке были прописаны свои «Правила пользования абонементом»:

1. Билеты по абонементу продаются не позднее чем за 30 минут до начала сеанса.
2. На международные кинофестивали и приравненные к ним мероприятия абонемент не действителен.
3. При утере абонемент не возобновляется.

Абонемент предназначался на два лица и давал возможность раз в неделю приобретать билеты в любой кинотеатр Москвы в течение года.

Больше 30 лет прошло с тех пор, а я храню его как память и не столько как о периоде молодости и начале зрелости. Нет, он почему-то почти всегда навевает воспоминания далёкого дет-

*Так выглядел абонемент в кино
на 1985 год*

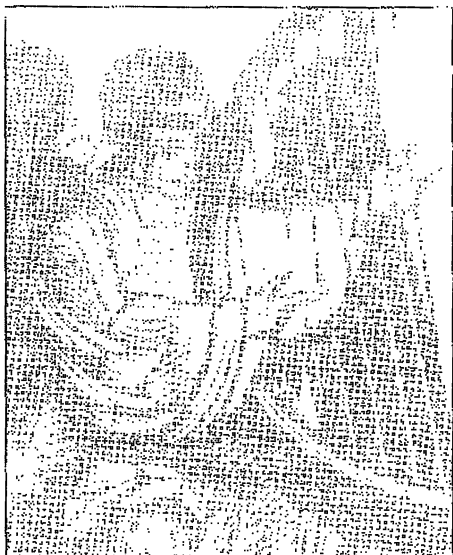
ства, когда поход в кино был для взрослых как «выход в свет». С ним мог сравниться только театр или музей. А для детворы — ни с чем не сравнимое удовольствие.

В 50-х годах моя семья проживала на 3-ей Мещанской, дом № 3 (в настоящее время — это ул.Щепкина). Вокруг было много кинотеатров, но я предпочитал «Хронику». Находился он на Сре-тенском бульваре, д.4 и специализировался в основном на доку-ментальных и научно-познавательных фильмах. Перед каждым сеансом там показывали мультфильмы, что и привлекало детвору. Но чаще всего посещал кинотеатр «Форум». Он был почти черед дорогу (Садовое кольцо). Очень любил, когда мы ходили туда всей семьёй. Это означало, что уже за час до начала сеанса мы будем в фойе, а там — живая музыка, ситро и удивительно вкусные пирож-ные. Мне кажется, я до сих пор чувствую вкус нежнейших (без до-бавок) эклеров, корзиночек с цукатами. Они особенно нравились. Думал, вырасту, куплю себе целую гору цукатов и сразу всю съем. Наверное, это мечта полуголодного послевоенного детства.

А ещё из воспоминаний — «знакомство» с Марком Берне-сом. Фильм с его участием «Дело № 306» смотрел не помню сколько раз. А знакомством это можно было назвать, конечно, условно. Просто в нашем дворе у Бернеса был гараж, в котором стояла его двухцветная «Победа», и мы зимой очищали крышу от снега, а знаменитый артист угощал нас за это мороженым.

Абонемент № А 882 выдан на фамилию Савин А.М. на 1985 год. Твёрдая корочка тёмно-зелёного цвета, которую я по-чему-то в том году почти не использовал, о чём свидетельствуют отрывные талоны. Наверное, были другие льготы, а, может, вре-мя начинало постепенно меняться...

С билеи

*В 2019 году несколько
крупнейших российских библиотек
отметили юбилейные даты:*

185 лет— Государственное бюджетное учреждение культуры Владимирской области «Владимирская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького»;

160 лет— Государственное бюджетное учреждение культуры «Амурская областная научная библиотека имени Н.Н. Муравьева-Амурского»;

155 лет— Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области «Воронежская областная универсальная научная библиотека им. И. С. Никитина»;

125 лет— Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека» (ДВГНБ);

125 лет— Государственное учреждение культуры «Забайкальская краевая универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина»;

120 лет— Государственное бюджетное учреждение культуры «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия»;

120 лет— Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Краснодарская краевая универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина»;

120 лет— Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина»;

120 лет— Государственное автономное учреждение культуры Свердловской области «Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В.Г. Белинского»;

115 лет— Государственное бюджетное учреждение культуры «Национальная библиотека Чеченской Республики им. А.А. Айдамирова»;

100 лет— Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Центральная универсальная научная библиотека им. Н.А. Некрасова»;

100 лет— Бюджетное учреждение культуры Вологодской области «Областная универсальная научная библиотека»;

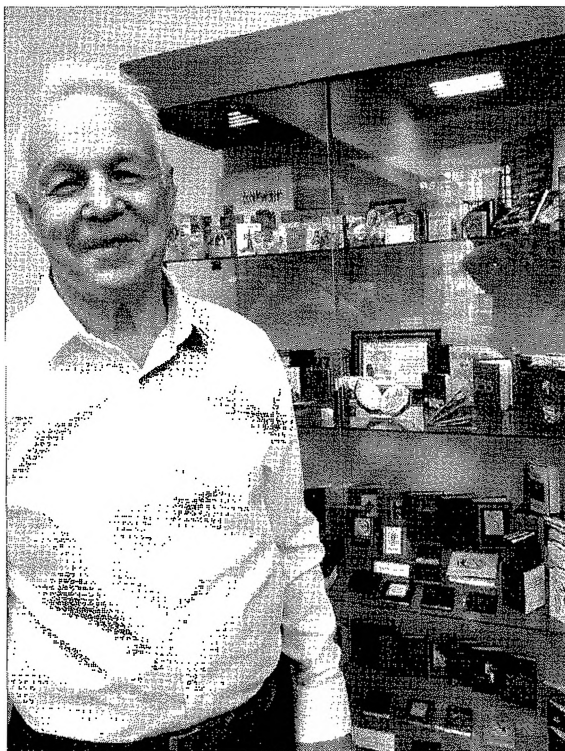
100 лет— Государственное автономное учреждение культуры Московской области «Московская губернская универсальная библиотека»;

50 лет— Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Российская государственная детская библиотека».

Поздравляем сотрудников всех перечисленных библиотек с юбилеем и желаем ещё долгие годы нести своим читателям знания и любовь к книге!

АЛЕКСАНДРУ МОИСЕЕВИЧУ ШЕХТЕРУ — 80 ЛЕТ!

Одному из старейших членов Московского клуба любителей миниатюрной книги Александру Моисеевичу Шехтеру в 2019 году исполнилось 80 лет. Дата солидная, но, как говорится, не про него. Всегда бодрый, энергичный, с радужной улыбкой на лице, он, кажется, всё время куда-то спешит: на встречу со школьниками или с издателем, в клуб или на выставку, — не забывая и про семью, и про любимую собаку, которую из жалости подобрал на улице, и про дачу, и про много ещё чего, одному ему известного.

А.М. Шехтер — писатель, поэт, издал более 50 собственных миниатюрных книг; одна из которых даже побывала в космосе.

А.М. Шехтер в Музее экслибриса и миниатюрной книги МСК

Для своих миниатюрок он избирает чаще всего нестандартный формат, так что они сразу легко узнаваемы. Многие из них пахотятся в Музее экслибриса и миниатюрной книги МСК. А в юбилейный год здесь состоялась его небольшая персональная выставка.

Александр Моисеевич родился 7 мая 1939 года в городе Дрезна Орехово-Зуевского района Московской области в се-

мье служащих. Окончил сначала Московский судомеханический техникум, а затем Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Ходил на судах рыболовецкого флота Мурмансксельдь. После службы в армии работал в ЦНИИЭП (центральном НИИ экспериментального проектирования) им.Б.С.Мезенцева. В начале 90-х годов начал писать стихи и сказки для детей. В 1993 году в издательстве «Столица» вышла первая книжка стихов.

А.М. Шехтер — член Российского союза писателей, по его произведениям создано около 30 песочных анимаций для детей и подростков.

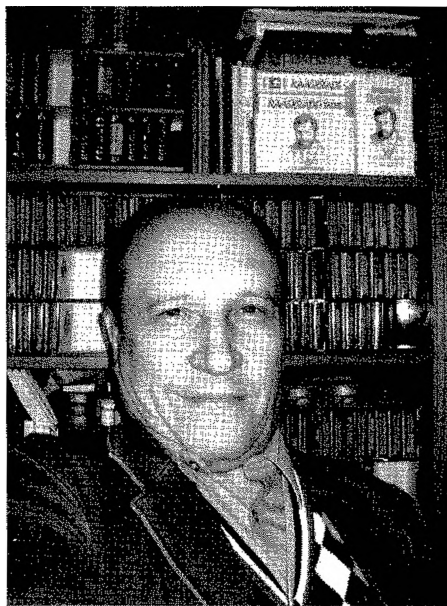
Поздравляем Александра Моисеевича с юбилеем и желаем ещё много лет оставаться столь же активным, бодрым и увлечённым, как сейчас!

ЛОЦМАН МОРЯ МИНИАТЮРНЫХ КНИГ

(к 70-летию А. И. Кармишина)

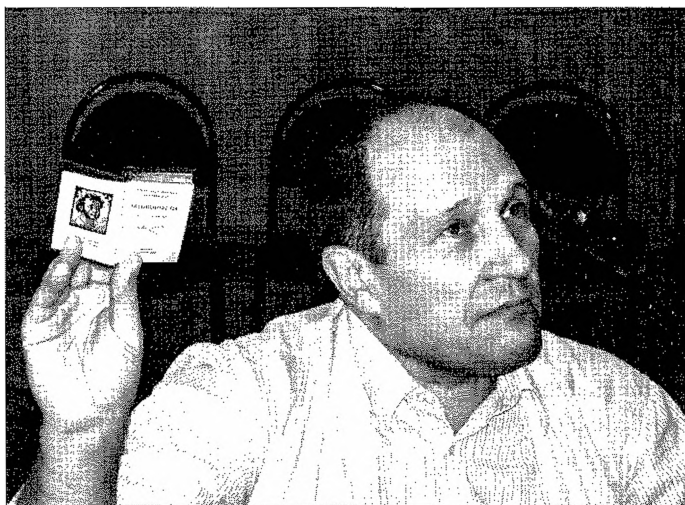
Громов А. Н. (Москва)

Судьба Анатолия Ивановича типична для поколения «послевоенных детей». Детство было нелёгким и коротким. После восьмого класса пошёл на Московский экспериментальный механический завод, которому затем отдал четверть века: от ученика слесаря до начальника планового бюро важнейшего на производстве сборочного цеха (наверное, отсюда его умение все «раскладывать по полочкам»). Школу заканчивал вечернюю, институт — заочный, потому что надо было самостоятельно утверждаться в жизни, деньги зарабатывать, молодую семью, в которой появились дети, кормить.

Анатолий Иванович отслужил, как полагается настоящему мужчине, в советской армии, да не где-нибудь, а на самом краю необъятной родины — на далёком Сахалине. Состоял в партии, работал в профсоюзном комитете, отстаивал интересы трудящихся, всегда имел своё мнение и был уважаем в коллективе. Страна ценила таких людей и, случалось, посылала в ответственные заграничные командировки. Наш молодой специалист оказался на два года работником советского Торгпредства в жаркой Ливии в совсем не плохие годы правления Муаммара Каддафи. Вернулся не куда-нибудь, а на родной завод, где и продолжал участвовать

А.И.Кармишин

*А.И. Каржинин на заседании
МКЛМК*

в выпуске для народного хозяйства разных сложных машин. В начале 1990-х годов СССР не стало, и Анатолию Ивановичу, как и всем советским людям, пришлось привыкать к новой жизни. Привык, обжился, выросил во втором браке успешную дочь, ждёт внуков. Вот такая обычная и достойная «советская» биография.

Каждому человеку необходимо что-то иметь «для души». Для Анатолия Ивановича духовной поддержкой стали книги. Первую библиотеку начал собирать сразу после прихода из армии. Её тематика была типичной для советских книголюбов — отечественная и зарубежная классика. Позже, в 1980-е годы, заинтересовался миниатюрными изданиями. Этот интерес захватил его и не отпускает вот уже почти полвека. Анатолий Иванович вошёл в круг любителей миниатюрных изданий, застал великих коллекционеров и исследователей мини-книг: П.Д. Почтовика, У.М. Спектора, А.Л. Бадалова, О.М. Виноградову, К.М. Ильина, Г.В. Галутина, М.П. Нестерову и др. В 1993 году он вступил в Московский клуб любителей миниатюрной книги (МКЛМК) и со временем стал подлинным летописцем этого старейшего в стране объединения «ми-

ниатюристов», выпуская мини-книги о деятельности клуба и его членов.

Коллекция миниатюрных книг А.И. Кармишина росла и со временем превысила 5000 книг. Но коллекционер не гнался за количеством книг в личном собрании, в нём проснулся исследователь этого интереснейшего, имеющего многовековую историю вида книжной продукции. Хотелось больше узнать об истории мини-книг, об их характерных особенностях. Началось внимательное изучение маленьких книжных сокровищ. Со временем появилось желание самому создавать миниатюрные книжки, ни в чём не уступающие своим большим собратьям. Пришлось многому научиться, освоить несколько профессий, изучить компьютерную и печатную технику, маркетинг и рекламное дело. Возникла семейная издательская фирма, в названии которой — «КармА+Т» — видны имена Анатолия Ивановича и его верной спутницы по жизни, супруги Татьяны.

Итог издательской деятельности А.И. Кармишина (лишь промежуточный, т.к. впереди ещё долгие годы работы) выглядит весьма внушительным. На сегодняшний день Анатолием Ивановичем единолично и в содружестве с другими издательствами выпущено более 550 (!) наименований миниатюрных книг. Среди них иллюстрированные издания русских и зарубежных классиков, книги по истории, детские книги, репринты, издания книговедческого и библиофильского характера и многое другое. Одна лишь «пушкинская» сюита содержит более ста мини-книг. Отметим также отлично оформленное издание «Истории государства российского» Н.М. Карамзина в двенадцати томах и уникальный проект — впервые изданная в миниатюрном формате серия из двухсот художественно-биографических книг «Жизнь замечательных людей», выпускавшаяся Ф.П. Павленковым в 1890–1915 гг.

Ещё одной, пожалуй, главной, заслугой А.И. Кармишина на издательской ниве следует считать выпуск более сорока каталогов и библиографических указателей миниатюрных книг. Среди них генеральные и ежегодные каталоги и библиогра-

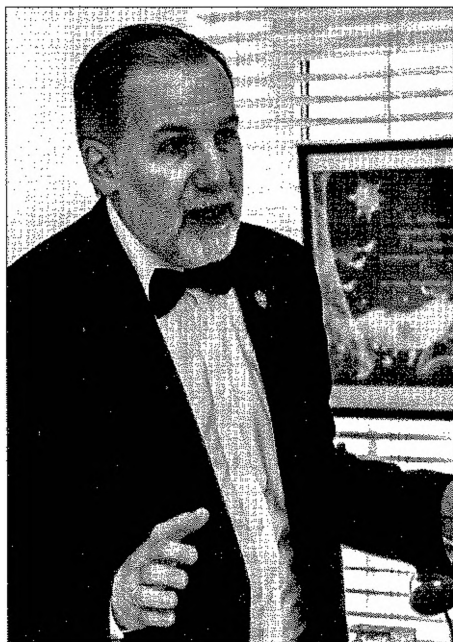
фические указатели российских миниатюрных книг, каталоги изданий клубов любителей миниатюрной книги, каталоги выставок и личных коллекций мини-книг. В изданном его стараниями генеральном каталоге «Миниатюрные книжные издания России, выпущенные до 1918 года» содержатся библиографические описания более 1200 миниатюрных книг против 234 описаний, что были приведены в первом подобном каталоге, изданном в 1975 году под руководством П.Д. Почтовика. Переняв эстафету у старших товарищей, А.И. Кармишин, бесспорно, является сегодня главным лоцманом большого моря российских мини-книг.

Не забудем отметить, что А.И. Кармишин — один из пионеров библиофильского движения в СССР. В уже далёком 1974 году он был делегатом от Перовского райкома ВЛКСМ на Учредительном съезде Всесоюзного добровольного общества любителей книги (ВОК). Годы спустя Международный союз книголюбов — правопреемник ВОК — наградил его медалью «Иван Фёдоров. Во имя и во славу Книги».

Анатолий Иванович всегда бодр, подтянут, элегантен и красиво одет. От него исходит особая энергия, говорящая о сильном и независимом характере. Пожелаем ему доброго здоровья, долгих лет жизни и новых свершений на библиофильском поприще.

ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО АРСЕНА МЕЛИТОНЯНА

Вот уже несколько лет каждое воскресенье в Музее экслибриса и миниатюрной книги МСК собираются удивительные люди — коллекционеры открыток, и наш зал на короткие несколько часов превращается в гудящий улей. Увлечённые своими шедеврами, филокартисты оживлённо беседуют, обмениваются, торгуются, приобретают друг у друга коллекционные открытки. Но главное здесь не это. Главное — радость общения с единомышленниками! А привёл их к нам замечательный человек — Президент Союза филокартистов России Арсен Аркадьевич Мелитонян, которому в этом году исполнилось 60 лет! Замечательный юбилей, когда уже можно многое подытожить, и в то же время — ещё многое впереди!

А.А. Мелитонян

Собирать открытки — «визитные карточки времени» — Арсен начал с детства. Первая тема — столицы государств мира. По этим открыткам он познавал мир во всём его многообразии, знакомился с архитектурой, историей, культурой. Впоследствии на основе собрания, которое оставил ему дедушка Аркадий Иосифович — известный архитектор, приобщивший внука к коллекционированию, — сформировал наиболее полное собрание открыток с видами Москвы, участвовал в создании нескольких книг и каталогов. Влияние деда сказалось и

на выборе профессии. В 1982 году Арсен окончил Московский архитектурный институт. Работал в различных проектных организациях, в 2000–2007 гг. был членом Экспертного совета по строительству, архитектуре и стройиндустрии Государственной Думы ФС РФ. Лауреат премий «Зодчество» (в составе авторского коллектива) и «Золотое сечение».

Но увлечение филокартией не оставляло А.А. Мелитоняна никогда, да и жизненные ситуации удачно способствовали этому. Путешествуя по Калифорнии, познакомился со своей будущей женой Кери, с которой уже отпраздновал серебряную свадьбу. Кери до сих пор помогает мужу, участвуя в его творческих проектах, а первый касался как раз истории Москвы в открытках. Сын Дмитрий пошёл по стопам отца и стал достаточно успешным архитектором. Дочь Лена, получившая актёрское образование, увлечена различными арт-проектами. Она подарила Арсену двух очаровательных внучек — Еву и Оливию. Ева прекрасно рисует и радует дедушку-художника, а он посвящает своим «солнышкам» замечательные стихи. Арсен Аркадьевич — автор нескольких книг, в том числе детских стихов, и более 60 публикаций. Он — член Творческого союза художников и Международной федерации художников, участник и организатор многочисленных художественных выставок, продюсер и менеджер культурных проектов, осуществлённых не только в России, но и во многих странах мира.

Можно ещё долго перечислять заслуги и звания А.А. Мелитоняна: все они — результат кропотливого и многолетнего труда, основной целью которого стало создание самых интересных проектов, отвечающих его «стремлению к развитию культуры как основы и конечной цели развития общества». Это не громкие слова — это его, Арсена Мелитоняна, жизненное кредо!

In Memoriam

«РОДНЫЕ ЛИЦА В ПАМЯТИ НЕ МЕРКНУТ»

БОРИСОВА И. С. (МОСКВА)

В нашем доме всегда было много книг. Домашнюю библиотеку создавала моя мама — Мария Леонтьевна Борисова. В августе 2017 года её не стало. Многие российские любители книги помнят эту жизнерадостную, обаятельную женщину, больше 30 лет на общественных началах работавшую во Всероссийском добровольном обществе книголюбов.

В юности Мария Леонтьевна окончила Калужское педагогическое училище и по распределению была направлена в город Балтийск Калининградской области. Здесь она работала пионервожатой, окончила Калининградский учительский институт, освоив профессию учителя русского языка и литературы. Эта профессия будто призвала её к служению Слову, Литературе, Книге. И, конечно, опиралась на безграничную любовь к детям, на талант педагога.

В Балтийске она вышла замуж за морского офицера, с которым в 1965 году уехала на Крайний Север в город Североморск и вскоре стала одним из лучших учителей-словесников города.

Благодаря солнечной жизненной энергии, Мария Леонтьевна всегда была «магнитом» для своих учеников, коллег и множества друзей. Широчайший круг позитивного

*Выпускница Калининградского
Учительского института
М.Л. Борисова.*

Организационный отдел ВДОК.

общения, незаурядные организаторские способности привлекли её к участию в организации Североморского городского отделения Общества любителей книги в 1974 году. На Учредительной конференции М. Л. Борисову избрали председателем городского отделения. В эти годы на базе библиотеки Северного Флота был создан Клуб книголюбов Североморска, который возглавил Владимир Васильевич Лобурев. Сотрудничество двух преданных книге людей переросло в долгую дружбу, помогло Североморским организации и Клубу стать лучшими в Мурманской области, обрести известность среди книголюбов России.

Прекрасно владея профессией учителя-словесника и педагогическим мастерством, Мария Леонтьевна обладала ещё и артистическим даром.

Думаю, что все, кто встречался с этой женщиной, были очарованы общением с ней, чувствовали себя во власти её обаяния и красноречия, удивлялись её способности читать стихи, танцевать, петь...

А стихов она знала множество! В любой ситуации, по любому поводу могла прочесть подходящие поэтические строчки. В поздние годы, оказавшись в больнице, она запомнилась пациентам и, особенно, медсёстрам и нянечкам как неисчерпаемый источник мудрых душевных «женских» стихов. Разбирая мамнины записи, я обнаружила огромное количество листочков с наспех записанными её стихами. Поверьте, многие из них кажутся поэтическим открытием неожиданных граней её личности. Оказалось, что далеко не все грани беспечно жизнерадостны...

Умчитесь прочь, МОИ РАЗДУМЬЯ НЕВЕСЕЛЫЕ.

Осенний день, МОЁ ТЫ СЕРДЦЕ НЕ СТУДИ.

Останься, МОЛОДОСТЬ, КРУЖИ, КАК ПРЕЖДЕ,

ГОЛОВУ!

Не уходи, прошу тебя, не уходи...

Ни одно дружеское или корпоративное собрание не обходилось без поэтических поздравлений Марии Леонтьевны. Эти стихи сегодня приобретают новый смысл. Пролежав много лет среди вороха разных записок, они звучат ещё более своевременно.

Мы в день рожденья думаем о многом,

Но есть ещё надежда впереди:

Мария Леонтьевна Борисова читает стихи. Всемирный день книги на Арбате

Проходим мыслью по былым дорогам,
 Чтобы точнее новыми пройти.
 Ведь человек и суевер, и грешен:
 Не отличает в быстром беге дней
 Немногие существенные вещи
 От многих несущественных вещей.
 Чему же только нас не овучали!
 Но, если всё до афоризма сжать,
 Желая вам и в счастье, и в печали
 Существенное в жизни отличать!

Да, с годами мы всё тоньше воспринимаем разницу между важным и преходящим. Трудно сказать, когда написаны строчки, посвящённые мужу. С ним пройден долгий путь, отпразднована «серебряная свадьба», пережито немало радостных и сложных событий. Стихотворение «открылось», когда поэтессы уже не было среди нас.

...Летят года. Из нас с тобой
 Неведомо, кому
 Встречать день свадьбы «золотой»
 Придётся одному...

Все, кто помнит Марию Леонтьевну, знают, как дорожила она дружбой, каким верным и весёлым другом была сама. В нашем доме гости были всегда. И до сих пор я сильно тоскую по тем праздникам, которые устраивались в нашем доме. С годами компании редели, не все уже могли легко примчаться по команде:

Друзья мои, давайте захотим!
 Давайте захотим и соверёмся!
 И дружескими стопками толкнёмся,
 И, как вывало, славно посидим...

Она всегда старалась создать вокруг себя атмосферу радости и праздника. Был у неё и свой секрет счастья, своё правило чудесное:

Помолюсь я Богу своему -
 Я живу по правилу чудесному -
 Это, чтоб всегда в моём дому

Было место Делу интересному.
Говорят, что, будто меж людей
Ходит скука злая, постнолика.
Там тоске и скуке веселей,
Где безделье мается великое.
Мне же чужда скуки маята.
С нею лясы у меня не точены.
Интересным делом занята
Я простор люблю, а не овочкины!
Вот, чему молюсь я. Одному.
Свято верю правилу чудесному:
Надо, чтоб всегда в моём доме
Место было делу интересному.

В августе 2019 года исполнилось два года, как Мария Леонтьевна покинула наш мир. Но мне до сих пор кажется, что она улетела в командировку, «зажигает» где-нибудь на далёком Севере или на берегу Тихого океана и повторяет любимые строчки: «Старость меня дома не застанет — я в дороге, я в пути!»

P.S. Музей экслибриса и миниатюрной книги МСК благодарит Ирину Сергеевну Борисову за мини-книги и значки ВОК-МСК, преподнесённые в дар и значительно пополнившие фонды музея.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ДЕСЯТЕРИК (1938–2019)

Чирва А. Н. (Москва)

В январе 2019 года на 82-м году жизни ушёл от нас славный человек — Владимир Ильич Десятерик. Всегда, когда покидают этот мир яркие личности, даже малознакомые, у любого человека, как мне кажется, возникает чувство осиротелости и одиночества. И почти осязаемым становится безответный вопрос: почему, ну, почему жизнь заканчивается небольшим холмиком на земле?!

В.И.Десятерик

Усиливается это чувство многократно, когда мы лишаемся близкого и дорогого нам человека.

Именно таким был для меня Владимир Ильич на протяжении долгих-долгих лет. Подтверждением тому его автограф на одной из последних подаренных мне книг. Это не просто автограф — это итоговые слова о смысле жизни, человеческом предназначении: *«Дорогой Анатолий Николаевич! Если бы кто-то в 1957 году, когда мы вместе с Юрой Мирошниченко и Николаем Сыпченко жили дружной коммуной в 125-й комнате студенческого общежития, сказал бы, что Анатолий Чирва, перешагнувший 80-летний рубеж, и Владимир Десятерик, приблизившийся к нему, будут 60 лет спустя в Москве обмениваться своими собственными книгами на тему о том, как важно с помощью чтения делать из себя человека, он бы только посмеялся. А зря! Мы ведь дожили, дружище, до этого светлого дня в наших судьбах! Москва. 19.06.2017 г.».*

Ключевая фраза: *«Делать из себя человека!»*. Всю свою жизнь Владимир Ильич подчинил этому девизу. Если обра-

титься к его биографии, то получится неприятный рассказ о том, как при помощи книжного богатства, попадавшего в его руки, он обретал радость творческого труда, плодотворно занимался самообразованием, расширял горизонты культуры, своего духовного мира. Делал это самозабвенно! Самоотверженно!

В одной из книг, говоря о своей должности советника Председателя Госкомиздата СССР, он сослался на слова старца Амвросия Оптинского, который *«говаривал, что давать советы — это всё равно, что бросать с колокольни маленькие камешки, а исполнять их — большие камни на колокольню втаскивать»*. Я думаю, что на протяжении всей жизни его плечо не уставало таскать камни возложенных на себя трудовых обязанностей, которые были непростыми: секретарь Днепропетровского горкома комсомола, редактор молодёжных газет, а далее работал в ЦК ВЛКСМ, в газете «Комсомольская правда», в Госкомиздате СССР, возглавлял издательство «Молодая гвардия», киностудию «Мосфильм»; занимался исследовательской деятельностью в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, долгие годы руководил издательствами «Фонд имени И.Д. Сытина» и «Зарницы».

В издательской деятельности В.И. Десятерика особое место занимают миниатюрные книги. Он выпустил свыше 150 наименований общим тиражом около полумиллиона экземпляров. Многие переиздавались по два-три раза. Главный критерий — книга маленькая, но содержание должно быть большим. Читателю всегда предлагались оригинальные литературные труды, заставляющие его, читателя, делать открытие. Пускай не большое, но всё же открытие. Нужно ли говорить о том, что при отборе книг для изданий Владимир Ильич руководствовался огромным собственным опытом, накопленным во время многочисленных встреч с выдающимися писателями, мастерами культуры. Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Юрий Бондарев, Василий Белов, Чингиз Айтматов, Егор Исеев, Лев Ошанин, Сергей Бондарчук, Семён Гейченко, супруга первого космонавта Валентина Гагарина и многие другие

известные личности повлияли на формирование взглядов на жизнь Владимира Ильича.

Родился в селе Китайгород в Царичанском районе на Днепропетровщине, а потом более полувека жил и работал в Москве — недалеко от Китай-города и Московского Кремля. Удивительное географическое совпадение, о котором Владимир Ильич часто с улыбкой говорил: «От Китайгорода до Китай-города!»

О своём детстве в книге «Дар судьбы» он написал: «...1950-й год. Бедным было наше село. Ни одной электрической лампочки в нем, ни одного радиоприемника! О телевизорах тогда и не мечтали. Вы скажете, как грустно нам жилось. Ничего подобного. Мы были счастливы! Был мир. Мы ходили в школу». Эти потрясающие строчки автора — его стойкое убеждение в том, что счастье — не результат чего-то, не следствие какой-то достигнутой цели, а мироощущение, мировосприятие, миропонимание. Свою формулу счастья он подтверждал часто встречающимися названиями разделов в книгах: «Счастье быть рядом с таким человеком», «Счастье встретить мудрого старца» и т.д.

Он был, конечно, счастливым человеком, и фортуна улыбалась ему не только на ступеньках карьерной лестницы. Прекрасная семья: любимая жена Зинаида Павловна Полтавченко, верный соратник и спутник, друг и помощник, с которой он прожил более 60 лет и смог пережить её только на три месяца. Замечательная дочь Марина, внуки и правнуки. Судьба ему даровала незабываемые дни и годы.

В.И. Десятерик — автор более двух десятков книг и брошюр, вышедших на русском языке и языках народов зарубежных стран, лауреат премии Ленинского комсомола и Бунинской премии, доктор исторических наук, член Союза писателей России.

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА НИКОЛЬСКАЯ (1939-2019)

ГРОМОВ А.Н. (МОСКВА)

С.Н. Никольская родилась в 1939 году в Москве. Она окончила филологический факультет МГУ, защитила кандидатскую и докторскую диссертации, долгие годы работала в Институте русского языка АН СССР. Её научные изыскания были посвящены проблемам фонетики и фонологии русского языка. В составе коллектива под руководством академика Ю.Н. Шведовой работала над фундаментальным трудом «Русская грамматика», за что получила Государственную премию СССР (1982).

Личные духовно-нравственные поиски Светланы Николаевны тесно примыкали к её профессиональной деятельности и были связаны с литературой и живописью. Её первые живописные опыты относились к середине 1990-х годов. В то время она посещала занятия в Заочном народном университете искусств, позднее, с 2003 года стала участником мастер-классов Зураба Церетели в его Галерее искусств. Светлана Николаевна быстро вошла в художественный мир Москвы, стала выставляться в галереях и выставочных залах, в том числе в Музее декоративно-прикладного искусства, Центральном доме художника, Музее наивного искусства, «Народной галерее» на Покровке, Еврейском культурном центре и на других площадках. Она писала картины масляными красками, создавала портреты темперой и гуашью. Её портретные работы, посвящённые 60-летию победы в Великой Отечественной войне, выставлялись в Доме Правительства РФ и Международном художественном фонде.

В 2001 году Светлана Николаевна вступила в Московский клуб любителей миниатюрной книги (МКЛМК), с 2004 по 2009 гг. была его председателем. В этот период времени у неё проявился интерес к малым графическим формам, и она заня-

С.Н.Николаевская

лась изготовлением миниатюрных рукописных книжек, — своеобразных «книг художника». Её графический стиль глубоко индивидуален, совмещает манеры наивного искусства с образцами графики больших мастеров книжной иллюстрации. Её рисунки легко узнаваемы и не похожи на рисунки других художников. В жанре рукописной миниатюрной книги Светланой Николаевной были созданы циклы работ по поэтике Серебряного века, по армянской и еврейской тематике. Её миниатюрные книжки выходили, помимо русского, на других славянских языках, они по-

свящались славным историческим датам российской и мировой истории, выдающимся

личностям. Эти творения рук Светланы Николаевны экспонировались на выставках в Москве и других российских городах, на знаменитой Франкфуртской книжной ярмарке. Рукописные книги, выполненные Светланой Николаевной, находятся в фондах различных российских и иностранных библиотек, в том числе в Российской государственной библиотеке искусств, Государственном литературном музее, Музее экслибриса и миниатюрной книги Международного союза книголюбов (Москва) и Александрийской библиотеки (Египет), а также в частных коллекциях в России и за рубежом.

С марта 2009 года Светлана Николаевна стала руководить созданным по её задумке творческим объединением «Авторская рукописная книга. ТО АРК». Сегодня это широко известная организация, объединяющая самодеятельных художников и любителей книги. Её члены постоянно участвуют в книжных выставках как в России, так и за рубежом. Судьбе было угодно, чтобы юбилейное заседание ТО АРК, посвящён-

ное его десятилетие, прошло в день, когда Светланы Николаевны не стало.

С.Н. Никольская снискала заслуженное признание и уважение членов профессиональных книжных и художественных сообществ, а также многочисленных любителей книги. Она являлась членом Союза литераторов России (секция авторской книги «Новая книга»), Творческого союза профессиональных художников России, Международного художественного фонда, Международной федерации художников при ЮНЕСКО. В 2006 году была награждена медалью «Иван Фёдоров . Во имя и во славу Книги» МСК. Светлана Николаевна была активным членом РОО «Национальный союз библиофилов».

Основу личной библиотеки С.Н. Никольской составляют книги по славянской филологии, по теории и истории языка, словари, памятники письменности, а также собрания сочинений классиков, книги отечественных и зарубежных авторов с иллюстрациями известных художников, миниатюрные издания, в том числе печатные и рукописные книги собственного изготовления. В библиотеке представлены также антикварные и библиофильские книги 19–20 вв. Для личной библиотеки Светланой Николаевной были исполнены два автоэкслибриса.

Все библиофилы будут с теплотой вспоминать Светлану Николаевну Никольскую, большого любителя и знатока Книги, доброго и отзывчивого товарища.

Ольга Михайловна Виноградова (1921–2019)

Вяткин М. Г., Балаклиенко Ю. М.
(Москва)

21 марта 2019 года после тяжёлой продолжительной болезни на 98-м году ушла из жизни Ольга Михайловна Виноградова — известный полиграфист и издатель, член Московского клуба любителей миниатюрной книги (МКЛМК) с 1971 года, Почётный член МКЛМК.

Виноградова О.М. (в девичестве Игнатова) родилась 7 (по паспорту — 8) октября 1921 года в деревне Храбрищево Тульской области. Комсомолка-активистка в школе, она участвовала в художественной самодеятельности,

Виноградова О. М.

писала стихи, отправляя их на местное радио. Они, очевидно, были неплохими, потому что после окончания школы ей даже посоветовали поступать в театральный институт. В Москве, осмотревшись, осознала — не её эта актерская профессия. Сама по справочникам выбрала геодезический институт, факультет аэрофотосъёмки. Кажется, что до полиграфии было ещё далеко.

Когда началась война, в институте создали аэросъёмочную школу с ускоренным обучением. Пошла на фотолабораторное направление. В октябре 1941 года институт (и школу) эвакуировали в Ташкент. Напряжённая учёба, практика на картографическом предприятии (приготовление растворов, формные процессы, печать — это уже полиграфия!..).

В 1943 году институт вернулся в Москву. После защиты диплома техника-химика Виноградову направили начальником

фотолаборатории на картографический комбинат им. Молотова. Фронту нужны карты! Всё надо было делать очень быстро. Работали, не выходя из помещений, по несколько суток. Так началась трудовая деятельность Ольги Михайловны. После окончания войны трудилась на Гозпаке, постепенно продвигаясь по службе — от техника до начальника цеха, а в мае 1961 года переведена на должность директора типографии издательства «Советский художник» (с декабря 1963 года типография переименована в Московскую типографию № 5), где проработала 16 лет.

Об этом этапе жизни О.М. Виноградовой рассказывает журналист Яков Бейлинсон в статье «Товарищ директор» («Книжное обозрение». 1976. № 1): «Типография выпускает великолепные многокрасочные альбомы, факсимильные издания. Семь изданий отмечены дипломами Международной выставки «Книга-75». О чём мечтается Ольге Михайловне? Чтоб самыми красивыми на свете были её книги. А к началу учебного года сдать корпус ПТУ. Построить жилой дом для работников типографии...».

В Московской типографии № 5 были напечатаны многие издания издательства «Изобразительное искусство». Так, в серии «Образ и цвет» выпускались альбомы В. Серова, К. Коро, А. Матисса... Каждый альбом серии представлял работы определённого художника в одном из музеев Советского Союза. Задача серии состояла в том, чтобы показать мастерство художника в двух аспектах: образного восприятия и живописной трактовки. Всего 36 выпусков тиражами по 40000 экз. на 28 страницах — для массового читателя: мягкая обложка, суперобложка, формат 70x108/8 (265x340 мм). По инициативе и при непосредственном участии Ольги Михайловны типография разработала технологию и освоила производство полиграфическим способом полноцветных платков — «Павлово-Посадские платки».

Первый Председатель правления МКЛМК Павел Давыдович Почтовик сразу же после основания Клуба привлёк О.М. Виноградову к решению проблем тиражного издания миниатюрных книг. Она помогала разрабатывать основные

подходы к организации выпуска мини-изданий, рекомендовала форматы, оформление, виды печати, тематику изданий. В Москве основными издательствами, выпускавшими миниатюрные книги, были «Книга» и «Художественная литература», а основная типография — Московская № 5. В ней под руководством О.М. Виноградовой проводили исследования по выбору оптимальных технологий и подбору полиграфического оборудования для «тиражного» выпуска мини-книг.

Миниатюрная книга Е.Л. Немировского и О.М. Виноградовой «Миниатюрные книги: Вчера, сегодня, завтра» (М.: Книга, 1977. 256 с., ил. 70x98 мм, 3000 экз.) напечатана в Московской типографии № 5) и сегодня является отличным источником информации для полиграфистов и коллекционеров.

Во время поездки по Италии в составе делегации полиграфистов О.М. Виноградова побывала в типографии, где были сгруппированы машины для высокой, офсетной и трафаретной печати. Это существенно расширяло возможности типографии для выпуска изобразительной продукции. Итальянцы согласились спроектировать такое производство мирового уровня для нашей страны, получили разрешение правительственных органов, заключили договор, но, когда всё было готово для строительства здания, руководство сменилось, проект закрыли, не заплатив итальянцам. От такого удара судьбы, от стыда за страну, Ольга Михайловна ушла из типографии. Полиграфическую деятельность сменила на издательскую и проработала много лет в различных издательствах — «Атомиздат», «Планета», «Руссо».

Особый период в жизни Ольги Михайловны связан со Всесоюзным обществом книголюбов (ВОК). Он начался в 1971 году с активного участия в работе МКЛМК, а продолжился с небольшими перерывами вплоть до конца 1994 года, когда она работала уже директором издательского центра Международного союза книголюбов. Под её руководством в ВОК — МСК были изданы десятки миниатюрных книг, серия сказок народов мира, много томное издание произведений В. Пикуля и настоящие фолианты томов антологий мировой поэзии, сказок, классики. В начале 90-х прошлого века страну охватил настоящий книжный бум:

ушёл дефицит, и можно было купить практически любое издание. Проявилась коммерческая жилка Виноградской. За томами Пикуля выстраивались очереди в коридорах МСК.

На пенсию Ольга Михайловна Виноградова вышла 31 декабря 2004 года на 84 году жизни! Её непрерывный производственный стаж более 61 года!

О.М. Виноградова награждена Орденом «Знак Почёта», бронзовыми медалями ВДНХ «За активное участие в народном хозяйстве», медалью «Ветеран труда», юбилейными медалями к 50-, 60- и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, почётными знаками от различных обществ книголюбов, а также почётными грамотами за участие в книжных выставках. В 2004 году Международный союз книголюбов наградил О.М. Виноградову медалью «Иван Фёдоров. Во имя и во славу Книги».

В 2011 году Ольге Михайловне исполнилось 90 лет. В отраслевом журнале «Полиграфия» (2012. № 1. С. 61–63) была напечатана статья: О.М. Виноградова «Я хотела делать самые красивые на свете книги!», подготовленная главным редактором журнала Натальей Кондратьевой.

В декабре 2013 года мы пригласили ветерана полиграфии миниатюрных книг на специальное заседание Клуба, посвящённое её деятельности. Выступление Ольги Михайловны, беседа с ней о проблемах полиграфии и коллекционирования миниатюрных книг «вчера и в настоящее время» никого не оставили равнодушным. Все единогласно решили присвоить О.М. Виноградской звание «Почетный член МКЛМК», думаем, что ей это было приятно. Последние два года в связи с травмой она была прикована к постели. Общаться с ней приходилось, в основном, по телефону. Бодрость духа её не покидала.

«Я пережил и многое, и многих...», — писал П. Вяземский. На прощании с Ольгой Михайловной были только родственники и члены МКЛМ. Полиграфистов не было — до соратников не дозвониться, а, может, просто многие уже давно ушли в мир иной.

Светлая память Вам, Ольга Михайловна!

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Балаклиенко Юрий Михайлович, член Московского клуба любителей миниатюрной книги (г. Москва).

Борисова Ирина Сергеевна, театровед, журналист, библиофил (г. Москва).

Вяткин Михаил Григорьевич, член Московского клуба любителей миниатюрной книги (г. Москва).

Громов Александр Николаевич, кандидат технических наук, инженер-радиотехник, член Совета РОО «Национальный союз библиофилов», вице-президент Международного общества пушкинистов (г. Москва).

Жашуева Лейла Хсаровна, научный сотрудник Мемориального дома-музея К.Ш. Кулиева (г. Нальчик).

Земкова Наталья Николаевна, заведующая отделом редких книг и работы с книжными памятниками ГБУК «Национальная библиотека им. А.С. Пушкина Республики Мордовия» (г. Саранск).

Злочевский Гарольд Давидович, кандидат технических наук, член Союза писателей Москвы, член Национального союза библиофилов, автор более 160 публикаций, а также нескольких книг (г. Москва).

Кацев Александр Самуилович, заведующий кафедрой международной журналистики, профессор Киргизско-Российского Славянского университета (г. Бишкек, Кыргызстан).

Лизогубов Роман Андреевич, библиофил, член Совета РОО «Национальный союз библиофилов» (г. Саратов).

Морковина Анна Юрьевна, главный библиотекарь, заведующая Пушкинским сектором Саратовской областной библиотеки для детей и юношества им. А.С. Пушкина (г. Саратов).

Опритова Татьяна Андреевна, Заслуженный работник культуры РФ, главный библиотекарь библиотеки-филиала № 1 им. К.В. Плехановой МБУ «Централизованная би-

блиотечная система» города Тамбова, автор книги «История библиотеки № 1 им. К.В. Плехановой. 1919–2009. Открытые тайны архивов», ряда статей в профессиональных журналах (г. Тамбов).

Покатов Валерий Владимирович, член Московского союза художников и Московского союза журналистов, главный художник издательства «Пашков Дом» ФГУ «Российская государственная библиотека», Президент Российской ассоциации экслибриса МСК (г. Москва).

Савин Андрей Михайлович, выпускник Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева, коллекционер, имеет хорошую семейную библиотеку (г. Москва).

Саутина Наталия Ивановна, научный сотрудник, начальник фотоотдела Филиала Российской академии художеств в Санкт-Петербурге «Центр научных учреждений РАХ» (г. Санкт-Петербург).

Семибратов Владимир Константинович, кандидат культурологии, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Кировского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, член Союза писателей России, автор около 300 научных публикаций и ряда изданных в Москве и Кирове книг литературоведческой, культурологической, религиоведческой и краеведческой тематик, а также трёх стихотворных сборников, лауреат премий им. Е.Д. Петряева и Н.А. Заболоцкого (г. Киров).

Строганов Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор РГУ им. А.Н. Косыгина, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. М. Горького, известный учёный-пушкиновед (г. Москва).

Тетерин (Архангельский) Александр Александрович, краевед, библиофил, коллекционер, составитель и издатель нескольких десятков малотиражных библиофильских изданий, участник ряда выпусков альманаха «Невский библиофил». Систематически публикуется в периодиче-

ских и продолжающихся всероссийских и региональных изданиях (г. Тосно Ленинградской области).

Чачуа Марина Михайловна (литературный псевдоним **Марина Ламар**), публицист, писатель, поэт (г. Тбилиси, Грузия).

Чекалова Ирина Васильевна, краевед (г. Вологда).

Чирва Анатолий Николаевич, кандидат педагогических наук, член Союза писателей России, автор ряда книг (г. Москва).

Шустрова Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, член Союза журналистов России, Председатель Совета Международного союза книголюбов, директор Музея экслибриса и миниатюрной книги МСК (г. Москва).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов О.Ю. 56
Адлер В.Ф. 63, 67,
70
Айвазовский И.К. 84
Айтматов Ч. 207
Александр I 49, 115
Александр II 49, 76
Александр III 49
Алексеев Н.И. 59
Алехин А.А. 53
Аникушин М.К. 84
Анисимов И.Г. 44
Анненков П.В. 87
Антонов В.В. 56
Аракелян Ф.А. 56
Архипова С.Н. 78
Асеев Н.Н. 51
Багрицкий Э. 134
Бадалов А.Л. 194
Баевский С.В. 132
Баженов В.И. 89
Балакленко Ю.М. 212,
216
Балин 84
Барановский Н.Ф. 66
Батюшков В.Н. 181
Батюшков К.Н. 116,
124, 132, 170-184
Батюшков П.Н. 171
Батюшкова А.Н. 173
Бахмутов С.Б. 76
Бахтин М.М. 77
Белашова Е.Ф. 84
Белинский В.Г. 81, 85,
163, 164, 169
Белов В. 183, 207
Белюкин Д.А. 76, 84
Бенуа А. 65, 102
Бернес М. 186
Бехер И.Р. 52
Билибин И.Я. 65, 83
Благой Д.Д. 42, 45
Бодлер Ш.П. 52
Бондарев Ю. 207
Бондарчук С. 207
Борисова И.С. 201, 205,
216
Борисова М.Л. 201-205
Борисова Н.А. 132
Бочаров М.И. 66
Брехт О. 52
Брюлин И. 44
Брюллов К. 83
Бурлакина Т.С. 179
Валуев П.А. 172
Вардугин В.И. 59
Василевский В.П. 29, 33
Васильев П. 134
Васнецов В. 83
Веллер М.И. 160-169
Вергилий 115
Верн Ж. 27, 28, 35, 94
Вивьен И.Е. 83
Виноградов Е.А. 184
Виноградова О.М. 6,
194, 212-215
Власов А. 35
Войно-Ясенецкий В.Ф.
27
Волкова Т.В. 34
Вольф М.О. 75
Вревская Е.Н. 117
Врубель М. 83
Вульф А.Н. 123
Вульф И.П. 115, 117,
122
Вульф Н.И. 123
Вяткин М.Г. 212, 216
Вячеславов П.Л. 45
Гагарина В. 207
Галутин Г.В. 194
Гальберг С.И. 84
Ганский В.М. 61
Гейкель А.О. 74
Гейне Г. 52
Гейченко С. 207
Геснер С. 122
Гессе Г. 166
Гёте В. 52, 75, 163
Гиппиус Г.А. 83
Гоголь Н.В. 72, 75, 81,
162
Гоголина И. 56
Головановский С.А. 45
Головин В. 145
Голубов С. 41
Гомер 94, 111, 115
Гончаров И.А. 94
Горбатов В. 134
Гордин А.М. 131
Городцов В.А. 70
Горький М. 52, 134
Гребнев Н. 159
Гревениц А.Н. 173, 183
Гревениц Г.А. 171, 173,
183
Григорьев И.К. 135-137
Громов А.Н. 193, 209,
216
Гроссман Л.П. 94
Гусев Г.М. 89
Гусева А.А. 9
Гюго В. 94
Демидов И.П. 76, 78
Денике В.П. 68
Державин Г.Р. 74, 115
Десятерик В.И. 6,
206-208
Дефо Д. 34
Диккенс Ч. 94
Дмитриев И.И. 124, 132
Дмитриевский И.Л. 115
Добряков Г.И. 171, 183
Добужинский М.В. 69,
83
Долматова Т.М. 62, 69
Достоевский Ф.М. 162,
164
Друтанов И.А. 56
Дульский П.М. 5, 62-70
Дункан А. 133
Дюма А. 28, 94, 95
Екатерина II 49
Епифанов Г.Д. 6, 93-112
Есенин С.А. 133, 134

- Жашуева Л.Х. 153, 216
 Жуков Г.К. 40
 Жуковский В.А. 84, 116, 124
 Заколпский Н.Н. 76
 Зворыкин Б.В. 83
 Звигишцева В. 159
 Зеленин Д.К. 68
 Земкова Н.П. 71, 78, 216
 Зернова А.С. 9
 Злочевский Г.Д. 46, 216
 Зошенко М.М. 94
 Ибаррури Р. 40
 Ибсен Г. 94
 Иванова Р.К. 27
 Ивницкий А.И. 184
 Ильин И.А. 36
 Ильин К.М. 194
 Ильинская В.Б. 180, 183
 Иорданский М.В. 44
 Иришеев. 119, 127
 Исаев Е. 207
 Ицеев П.В. 76
 Каверин В. 35
 Кадафи М. 193
 Казаков М.Ф. 89
 Калаушин М.М. 45
 Каланшиков Н.М. 50
 Калмыкова В.В. 55
 Калтемир А.Д. 115
 Кашаблака Х. 53
 Карамзин Н.М. 94, 95, 116, 124
 Кармишил А.И. 193-196
 Карпов А.Е. 56
 Кассиль Л. 35, 57
 Катаев В. 35
 Катков М.И. 49
 Кацев А.С. 147, 216
 Кедрин Д. 159
 Керн А.П. 115, 121, 131
 Киплинг Р. 44
 Кипренский О. 82
 Кистанова Т.В. 78
 Коган П.С. 76
 Комов О.К. 84
 Константинов Ф.Д. 83, 90
 Конгарева Т.П. 181
 Кончаловский П.П. 84
 Корелецкий Г.Б. 5, 140-146
 Коржавин Н. 159
 Корнель 122
 Коро К. 213
 Коровин К. 65
 Корчагин Л.Ф. 184
 Кострюкова Л.В. 58, 61
 Костылев Ю. 44
 Кочеткова Г.Д. 122, 131
 Кравец Г.Д. 202
 Кравченко А.И. 83
 Кристи А. 46
 Крупская Н.К. 134
 Кудрявцев П.С. 37
 Кузнецов П.В. 58
 Кузнецов С.К. 74
 Кулиев К.Ш. 153-159
 Кулер Ф. 27, 35
 Кулрин А.И. 42, 45
 Кустодиев Б. 65
 Лаврский Н. 66
 Лансере Э. 29
 Ласкер Э. 53
 Лебедев Н.И. 179, 180, 184
 Леванов Г.А. 69
 Левенсон А.А. 46, 48
 Левкович Я.Л. 132
 Леонов Л. 207
 Леонтьев П.М. 49
 Леонтьева М.Б. 6
 Лермонгов М.Ю. 52, 72
 Лесков Н.С. 94
 Лизогубов Р.А. 6, 9, 216
 Линев И.Л. 83
 Липкин С. 159
 Лихачёв А.Ф. 63, 64
 Лихачёв Л.С. 88
 Лобурев В.В. 202
 Ломоносов М.В. 73, 94
 Лондон Д. 25, 27
 Лосенков А.И. 115
 Логман Ю.М. 132
 Лукомский Г.К. 69
 Лукьянов Л. 175
 Лурье А.А. 29
 Львов Н.А. 115, 116
 Любомузров А.А. 76
 Лялин В.И. 73
 Майков В. 74
 Маймин Е.А. 132
 Макаров В.А. 90
 Макаров И.К. 75
 Малапарте К. 41
 Мандельштам О.Э. 51
 Маркс А.Ф. 25, 42, 75
 Маркс К. 135
 Масалов И.Ф. 46, 50, 56
 Матисс А. 213
 Машков И.П. 49
 Маяковский В.В. 51, 52, 94
 Медведев Ф. 137
 Мелитонян А.А. 197-198
 Мелихова Л.С. 77
 Мирошниченко Ю. 206
 Михайлов А. 56
 Михалков С. 76
 Михельсон В.А. 43
 Млодик А. 35
 Модзалевский Б.Л. 132
 Моисеев Е.Е. 84
 Молчанов М.М. 25
 Молчанова В.М. 30
 Морковина А.Ю. 5, 57, 216
 Мозг С. 163
 Муравьев М.Н. 115-132
 Муравьев Н.А. 122
 Муравьева А.Ф. 115
 Назаревский В.В. 46, 49, 50, 55
 Наполеон. 164
 Нейштадт В.И. 50, 53, 55
 Непеин С.А. 177
 Непомнящий В. 91
 Нестерова М.П. 194
 Николай I. 49
 Никольская С.Н. 6, 209-211
 Поздрев В.Ф. 37
 Опекушин А.М. 84
 Опритова Т.А. 23, 216
 Оптинский А. 207

- Орлов Д.В. 26
 Орлов Д.Д. 24, 28, 31
 Орлова В.Д. 24, 27, 34
 Орлова Е.Г. 24
 Орнатов П. 74
 Осалов 116
 Осетров Е.И. 5, 42, 45
 Остроумова-Лебедева
 А.П. 101
 Ошанин Л. 207
 Павленков Ф.П. 195
 Павлова Е.В. 84, 92
 Пальгина О.А. 78
 Панин И. 145
 Пашев А.С. 5, 57-61
 Пастернак В.Л. 51, 134,
 156
 Пискарев Н.И. 101
 Пискова Е.А. 178
 Платунова А.Г. 65
 Подковырова В. 56
 Покатов В.В. 6, 81, 217
 Полежаев А.И. 74
 Полтавченко З.П. 208
 Попков В.Е. 84
 Поповский Н.Н. 115
 Почтовик П.Д. 194, 196,
 213
 Прокопович Ф. 115
 Пушкин А.С. 25, 35, 42,
 52, 54, 59, 72, 77, 81-
 92, 100, 117, 124-132,
 162
 Пушкин Г.Г. 76
 Пушкин С.Л. 82
 Пшмановский Я. 35
 Радлов Н.Э. 29
 Раик А.Е. 76
 Раковский Л.И. 94
 Расин 122
 Распутин В. 76
 Реиц И. 65, 83
 Рерих Н. 65, 69
 Рид М. 25, 27
 Рильке Р. 52
 Роллан Р. 134, 159
 Росси Л. 116, 131
 Рудерман М.И. 44
 Рудзук Я. 134
 Руссо Ж. 122
 Рыкованов А. 75
 Саббатини Р. 28
 Савин А.М. 185, 186,
 217
 Самохвалов А.Н. 41
 Саути Р. 130
 Саутина Н.И. 93, 217
 Свиридов Г.В. 86
 Селиваповский С. 147
 Семибратов В.К. 5, 62,
 69, 217
 Сервантес М. 94
 Сергеев П.С. 40, 44
 Серебрякова Г.И.
 133-139
 Серов В. 84, 213
 Синклер Э. 94
 Скатов Н.Н. 92
 Соболевский С.А. 83
 Соколов П.Ф. 82
 Соколова В.Н. 174, 183
 Соколов-Микитов И.С.
 94
 Сорокин П. 183
 Спектор У.М. 194
 Стерн Л. 147
 Стивенсон Р. 28
 Столетов А.Г. 37, 43, 45
 Стоу Б. 25
 Строганов М.В. 115,
 132, 217
 Суворин А.С. 76
 Судьина А.В. 61
 Сумароков А. 150
 Сыпченко Н. 206
 Сыгин И.Л. 46, 76
 Тарковский А.А. 153
 Тарле Е.В. 165
 Татьяначева Л. 76
 Твардовский А.Т. 29,
 158
 Твен М. 35
 Тепляков Г.М. 36-45
 Теплякова И.Г. 38
 Тетерин А.А. 133, 217
 Тихонов Н.С. 94, 159
 Толстой Л.Н. 25, 52,
 101, 166
 Тоноров В.Н. 115
 Торопов Г. 65
 Тропинин В.А. 65, 82
 Тургеев И.С. 43, 52, 72,
 162, 164
 Тынянов Ю.Н. 94
 Ульяпов Н.Л. 84
 Фаворский В.А. 84, 95,
 98
 Фальк И.В. 56
 Фешин Н.И. 65
 Филдинг Г. 94
 Фурманов Д. 134
 Харлампович К.В. 63,
 70
 Хемницер И.И. 115
 Худяков М.Г. 69, 70
 Цветаева М.И. 90
 Цыгулен А.А. 44
 Чайковский П.И. 105
 Чапек К. 161
 Чапыгин А. 41, 45
 Чарская Л. 25
 Чачуа М.М. 5, 140, 218
 Чекалова И.В. 170, 218
 Чемезов Е.П. 115
 Чернецов Г.Г. 83
 Чернопобас А.А. 70
 Чехов А.П. 25, 52
 Чирва А.Н. 160, 206, 218
 Шварц Е.Л. 94
 Шведова Ю.Н. 209
 Шекспир В. 94
 Шехтер А.М. 191-192
 Шиллинговский П.А. 97
 Шипилова Е.Н. 173
 Шипшин И.И. 64
 Шолохов М. 207
 Шоуб Б. 137
 Штильмарк Р.А. 29, 32,
 33
 Шустрова Л.В. 6, 218
 Шухаев В.И. 84
 Шенников В. 73

СОДЕРЖАНИЕ

- 5.** Шустрова Л.В. К читателям и авторам «АБ»

Книжные памятники

- 9.** Лизогоубов Р.А. Перечень изданий XVII в. московского Печатного двора по списку 1777 г.

Библиотеки и библиофилы

- 23.** Оприцова Т.А. «Сага captivitas» – милый плен: о книге и чтении по материалам одной музейной экспозиции
- 46.** Злочевский Г.Д. Интуиция помогла
- 57.** Морковина А.Ю. Хранитель времени (об Александре Сергеевиче Папшеве)
- 62.** Семибратов В.К. Имя П.М.Дульского на страницах журнала «Казанский музейный вестник»
- 71.** Земкова Н.Н. Сокровища на века: редкие издания и коллекции в фонде Национальной библиотеки им. А.С.Пушкина Республики Мордовия

Резцом и кистью

- 80.** Покатов В.В. Свет Пушкина. Образ, знакомый с детства
- 93.** Саутина Н.И. Г.Д.Епифанов и его вклад в развитие искусства гравированной книжной иллюстрации

Книга и жизнь

- 115.** Строганов М.В. Пропавшая книга М.Н.Муравьева
- 133.** Тетерин А.А. Книги и память
- 140.** Чачуа М.М. Глеб Коренецкий: «Вот увидите, мои книги станут раритетами!»
- 147.** Кацев А.С. Таинство поэтического образа, или книжка о Книге

Наши публикации

- 153. Жашуева Л.Х.** Жизнь – «Восхождение» (о поэте Кайсыне Кулиеве и его машинописном подстрочнике)
- 160. Чирва А.Н.** Русская классика: как прочтёшь, то и пожнёшь... (или как получают полупрозрачную тень истины)
- 170. Чекалова И.С.** К истории памятника на могиле К.Н.Батюшкова
- 185. Савин А.М.** Абонемент на билет в кино без очереди...

Юбилеи

- 189. Поздравляем с юбилеем сотрудников российских библиотек!**
- 191. Александру Моисеевичу Шехтеру – 80 лет!**
- 193. Громов А.Н.** Лоцман моря миниатюрных книг
(к 70-летию А.И.Кармишин)
- 197. Жизненное кредо Арсена Мелитоняна**

In memoriam

- 201. Борисова И.С.** «Родные лица в памяти не меркнут...»
- 206. Чирва А.Н.** Владимир Ильич Десятерик (1938 – 2019)
- 209. Громов А.Н.** Светлана Николаевна Никольская (1939-2019)
- 212. Балаклиенко Ю.М., Вяткин М.Г.** Ольга Михайловна Виноградова (1921-2019)

- 216. Коротко об авторах**
- 219. Именной указатель**

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск сорок второй

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА
ЗУБЧЕНКО К.А.

РЕДАКТОР, КОРРЕКТОР
ОСИПОВА С.Ф.

Сдано в набор 18.08.2019 г.
Подписано в печать 18.09.2019 г.
Формат 60x84/16.
Печать офсетная.
Бумага офсетная №1.
Объем 12+2 п.л.
Тираж 500 экз.
Заказ № 639

ISBN 978-5-93863-035-2

Международный союз книголюбов
107031, г.Москва, ул.Пушечная, 7/5, стр.2
<http://www.knigoluby.ru>
e-mail: knigoluby@mail.ru
Тел.: (495)621-82-21, факс: (495)621-46-26

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6